ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Найди место

**Юным ленинцам семидесятых годов!
Открытое письмо
Героев Социалистического Труда
и орденоносцев,
получивших награды в пионерские годы.**

Пионер семидесятых годов!

Мы хотим говорить с тобой о деле серьезном, исключительно важном.

Пятилетка, пятилетний план, год третий, решающий — об этом думают, этим заняты сейчас все взрослые: твои родители, твои учителя и вожатые, шефы твоей школы, рабочие и колхозники, инженеры и ученые, люди всех профессий. И возникают по всей стране новые города, сходят с конвейеров новые машины, новые сверхплановые тонны металла получают заводы и о новом большом урожае заботятся те, кто растит хлеб.

На XXIV съезде КПСС и на пленумах, обращаясь к народу, партия коммунистов сказала, что выполнение всех наших планов, богатство и могущество нашей страны зависят от того, как каждый из нас участвует в пятилетке. Значит, зависят и от нас с тобой тоже.

Твой вожатый, ленинский комсомол, на своем Всесоюзном собрании постановил считать этот год и все другие годы пятилетки годами ударного труда и отличной учебы. Этот призыв обращен и к тебе.

Ты носишь красный пионерский галстук. Вместе с тобой, рядом с тобой двадцать пять миллионов ребят в красных галстуках. Вдумайся: двадцать пять миллионов!

Если каждый посадит одно дерево — это двадцать пять миллионов деревьев. Если каждый соберет хотя бы один килограмм металлолома — двадцать пять тысяч тонн металла получат домны. Если каждый сбережет лишнюю тетрадку — сохранятся нетронутыми сотни гектаров леса.

Всегда, во все времена пионерской истории ребята в красных галстуках были помощниками старших. Строился Днепрогэс — рядом с молодыми рабочими трудился ударный пионерский батальон. Воздвигалась Магнитка — тысячи пионеров участвовали в субботниках и воскресниках. Мы хорошо помним, как в годы войны сражались в бою пионерские эскадрильи и танковые колонны, построенные на деньги, заработанные пионерами. Мы хорошо помним, как колосок к колоску собирали ребята тонны зерна, как отправляли бойцам теплые рукавицы и шапки, сшитые своими руками.

В летописи нашей пионерской организации — металл для ударных комсомольских строек, для стотысячной колонны тракторов, сады и парки в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 50-летия образования СССР, сотни гектаров новых лесов и десятки ценнейших опытов для родных колхозов и совхозов. И сегодня, когда на заводах и фабриках, на шахтах и рудниках, на колхозных и совхозных полях, в научных лабораториях и конструкторских бюро идет борьба за выполнение планов пятилетки, а значит, за будущее нашей страны, найди и ты место в общем строю.

в общем строю!

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ИЮЛЬ 7
Издательство «Правда»
Москва 1973 г.

© «Пионер». 1973.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Ты, пионер села, активно участвуй в борьбе за урожай этого решающего года пятилетки! Сам смотри и у старших спрашивай, чем ты можешь помочь хозяйству. А сделать ты можешь многое: вместе со взрослыми прополоть овощи, заготовить корма для скота, ухаживать за кроликами и молодняком на ферме, собирать урожай фруктов и хлопка, помогать колхозникам и рабочим совхозов во всех их делах. Нужно провести опыты — проведи, нужно создать дозоры по охране урожая — создай, нужно выступить с концертом перед колхозниками и рабочими совхозов — выступи. И пусть вместе с тобой действует весь твой отряд!

Ты, пионер города, тоже должен помочь борьбе за урожай! Вместе с отрядом проведи трудовые десанты, подружись с сельскими пионерами, в лагере и в походе, всюду, куда ты приедешь отдыхать, погляди и подумай, чем ты можешь помочь пионерам села.

Хлеб — это богатство страны, хлеб — это труд миллионов людей: тех, кто его растит, тех, кто создает тракторы и комбайны, тех, кто выводит новые сорта пшеницы. Береги хлеб!

Думы об урожае, забота об урожае — одна из главных наших задач сегодня. Вслед за этим вместе со взрослыми, вместе со всем народом смело берись за решение других задач, больших и трудных. Мы уверены: они тебе по плечу!

Труд почетен в нашей стране. Самым большим уважением у нас пользуются люди труда: рабочие и ученые, колхозники и писатели, врачи и инженеры.

Любите труд! Каждый день делайте что-то полезное у себя дома, во дворе, в школе, в пионерском лагере, в ученической бригаде. И завтра старайтесь делать лучше, чем сегодня!

В 1974 году твоя пионерская организация будет отмечать 50-летие со дня присвоения ей имени В. И. Ленина. Носить имя вождя революции, основателя нашей партии и Советского государства — почетно и ответственно.

Мы очень надеемся на тебя, мы знаем, ты и все твои друзья, все двадцать пять миллионов красногалстучной армии вырастут достойными продолжателями дела Ленина, дела своих отцов и старших братьев!

Герой Социалистического Труда
Нателла ЧЕЛЕБАДЗЕ

Герой Социалистического Труда
Турсунали МАТКАЗИМОВ

Кавалер ордена Ленина
Мамлакат НАХАНГОВА

Кавалер ордена «Знак Почета»
Рауза ШАМЖАНОВА

Кавалер ордена «Знак Почета»
Барасби ХАМГОКОВ

Б. Хамгоков

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Разговор на Совете

«ХОТЬ СЕЙЧАС ВЗЯЛ БЫ ЭТИХ РЕБЯТ К СЕБЕ В КОЛХОЗ! —

говорили председатели колхозов о ребятах, которые приехали на Всероссийский слет ученических производственных бригад и школьных лесничеств. — Это настоящие мастера!»

ВСЕ-ТАКИ Я СПРАВИЛСЯ!

Рассказ Петра Шитикова из села Ново-Александрово, Ставропольского края.

Нас как-то позвали на ферму: идите, мол, к нам доярами! Было нас четверо парней из класса. Сначала мы пошли просто так, посмотреть. Одно дело трактора, комбайны — машины мы проходили в школе и практику сдавали на комбайне. А вот работать дояром — раньше я об этом и не думал...

Аппарат для машинного доения я освоил быстро, дня за два. Я в нашей школе веду радиокружок, и мы с младшими ребятами собираем приемники, передатчики.

Самым трудным для меня оказалась дойка. Аппарат закрытый — во время дойки не видно, идет молоко или нет. Только на слух можно уловить, если какие-нибудь неполадки. Иногда кажется, молоко больше не идет, тогда снимаешь аппарат, начинаешь додаивать руками, а молока-то еще много!

Но все-таки я справился с дойкой, и меня даже оставили на ферме инструктором.

Потом нам сказали, что будет конкурс. А на конкурсе важно не только все хорошо сделать, но еще и в нужное время уложиться. На промывку аппарата перед дойкой дается девять минут, на разборку и сборку еще меньше, всего семь минут. Приходится строго контролировать время, каждую минуту учитывать. И тут меня друг выручил. Он приходил на ферму и сидел около меня с секундомером. Если я где-нибудь застревал, друг меня подгонял, замечал все мои ошибки. Я занял в школе первое место и на областном конкурсе тоже. И заработал за лето хорошо — теперь на приемник хватит и к морю смогу поехать.

«МАЛЬЧИШКИ, НЕ БОЙТЕСЬ ЭТОЙ РАБОТЫ! —

сказал главный зоотехник Министерства сельского хозяйства РСФСР Альберт Леонидович Сурин.— Издавна считалось: доить коров — женское дело. А сейчас во всем мире фермы становятся механизированными. Теперь нам не обойтись без знания техники, без умения ею управлять. Вот мы и говорим сейчас мальчишкам: «Не бойтесь этой работы! Становитесь мастерами машинного доения!»

В НАШЕЙ СЕМЬЕ — ВСЕ СТРИГАЛИ

Рассказ Рауфа Мухамадиярова из Демской средней школы Башкирской АССР.

В июне у нас все на стригальном пункте — и школьники и механизаторы. Работы много — в совхозе восемь ферм, на каждой восемьсот — тысяча овец. Да еще спешить надо, в августе у нас уже не стригут овец: шерсть у них пылится, становится грязной. В такие дни я стриг по восемьдесят овец. Уставал, конечно. Все время приходилось стоять нагнувшись.

А когда начинал, трудно было — сил не хватало овец ворочать. Весят они по тридцать — сорок килограммов, а то, бывает, матку пригонят килограммов на пятьдесят! Тут, чтобы стричь, надо силу иметь в руках и ногах. Ведь если будешь как попало машинкой работать — получится брак. Руно нужно снять строго по правилам — одним разом, как платье. А если срезанная шерсть на куски разваливается — это некачественная работа...

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Пятая четверть — трудовая!

Дома у нас все стригали. Отец, Рамазан Семигулович, знаменитый стригаль. Старший мой брат у него учился, и младшие братья — один первоклассник, другой в пятом классе — тоже, наверное, будут стригалями.

Я ПОКА ТОЛЬКО УЧУСЬ

Рассказ Оли Сыровежко из Генеральской средней школы Ростовской области. На всероссийском конкурсе юных пахарей она заняла первое место среди девочек-механизаторов.

Я учусь на тракторе работать. Теорию мы проходили в школе по машиноведению, а когда села за руль, ничего сначала не получалось.

Первые дни я просто ездила целый день с инструктором на лугу, за огородами. Трудно мне было управлять трактором. Руль тяжелый, неповоротливый. Несколько раз приходилось двигатель запускать, пока трактор сдвинется с места. Наконец справилась со всеми рычагами. Знаю, что теперь главное — ровно вести трактор, тогда борозда будет аккуратная. А меня руль не слушается! Несколько дней тренировалась, специально размечала участок, чтобы ровней борозду провести.

Теперь я уже справляюсь с машиной, но и сейчас вижу, что мне еще не все удается, и каждый раз стараюсь лучше провести борозду.

«ГЛАВНОЕ — ХОРОШО ЗНАТЬ МАШИНУ! —

говорит Прасковья Тихоновна Труфанова, Герой Социалистического Труда, делегат XXIV съезда КПСС, трактористка колхоза «Ленинец», Сальского района, Ростовской области.— Я своей профессией довольна, не жалею, что тридцать лет жизни ей отдала.

Девочкам, конечно, труднее, чем парням, но тем, кто машину любит, интересно.

Очень нам в колхозе трактористы нужны, и хоть я сейчас не работаю, на пенсии, а все стараюсь помогать молодежи, учить их нашему делу».

ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ В КОЛХОЗ

Рассказ Наташи Казаковой из села Костенки, Воронежской области.

Нашей ученической бригаде шестнадцать лет — она как раз мне ровесница.

Раньше мы сеяли тот же сорт пшеницы, что и колхоз,— «безостую-1». Она урожайная, но в наших краях нередко вымерзает. Вот колхоз и дал нам задание — найти другой сорт, для наших условий более подходящий. Мы пробовали разные сорта пшеницы, и самым хорошим оказался сорт «мироновская-808». Стали размножать, выясняли, как на него влияют удобрения, уточняли, когда их вносить и сколько.

Четыре года работали, и сейчас сеют «мироновскую» уже в колхозе.

За эти годы я многому научилась в бригаде. Умею разбивать поле на делянки, определять, где какая почва, где какие нужны удобрения. Образцы почвы мы приносим в школьную агрохимическую лабораторию и исследуем их состав. Иначе не узнаешь, кислая почва или щелочная,— в зависимости от этого нужны разные удобрения.

Я люблю работать в нашей лаборатории. Здесь я научилась делать растворы точной концентрации, пользоваться химическими весами. Умею определять, сколько жира в подсолнечнике, крахмала в картофеле.

Сейчас лабораторией руководит выпускница Воронежского сельскохозяйственного института. Училась она в нашей школе и после института вернулась в колхоз агрономом. Я тоже хочу, как она, после института вернуться в колхоз и организовать такую же агрохимическую лабораторию, как в бригаде,— только еще лучше.

И летом действует твой отряд!

13 июля 1943 года на площади литовского местечка Дукштас фашисты казнили храбрую партизанку Марию Мельникайте. Комсомолке Марие Мельникайте посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Мария Мельникайте

Саломея НЕРИС

1

Мала, за стадом не видать,
Разыскивать устанешь.
Марите, кто мог ожидать,
Что ты великой станешь?

Бывало, матушка зовет:
«Да где же ты, Марите?»
Зовут подруги в свой черед.
Зовите не зовите!

Марите черненьких овец
Пасла в тетради белой.
«Не поздно ль,— спрашивал отец,—
Ты за ученье села?»

Ночник мигал и вкривь и вкось,
Ложилась тень короче.
Откуда мужество бралось?
За книжками все ночи...

2

Окно открыто, даль светла,
Плывут потоки света.
Тебя Отчизна позвала:
«Моя Марите, где ты?»

Мы на закате в тишине
Пастушку увидали:
Считала камушки на дне —
Те камушки сверкали.

Но это не Марите — нет,
А солнце заходило,
Ладонью тонкою, как свет,
По лицам проводило.

3

Вдруг загремели небеса,
И дождь полился сталью,
И кровью выпала роса,
И села запылали.

И сыновей Отчизна-мать
Молила о защите.
Ушли мужчины воевать,
А что же ты, Марите?

Рисунок А. ТОЛКАЧЕВА.

Сказала ты: «Отчизна-мать,
Свобода — мне сестрица».
Дорогу подвига избрать
Не каждая решится.

Но ты у Родины в долгу
Остаться не хотела,
Ты не сказала: «Не могу» —
Пошла на подвиг смело.

Озера плакали навзрыд,
Темнели и бурлили,
И был печалью лес покрыт,
Как налетевшей пылью.

4

Отряд остался у реки,
Лед тронулся недавно.
И окружили вас полки.
Что ж, погибать бесславно?

— В ловушке гибель нелегка! —
Воскликнула Марите.—
Не выдаст нас своя река.
Товарищи, плывите!

Намокла прядь твоих волос,
И губы посинели.
Откуда мужество бралось
В девичьем тонком теле?

5

Ночь за решеткою долга,
И ты одна осталась.
Не станешь ты в руках врага
Рассчитывать на жалость.

И ты промолвила врагам
Бесстрашно и сурово:
— Пусть камни отвечают вам,
Я не скажу ни слова.

Привыкли жечь и грабить вы.
Эй, палачи, дрожите!
Вы не погубите Литвы,
Хоть сгубите Марите.

Захватчиков душила злость,
Тебя пытали, били.
Откуда мужество бралось?
Молчала, как в могиле.

6

Пестрели яркие цветы,
Дул ветер на раздолье,
Во все глаза глядела ты
На молодое поле.

Еще не погасила мгла
Зеленых листьев пламя,
И тучи мельница гнала
Широкими крылами.

Ладья по Дукштасу [1] плыла,
Кругом шуршали лозы.
Как хороша Литва была,
Как хороша сквозь слезы!

В прохладный Дукштас в этот час
Рыбак закинул сети.
А с них ты не сводила глаз
В последний раз на свете.

На грудь склонилась голова,
И вытянулось тело...
Докончит за тебя Литва
Твое святое дело.

Наступит новая весна,
Пробьются всходов нити,
И песней помянет страна
Отважную Марите.

1943 год.

---

[1] Дукштас — озеро в Литве.

ВСАДНИКИ на станции Роса

Владислав КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Окончание

Они шагали гуськом по тропинке, которая то и дело терялась в траве. Позади, рассеянно вертя головой, семенил Нок. Под носом у него пролетали желтые бабочки, и Нок щелкал пастью.

Алексей Борисович шел впереди. Он оборачивался и объяснял на ходу:

— На реке, километрах в полутора отсюда, стоит на приколе баржа. К ней иногда катера швартуются. Если какой-нибудь мимо пойдет — посигналим. Может, повезет нам. Катер, конечно, не экспресс, но в сумерках до города, возможно, доберемся... Ну, а если не повезет, что же, будем считать, что у нас еще одно приключение.

Слово — удивительная вещь. Если скажешь «неудача» — кисло на душе делается. А если скажешь «приключение», то сразу веселее. Сережа догнал Алексея Борисовича и зашагал рядом — не по тропинке, а прямо сквозь траву.

Травы цвели. Высоко, иногда у самых Сережкиных плеч, качались длинные розово-лиловые свечки иван-чая. Желтел в путани-

це листьев львиный зев — смешные цветки, похожие на щенячьи мордочки. Чиркали по Сережкиным локтям головки мелких белых соцветий, которых мало кто знает названия. Путешественники незаметно перевалили плоский пригорок, и когда Сережа оглянулся, то уже не увидел станции. Только башенка с петухом торчала среди травы.

Иногда открывались лужайки с темно-красными головками клевера. Над клевером неподвижными мохнатыми шариками висели шмели. Неторопливо пролетала очень крупная коричневая бабочка. Нок не выдержал, гавкнул и бросился в погоню.

— Несолидно он себя ведет,— с улыбкой сказал Алексей Борисович. А Сережа с беспокойством следил за Ноком: не слопал бы пес в самом деле такую симпатичную бабочку.

Не слопал, не догнал. И, виновато моргая, вернулся к хозяину.

— Будешь пиратничать — намордник наденем,— пообещал Сережа. Нок дурашливо фыркнул и замотал головой. К морде прилипли травинки.

— Смотрите, Алексей Борисович, он траву ел! Говорят, если собака траву ест, значит, дождь будет.

— Да нет, едва ли. Это он просто с голоду. Я и сам готов подорожник жевать. А дождя не должно быть: небо вон какое хорошее.

В небе замерли желтовато-белые груды облаков, которые никогда не закрывают солнца и не грозят ненастьем. Ветра совсем не было. В прогретом воздухе стоял густой запах луга. Солнце припекало плечи.

— Придем к реке, искупаться можно будет,— мечтательно сказал Сережа.

Реки еще не было видно. Она лежала вровень с низкими берегами. Темные полоски прибрежных кустов и высокие травы закрывали воду. Лишь изредка пробивался вдали сквозь зелень синевато-стеклянный блеск.

Но вот кусты приблизились, расступились. Сразу же распахнулась перед путешественниками голубая вода с отраженными облаками. Нок бросился к песчаной полоске, ступил в воду передними лапами и принялся лакать с таким усердием, что внутри у него забулькало.

— Алексей Борисович, я окунусь, можно? — заторопился Сережа.— Мы с Ноком. На минуточку.

— Подожди-ка, дружище,— быстро сказал Алексей Борисович. Он смотрел вдоль берега.— Нам, кажется, повезло больше, чем я ожидал!

В сотне метров от них стояла на отмели баржа, а к ней приткнулся бортом крупный катер с белой рубкой и тонкой мачтой.

— Поднажмем,— сказал Алексей Борисович, и они «поднажали». Нок припустил за ними — по самой кромке воды, с плеском и брызгами.

— Точно,— отдуваясь, произнес Алексей Борисович, когда различимы стали белые буквы на корме — «Азимут».— Ну, как здорово, честное слово!

По тонкой сходне они поднялись на баржу. Здесь пахло отсыревшей деревянной обшивкой бортов, сухими досками палубы и дегтем. Нок медленно переступал и повизгивал: нагретые доски обжигали лапы. «Не ходи босиком»,— мельком сказал Алексей Борисович. Нок обиделся и ушел в тень высокого кормового люка.

Катер был ниже баржи. Алексей Борисович перегнулся через борт и позвал:

— Эй, на крейсере!

Из рубки выбрался широколицый веснушчатый парень и заулыбался.

— Володя! — воскликнул Алексей Борисович.— Ну, как я рад! Здравствуй... Сережа, это капитан Володя. Он прошлой весной снял меня с необитаемого острова, на котором я оказался из-за происков местных браконьеров. Я там почти сутки добросовестно играл роль Робинзона.

— Да вы и сейчас, мне кажется, товарищ Иванов, вроде Робинзона,— смеясь, проговорил Володя.— Хоть на что могу спорить, что до города транспорт ищете. Только не один вы сейчас Робинзон, а с Пятницей. Ага?

— Угадал. Насчет транспорта. А насчет Пятницы — это ты зря. Мы с Сергеем равноправные попутчики.

— Да я не к тому... Я про Пятницу вспомнил, потому что сегодня день-то как раз пятница.

— Ну-ну, вы опять путаете, мой капитан. Сегодня четверг.

— Вот уж тут-то я, товарищ Иванов, не путаю,— заупрямился Володя.— Я здесь стою как раз потому, что пятница. Витька, это наш новый моторист, взял на пятницу билеты в цирк, на семь вечера, а к семи нам не успеть. Мы на базу, в Решетниково, запчасти отвозили, да там нас проманежили. Вот он и побежал звонить в город девушке своей, чтобы не волновалась. Тут рядом водоразборная станция, а на ней телефон есть...

— Ч-черт,— сказал Алексей Борисович.— Как же это я? Неужели пятница? Сергей, что же ты молчал?

— Ну, Алексей Борисович, вы же не спрашивали, какой сегодня день. А разве обязательно надо, чтобы четверг?

— Да в том-то и дело. Я же в студенческом отряде корреспонденцию заказал, чтобы ребята написали про свою работу. Завтра они должны ее в редакцию привезти. Договорились, что обязательно завтра. А редакция в субботу не работает... Ах, братцы, старой перечницей я стал. Склероз.

— Да что вы, товарищ Иванов! — снисходительно утешил Володя.— Склероза у вас нет. Это у вас, извините, просто характер такой. Помните, когда я вас с острова снимал, вы там свою сумку оставили. Пришлось назад поворачивать... А я вам вот что посове-

тую. Вы сходите сейчас на водоразборку да звякните по телефону в колхоз, объясните, как и что.

— А вы подождете?

— А чего ждать? Это же рядом, шагов триста. Идите вниз по берегу, там деревянный дом да кирпичная будка. Увидите... А, вон Витька идет! Вить, работает телефон?

— Работает,— буркнул хмурый долговязый Витька.— Лучше бы не работал.— Она мне, знаешь, каких вещей наговорила...

— Ну, ничего. Может, еще успеем. Хотя бы на второе отделение. Только вот товарищ корреспондент сходит в колхоз, позвонит, и мы сразу врубим на всю катушку.

— Я бегом,— заторопился Алексей Борисович.

— Да вы не спешите, товарищ,— скучным голосом сказал Витька.— Мне лично по крайней мере спешить некуда. Раз уж она сказала, чтоб на глаза не показывался, это значит на три дня, не меньше.

— Да-а...— сочувственно протянул Алексей Борисович.— Ну, я все-таки поспешу. Ты, Сережа, подожди, я мигом. Кажется, кончаются наши приключения... Э, Сергей, да что с тобой?

А Сережа стоял с опущенными руками и всем своим видом словно говорил: «Ну, что же делать, если я такой никудышный, неудачливый, несчастный и бестолковый?»

— Что случилось, Сережа?

— Брюки-то я забыл,— шепотом сказал он.— Остались на скамейке. На спинке висят.

— Тьфу ты... Да ладно, Сергей! Неужели они тебе так уж нужны? Велики ведь они тебе. И порваны к тому же. Разве что клеймо интересное...

— Да не клеймо... Там же письмо в кармане осталось. Найдет кто-нибудь, читать будет.

— Досадно. Ну, в общем-то, что в нем особенного, в этом письме? Пусть читают!

— Там в кармане карточка. Мамина,— совсем тихо сказал Сережа.

— М-да...

И больше Алексей Борисович ничего не сказал. А что скажешь?

Сережа тоже молчал. Он ясно представил, как чужие любопытные пальцы выворачивают карманы, вытряхивают медяки, нащупывают и разворачивают письмо... А потом достают записную книжку, шелестят листками. Падает на скамейку снимок. Никто же не знает, что это его, Сережина, мама. Это для него мама, а для других просто незнакомая, чужая женщина. И бросят ненужную карточку в траву...

Сережа наклонился над бортом баржи.

— Товарищ капитан,— звенящим голосом сказал он Володе.— Я очень быстро сбегаю. Можно, а? Я бегом. Тут же недалеко!

— Да что случилось-то, товарищ Иванов?— забеспокоился Володя.— Чего это парнишка расстроился?

— Имущество кой-какое забыли на станции,— виновато объяснил Алексей Борисович.— Ну, не везет, как по заказу.

— Да пусть малец сбегает,— сказал моторист Витька.— Это же дело-то пустяковое: туда и обратно километра три, не больше. За полчаса обернется. А нам теперь и подождать можно, чего уж...

— Подождем,— решил Володя.

— Жми, Сергей,— сказал Алексей Борисович.— Собаку возьмешь?

— Нет, придержите ее, пожалуйста. Один я быстрее...

По правде говоря, он опасался, что вдруг на станции появятся поселковые ребята и предъявят на Нока права. Лучше не рисковать.

Он прыгнул на сходню, на берег, проскочил кусты и помчался так, что трава засвистела у ног.

Алексей Борисович удержал за ошейник встревоженного пса и сказал Володе:

— Славный парнишка... Вот сегодня утром я еще и не знал, что есть он на свете. А сейчас будто вместе с ним тыщу верст прошагали.

— Пацаны — они народ такой. К ним привязываешься,— согласился Володя.— Я прошлым летом две смены вожатым в лагере работал, от райкома комсомола. А потом отказался. Потому что как начинают разъезжаться по домам, будто от сердца отдираешь.

Алексей Борисович кивнул и отвернулся. У него болели глаза: перед этим он смотрел вслед Сереже, а тот убегал в сторону солнца. Чтобы глаза отдохнули, Алексей Борисович стал смотреть на северный берег. Там были луга, пестрые домики, синий бор на горизонте, а перед ним — курчавый березовый лес. За тем лесом прятался лагерь, где начальником Совков Тихон Михайлович.

Из леса выскочил серовато-голубой «газик» и запылил по дороге к мосту.

— Однако...— сказал Алексей Борисович.— Володя! Нет ли у тебя бинокля?

*

Еще издали, с пригорка, Сережа, увидел, что брюки по-прежнему висят на спинке скамьи. Осталось пробежать немного, перепрыгнуть заросшую канаву, проскочить кустарник — вот она, скамейка!

Он перепрыгнул канаву. Но когда перед ним оказались кусты, оттуда, из засады, вышли четверо.

Это были, конечно, враги: Гутя, Витька Сололобоев, Женька Скатов и Пудра.

— Гы...— сказал Пудра.— А вы говорили, уехал. Вот он, вовсе и не уехал даже. Ага!

— Привет,— насмешливо сказал Гутя. Он был, как всегда, красив и аккуратен, даже складочки на шортах отутюжены. Остальные трое были встрепанные и вспотевшие, а

Гутя даже прическу не разлохматил. Он вертел в пальцах одуванчик с пушистой головкой и улыбался.

Сережа сделал ошибку. Ему бы сразу шарахнуться назад, за канаву, а там еще посмотрели бы, кто быстрее бегает. Но он решил проскочить строй врагов, схватить со скамейки брюки и потом уже броситься к реке.

Не успел. Сразу шесть липких ладоней ухватили его за голые локти, за кисти рук. Сережа рванулся, конечно, да толку мало. Его трое держали, и каждый был сильнее Сережи.

— Не дрыгайся, силы береги,— сказал Гутя.— Еще до лагеря четыре километра топать, а ты, наверно, не обедал, бедненький.

— Гы! — сказал Пудра.

— Ну, чего пристали?! — отчаянно крикнул Сережа.— Я что вам сделал?

— Нас из-за тебя на речку не пускают и в лес,— объяснил ему из-за плеча Витька Солобоев. Он дышал Сереже прямо в ухо, и от него пахло грушевым компотом.

— Я-то здесь при чем?

— А говорят, если отпускать, то все начнут разбегаться, как ты. Ты больно хитрый. Сам до хаты, а мы сидеть из-за тебя в палатах должны?

— Врете вы все,— убежденно сказал Сережа.

— Ладно, это не твое дело,— сказал Гутя. Он один из всех не держал Сережу. Прохаживался перед ним. Помахивал одуванчиком. А в другой руке у него был маленький газетный сверток.

— Я в лагерь все равно не пойду,— сказал Сережа.

— За уши потащим,— пообещал Гутя.

«Ох, ну почему я не взял Нока?» — подумал Сережа. И сказал:

— Надорветесь.

— Справимся.

— Вы права не имеете. У меня же вещей нет, они на берегу остались.

— А собака? — спросил Женька Скатов.

— Тоже на берегу! — ответил Сережа и спохватился: «Не надо было говорить. Если бы думали, что Нок близко, может, испугались бы...»

— Вот и хорошо,— обрадовался Женька.— Дай, Гутя, колбасу, я ее вместо собаки съем. А то все равно Солобоев слопает, ему сегодня добавки не дали...

— Дурак,— сказал Гутя и зашвырнул сверток в кусты.— Не знаешь, что ли, что в этой колбасе?

— Не знаю,— растерянно отозвался Женька.— Я еще на кухне откусить хотел. А что?

— Дурак,— опять сказал Гутя.

«Неужели иголку сунули? — подумал Сережа.— Нок ведь не знает еще, что у чужих брать нельзя. Нет, хорошо, что он там». И сказал:

— Живодеры.

— За живодеров поимеешь,— пообещал Гутя.— В лагере. Ладно, пошли.

Сережа опять рванулся.

— Не пойду я! Меня там люди ждут! Катер!

— Ты, адмирал! — сказал Пудра.— Глядите, парни, катер его ждет.

Остальные загоготали.

— Не волнуйся, деточка,— сказал Гутя.— За тобой в лагерь персональный самолет пришлют.

— Вы еще за это ответите,— пообещал Сережа.— У меня там чемодан. Если вам за меня ничего не будет, за вещи вы все равно ответите.

На Гутином лице мелькнуло сомнение. Но тут вмешался Пудра:

— А на кой нам твой чемодан? Нам про него ничего не сказали. Может, ты его куда выбросил или запрятал, а мы искать обязаны? Нам не чемодан, а тебя велели в лагерь притащить.

— Негодяи! — сказал Сережа с закипающей яростью и бесстрашием.— Точно!

— Ну, ты...— медленно произнес Гутя и пушистой головкой одуванчика ткнул Сережу в губы. А облетевшим стеблем стегнул его по носу.— За негодяев ты особо получишь, по первому разряду.

Сережа мотнул головой и сплюнул прилипшие семена.

— Все равно негодяи,— сказал он.— А кто вы? Хорошие люди, что ли?

— Ладно, тащите его, парни! —скомандовал Гутя.

Сережу рванули вперед. Он уперся пятками, но кожаные подошвы сандалий заскользили по траве. Сережа постарался зацепиться ногой за куст, но только зря расцарапал кожу.

Ну, почему так устроен человек? И не боится он, и боли особой не чувствует, а только злость, и плакать совсем не хочет, а слезы сами по себе закипают где-то в глубине и грозят вырваться. Они еще не очень близко были, эти слезы, но Сережа уже чувствовал их.

Вырываясь, он сказал сквозь сжатые зубы:

— Зря стараетесь. Ну, притащите в лагерь, а потом что? Все равно за мной сейчас придут. Алексей Борисович обязательно придет. И собака.

«В самом деле,— думал он,— не уедет же Алексей Борисович. Все равно искать будет. Только как он догадается, где я? И когда он в лагерь придет?»

Гутя злорадно объяснил:

— Пусть ищут. С собакой. Там для тебя отдельная комнатка приготовлена в изоляторе. Будешь сидеть, пока мам-папу не вызовут. А потом на линейке... Ну, в общем, ясное дело.

— Могут и галстук снять,— пыхтя, добавил Солобоев.

— Нет,— огорченно сказал Гутя.— Не сни-

мут. В лагере нельзя выгонять из пионеров. А то бы запросто.

«Если запрут, могут и не сказать Алексею Борисовичу, что я в лагере. Тогда что?» —

И задрожала земля, расступились кусты.
— А ну не тррогать! — послышался звонкий и грозный голос.

подумал Сережа. И рванулся так яростно, что его чуть не упустили.

Витька Солобоев сказал, дыша компотом:

— Ну, я так не согласен. Четыре километра его переть. Машина-то, небось, уехала, а мы вкалывай. Я не лошадь.

— Чичас он сам побежит,— вдруг сообщил Пудра.— Вы его только подержите.

Он отпустил Сережу (а Витька с Женькой вцепились в него еще крепче) и побежал к заросшей канаве. Мальчишки ждали. Сережа видел, как Пудра натянул на ладонь обшлаг рубашки и вырвал длинный, почти метровый стебель крапивы с темно-зелеными узкими листьями.

— Гады, четверо на одного,— сказал Сережа и даже удивился, что ничуть не боится. И слезы больше не грозили ему. Была в нем холодная, спокойная злость, только и всего. А Пудра улыбался большим ехидным ртом, помахивал крапивой и медленно подходил.

— Ну, побежишь? — спросил он.

— Попробуй только ударь,— сказал Сережа.

Пудра сильно размахнулся и стеганул его повыше колен. Сережа закусил губу, но не двинулся.

— Вы меня хоть огнем жгите, я вам подчиняться все равно не буду.

— Будешь,— протянул Пудра и хлестнул еще раз.

Неожиданно, то ли из книжки про разведчиков, то или еще откуда-то, вспомнились Сереже слова: «Если ударить противника под колено каблуком, можно сразу вывести его из строя...» И он без размаха, коротко, трахнул сандалией Пудру по ноге.

Пудра ойкнул, присел. Свободной ладонью зажал колено. Однако крапиву не выпустил. Глаза у него сузились, и он прошипел:

— Ну, чичас попляшешь...— И размахнулся.

— А ну, кончай!— сказал вдруг Женька Скатов и отпустил Сережу. Это было очень неожиданно, и Сережа пропустил момент. Ему бы рвануться из Витькиных лап— и был бы свободен. А он прозевал, и в следующий миг его руку перехватил Гутя.

— Ты чего? — спросил Гутя у Женьки.

— А ничего,— хмуро бросил Женька.— Мучаете человека. Чего он размахался?— Женька кивнул на Пудру.— Ему бы так...

— Ты, а меня крапива не берет. Я в нее могу без штанов прыгнуть. На спор,— сказал Гутя.

— Ну и болван,— отрезал Женька.— Все вы... Собаку еще погубить хотели, она-то при чем?

— А тебе жалко? — с досадой сказал Гутя.— Она бы тебе ноги пообглодала.

— А мне чего их глодать? Я, если б знал, с вами бы не связался... Обождите, я еще скажу в лагере, как вы его мучили...

Он вдруг повернулся, пролез через кусты и зашагал к дороге.

— Во изменник! — сказал Пудра, все еще держась за колено.

— Ему же хуже будет,— сказал Гутя.

— Хуже всех будет вам,— пообещал Сережа.— Вы еще вспомните...

— Ой, страшно. Он сейчас маму позовет,— прохихикал Витька Солобоев. Сережа напряг плечи и сжал кулаки — кулаки-то у него были свободны. И Пудра, глядя на него, вдруг проговорил:

— Не-а. Он не маму позовет. Он всадников своих позовет чичас... Мюн-Хавузен. Ну, зови своих всадников! — И, скривив рот, он издевательски проблеял: — Ескадро-о-он!..

Ох, если бы на самом деле были всадники! Все, что есть у него, отдал бы за это Сережа! Полжизни отдал бы за минутное чудо, за то, чтобы гневные всадники примчались сейчас для защиты и мести. Чтобы и Гутя, и Витька, и гнусный Пудра затряслись и побелели от ужаса перед непонятной и неожиданной силой. Если бы!

И сильнее боли, сильнее обиды и злости жгучей волной поднялась в нем тоска по чуду, которого не может быть.

Ведь только совсем маленькие дети верят в сказки до конца...

*

Только очень маленькие дети верят в чудеса. Да еще старые, много пожившие люди утверждают, что чудеса все-таки бывают. Редко-редко, но случаются. Но Сережа-то не был маленьким ребенком. И старым, опытным человеком он тоже не был.

И он изумился и вздрогнул почти так же, как и его враги, когда в полыхании рыжих грив и с глухим громом подков пятеро кавалеристов вылетели на поляну и встали полукругом.

И самый главный всадник, смуглый, белозубый, в зеленой рубашке и парусиновой буденовке с суконной голубой звездой, негромко сказал:

— Не трро-огать!..

И стало тихо-тихо. Только в сбруе у лошади звякнули медные колечки.

*

Катер рокотал мотором и разгонял по стеклянной воде длинные волны. Вода и небо были светлыми, несмотря на поздний час. А берега кутались в сумерки.

Мигая цветными огоньками, плавно прокатывались навстречу сухогрузы и буксиры. На них играло радио.

Впереди, там, где не гасли закатные облака, поднимался город: трубы, крыши, башни и узорчатые вышки. Там тоже мигали огоньки, и становилось их все больше.

— Через полчаса причалим,— сказал Алексей Борисович.— Если больше не будет приключений. Если не сядем на рифы, не нападут пираты и не налетит тайфун.

Они с Сережей стояли на носу у поручней. Сережа молчал. Он не откликнулся на шутку. Смотрел перед собой и молчал.

— Сергей,— сказал Алексей Борисович.— Ты меня пугаешь, честное слово. Ты целый час будто в рот воды набрал. Что с тобой?

Сережа повернул к нему лицо. Оранже-

— А как всадник услышит, что его зовут?
— Учись...— откликнулся Алексей Борисович.— Слушай, смотри.

выми веселыми точками блеснул в его глазах закат.

— Я вспоминаю,— сказал Сережа.— Вы не смейтесь, Алексей Борисович, ладно? Я вспоминаю. Как они примчались! А говорят, чудес не бывает.

Алексей Борисович взял его за плечо. На Сережином плече, под ключицей, часто билась горячая жилка.

— Чудеса бывают,— осторожно сказал Алексей Борисович.— Собственно говоря, что такое чудо? Несколько редких случаев, совпавших друг с другом... Вот, допустим, открою я портфель и скажу: «Раз, два, три! Упади сюда метеорит!» Упадет?

— Нет,— уверенно сказал Сережа.

— А вдруг? Ведь они все-таки падают на Землю. И если так совпадет, что катер окажется на месте падения.

Сережа засмеялся.

Алексей Борисович сказал:

— Так получилось. Надо было, чтобы я взглянул на берег и увидел «газик», который вдруг остановился у моста и высадил ребят. Надо было, чтобы рядом оказался телефон. И надо было, чтобы в правление колхоза в тот момент зашел командир отряда Володя Малахов. Они как раз хотели ехать в Дмитровку, и лошади были оседланы... Вот и получилось чудо. Это, брат, такие ребята, что лишнее чудо сотворить не откажутся.

— А почему у них форма?

— Все студенческие отряды сейчас форму себе шьют. Каждый свою. Ты разве не видел? А эти ребята все время с конями, вот и завели буденовки, кто сумел. Красивая форма?

— Еще бы.

Сережа закрыл глаза и снова, как в кино, увидел рванувшиеся кусты, вскинутые конские головы, вздыбленного гнедого жеребца на краю поляны, острые шлемы с голубыми кавалерийскими звездами...

«Не трро-огать!»

А потом крепкие руки, жесткое седло. Трава, летящая под копытами.

«Не трро-огать!»
Сережа засмеялся, вцепившись в поручень.
— Как они... Будто атака! Даже я ничего не понял. А те, кто меня ловил! Они, наверно, и сейчас ходят обалделые... Нет, все равно это — чудо, Алексей Борисович.
— Может быть... Но, видишь ли, Сережа, такие чудеса случаются раз в жизни. Не чаще. И надеяться на них не надо.
— Я понимаю, — тихо сказал Сережа.— Ну и что же? Мне и одного хватит на всю жизнь.
— Тебе... А другим?
— Другим?
— Да. А как же... Ты сейчас рад, спокоен даже. А кто-то в этот миг зовет на помощь. Ты думаешь, всадники спешат туда?
— А что же делать?
— Будь всадником сам. Не обязательно на коне и в шапке со звездой, не в этом главное.
— Я понимаю,— опять сказал Сережа.
По берегам начинался город: с цветными неоновыми вывесками на магазинах, с яркими вспышками электросварки, с желтыми квадратиками окон. С тихой музыкой репродукторов. Мотор заработал тише. Стало слышно, как по-ребячьи сопит на свернутом брезенте Нок, слопавший два корабельных ужина.
— Почти приехали,— заметил Алексей Борисович.
Сережа сказал:
— Всадникам, наверно, тоже приходится нелегко.
— Конечно. А ты испугался?
— Нисколечко. Просто я вспомнил. В прошлом году один тип у нас во дворе хотел кошку повесить. Говорил, что бродячая. А она даже не бродячая была, а просто заблудилась. Мы с ребятами вырвали и убежали. А потом нас все соседи ругали. Говорили: со взрослыми спорить не полагается.
— Ну, что ж... Конечно, не полагается. Только разве всегда знаешь, что полагается, а что нет? Мне, наверно, по всем правилам полагалось отправить тебя в лагерь, а не подымать по тревоге кавалеристов. Но ты ждал всадников...
— Вы говорите, что другие ждут тоже.
— Да.
— А как узнать? Как всадник услышит, что его зовут?
— Учись...— откликнулся Алексей Борисович.— Слушай, смотри.
Катер заглушил мотор и по инерции подходил к пирсу Там, под яркой лампочкой, сидел маленький мальчик-рыболов.
— Эй, пацан, ноги береги! — закричал выскочивший на палубу Витя-моторист.
Мальчик вскочил, взметнув длинную удочку.
Стало совсем тихо, только журчала у борта вода.
В этой тишине Сережа негромко сказал:
— Я постараюсь.

Семнадцатого июля этого года исполняется семьдесят лет со дня открытия II съезда Российской социал-демократической рабочей партии. Он навсегда вошел в историю партии, страны, всего земного шара. Именно на нем сторонники Ленина объединились в крепкое монолитное ядро. Их стали называть БОЛЬШЕВИКИ.

Из этого большевистского ядра выросла Коммунистическая партия Советского Союза.

Александр МЕЖИРОВ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, подымающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый.
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в
лоб,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,
Но стучит над шинельным сукном
пулемет,
И тогда еле слышно
сказал
комиссар:

Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем
Получившим оружье
Даны...

Сосчитали штандарты побитых
держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на реках.
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскорузлых,
Тяжелых,
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль
на Днепре.
И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.
И когда не хватало
«Предложенных мер»
И шкафы с чертежами грузили на
плот,
Еле слышно
сказал
молодой инженер:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин
в синеву —
И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях,
Закопанных в пашни «КВ»,
Высыхали тяжелые капли дождя.

И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда
еле слышно
сказал
командир:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий
шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В Мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами
Ветер и снег,
Но железом нестынущим пахнет
земля.
Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах
Кремля...
Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного невпроворот,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Антонина Степановна Тюфаева была когда-то работницей на прядильной фабрике, потом училась в Тимирязевской академии. Коммунисты избрали ее своим вожаком, и она стала секретарем райкома. Уже много лет она возглавляет коммунистов Кировского района: рабочих, инженеров, ученых. За хорошую работу Советское правительство присвоило ей звание Героя Социалистического Труда. Все в районе любят Антонину Степановну, уважают ее за то, что она честная, добрая, принципиальная.

Район Москвы — все равно что город средних размеров, и забот у Антонины Степановны много. А теперь их и вовсе прибавилось: начался обмен партийных билетов.

...У пионера красный галстук. У коммуниста — партийный билет. Тот, кто носит его, всего себя отдает партии, борьбе за торжество коммунизма.

В музеях хранятся партийные билеты, пробитые вражескими пулями, билеты, потемневшие от соленого пота героев пятилеток,— безмолвные свидетели того, что коммунисты всегда были первыми и, даже умирая, побеждали.

70 лет назад была образована партия рабочего класса. Вначале у большевиков не было партийных документов, потому что партия работала в подполье. Потом, после революции, коммунистам стали вручать партийные

Антонина Степановна говорит с коммунистами, которые получают новые партийные билеты.

билеты. С 1927 года установилась такая традиция: билет номер один выписывать на имя Владимира Ильича Ленина.

1 марта, когда наступил срок нынешнего обмена партдокументов, снова в самом первом партийном билете было написано имя — Ленин. Имя того, кто семьдесят лет назад на Втором съезде нашей партии четко сформулировал первую заповедь коммуниста — быть борцом.

Об этом говорила Антонина Степановна в торжественный день вручения новых партийных билетов коммунистам Кировского района. Говорила о трудовой доблести, о верности заветам Ленина, назвала партийный билет вторым сердцем коммуниста-борца.

Торжественный день вручения новых партийных документов. На фотографии слева ты видишь: партийный билет получает инженер-конструктор Герой Социалистического Труда Алексей Федорович Федосеев.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

Старшие друзья — коммунисты — есть и у твоего отряда. Это учителя, шефы, родители. Не забудь их поздравить! Обмен партийных билетов — важное событие в жизни нашей страны. Семидесятилетие со дня образования партии рабочего класса России — знаменательная дата в истории советского народа и ленинской партии.

...Завод имени Владимира Ильича. Цех, где выступал Ленин. В этом цехе трудятся только по-ударному, и впереди всех в труде — коммунисты. Один из них — паяльщик Федор Григорьевич Шершухин.

Свой первый партбилет он получил давно — в войну, на поле сражения. Фашисты ранили его в голову, он ослеп и, превозмогая боль, слепым ставил свою подпись в билете...

Врачи вернули ему зрение, и вся дальнейшая жизнь Федора Григорьевича прошла на заводе. Свое рабочее дело (он изготовляет детали для передвижных электростанций) Шершухин очень любит, вкладывает в него столько тепла, доброты к людям, что всем вокруг хочется следовать его примеру. Рабочий человек, он был членом партбюро цеха, народным заседателем Верховного суда РСФСР.

Федор Григорьевич Шершухин, коммунист с завода имени Владимира Ильича, одним из первых получил партийный билет.

Почти пятнадцать миллионов коммунистов получают билеты нового образца. На билете — портрет Ильича и его слова: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи».

Фотографии Г. БЕГЛОВА и Б. ДЕРГАЧА.

Пятилетка —
год
третий,
решающий

Плотина в горах

В. ХАРЧЕНКО

Посмотри на фото слева: вот это котлован! От одного вида его голова кружится. Но радиооператоры Тамара Лазарева и Магомед Магомедов здесь работают.

А теперь взгляни вниз. На скалистом основании изогнутой подковой встает какой-то громадный за́мок без окон и дверей. Вот тут-то и работают Тамара с Магомедом. Сообщают по радио далеким крановщикам, как и в какую секцию направлять бадьи с бетоном.

Видишь, в самом верху снимка могучие кабельные краны? От них по тросам спускаются многотонные бадьи. В каждой бадье восемь кубометров — целый самосвал! — бетона.

Ты уже, наверное, догадался, это вовсе не за́мок, а растущая ввысь бетонная плотина гидроэлектростанции.

Она строится в горах Дагестана, на реке Сулак (воды Сулака строители отвели пока в другое место). Высота бетонного сооружения будет гигантская — двести тридцать метров. Но сферическая, или, как выражаются строители, арочная, форма поможет плотине выдержать громадный напор воды, потому что часть напора примут на себя окружающие скалы.

К этому нужно еще добавить, что строят уникальную плотину Чиркейской гидроэлектростанции комсомольцы и молодежь, приехавшие в Дагестан со всех концов Советского Союза, и стройка эта — Всесоюзная комсомольская ударная.

Свой первый ток ГЭС даст уже в 1974 году. Мощность ее будет миллион киловатт — в два с половиной раза больше, чем мощность Днепрогэса.

Кабельный кран.

Тамара Лазарева и Магомед Магомедов.

Г. ЧЕРНЫЙ,
заведующий сектором Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

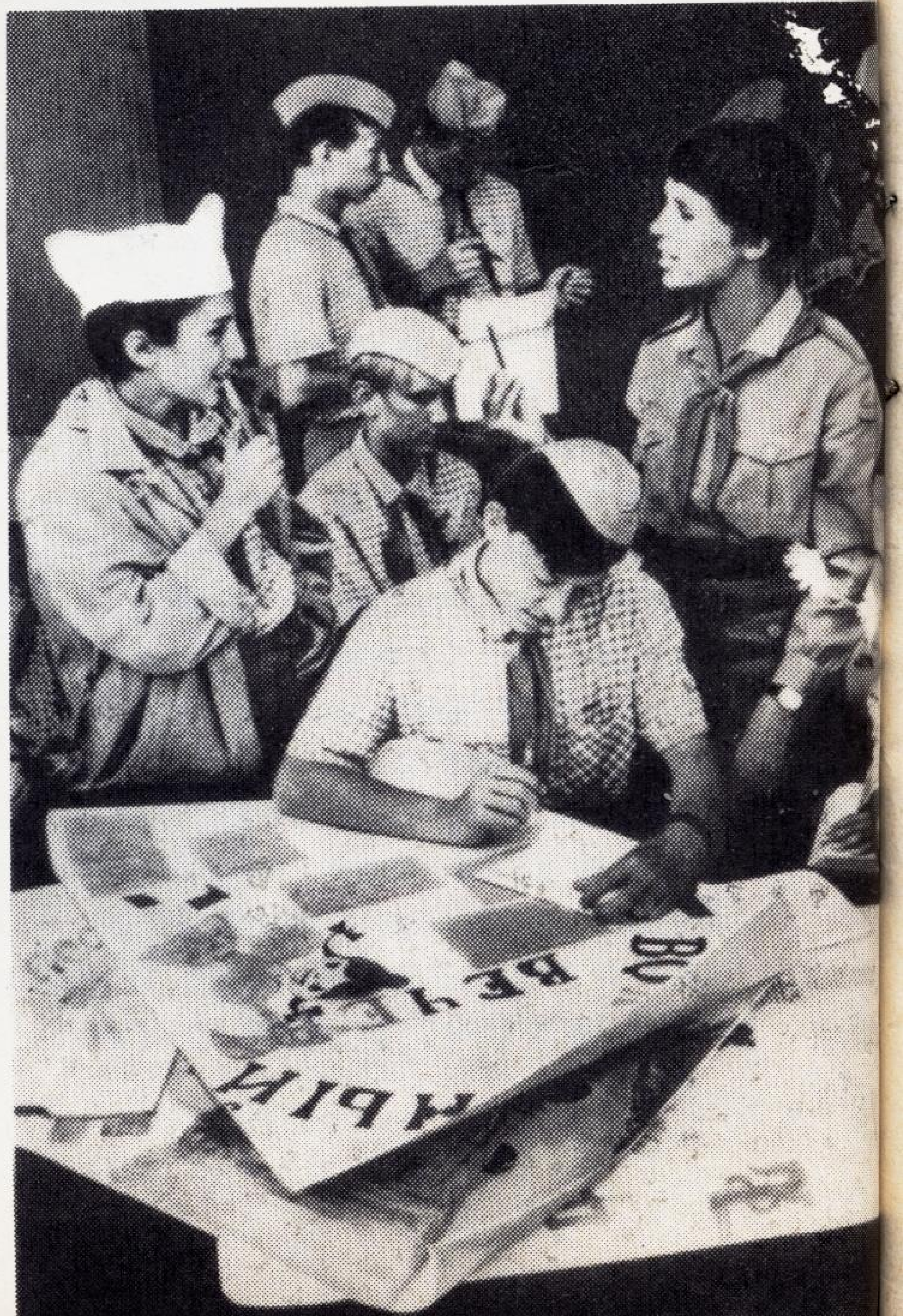
ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЛАГЕРЕ

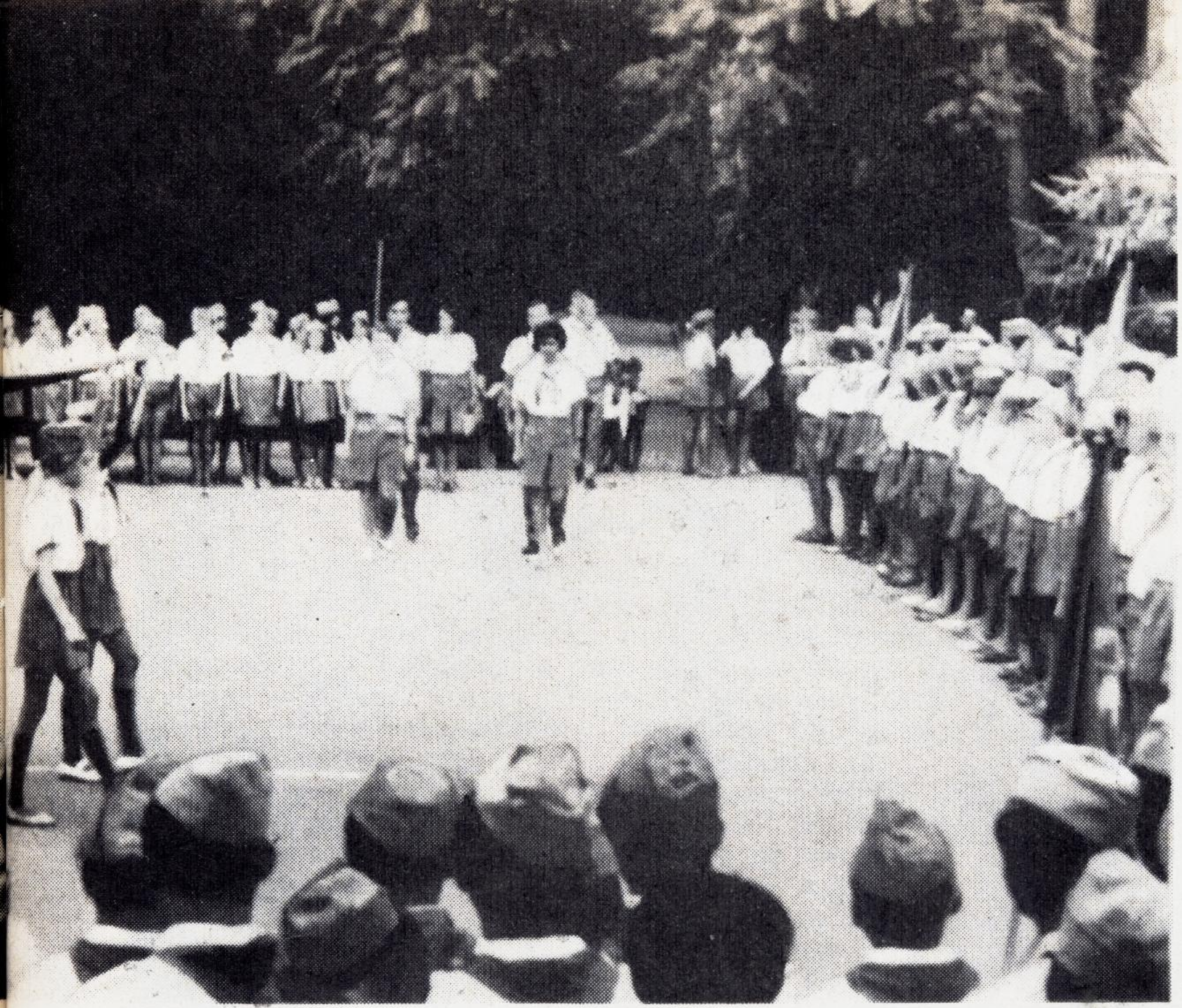
Вот ты и в лагере. Впереди двадцать шесть дней пионерской смены. От тебя зависит, будут ли они длинными, скучными, пустыми или интересными, веселыми, непохожими друг на друга.

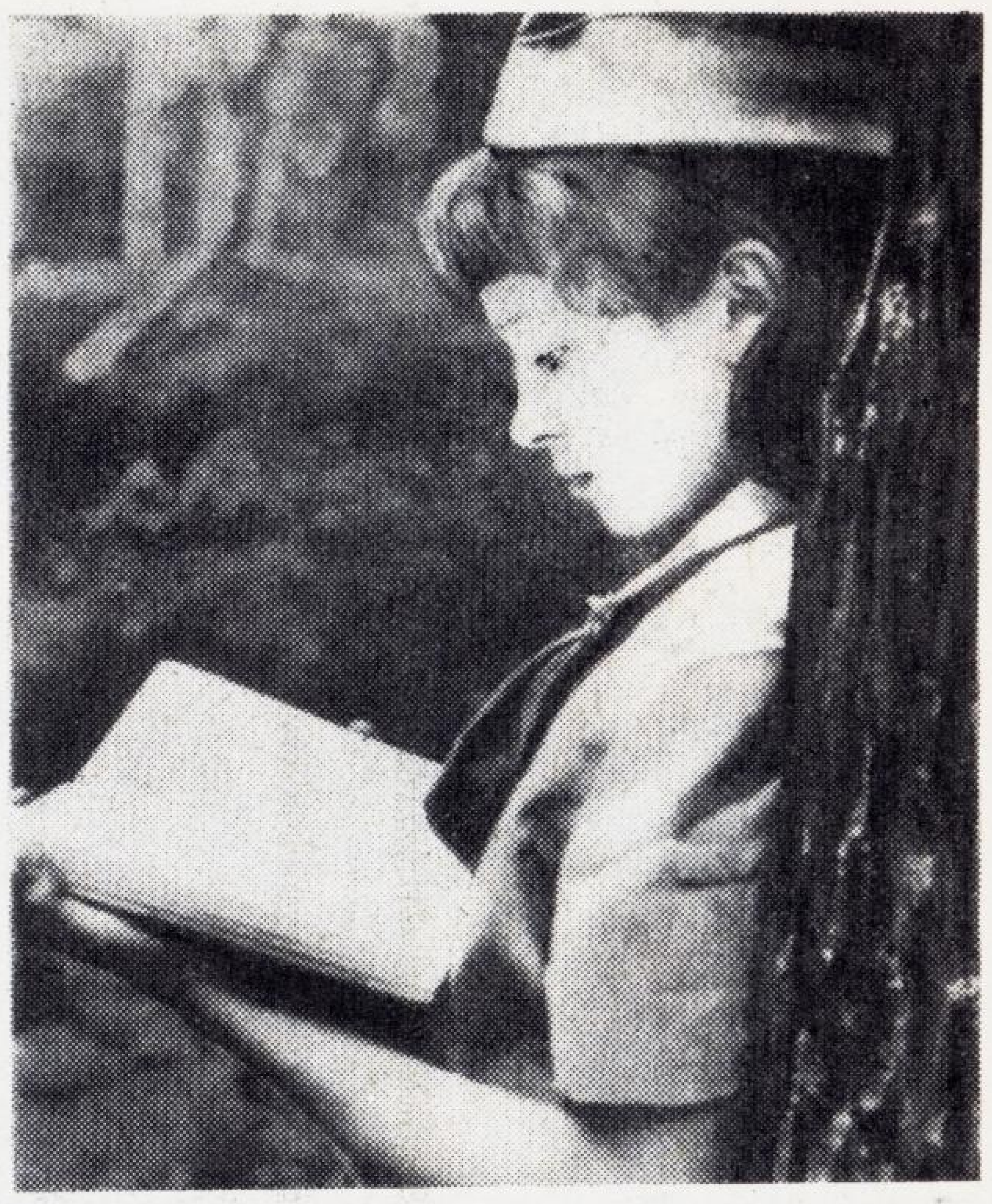
ВСЕСОЮЗНАЯ ТУРИСТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «МОЯ РОДИНА — СССР» зовет тебя путешествовать. Будешь ли ты осматривать памятники, составлять карты рек или отправишься в колхоз на встречу с колхозниками Героями Социалистического Труда — твои находки, исследования, дневники с наблюдениями пригодятся не только тебе. Они пополнят музеи школы и лагеря, помогут твоим друзьям.

ЛЕТО 1973 ГОДА — ЛЕТО ТРЕТЬЕГО, РЕШАЮЩЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ. Чем можешь помочь пятилетке ты? Оглядись, что за жизнь идет вокруг лагеря. Твои руки пригодятся в соседнем лесничестве, рыболовецком хозяйстве, на прополке грядок и уборке урожая в колхозе и совхозе, на птицеферме. Собери свой отряд, обсуди с ребятами, как лучше приняться за дело, и предложи свою помощь. А другие отряды вызовите на соревнование.

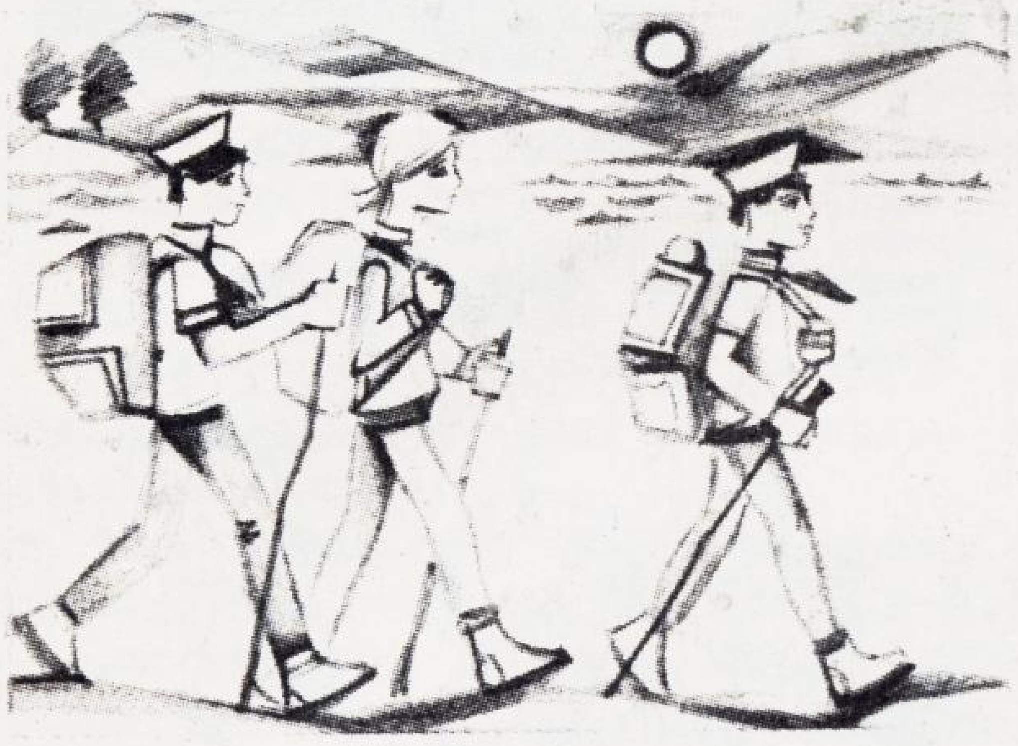
X ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ откроется в Берлине 28 июля. Ничего, что твой лагерь далеко от Берлина, ты можешь участвовать в фестивале. Создайте при совете дружины фестивальный штаб. Проведите







Этим летом
пионерским лагерям
исполняется 50 лет.



форумы мира и солидарности с борющимися странами, митинги протеста против насилия и беззакония империализма. Устройте веселый праздник с играми, песнями, рассказами о фестивалях. Придумайте подарки и приветствия фестивалю в Берлине. Приготовьте выставку «X Всемирный», чтобы все ребята в лагере знали, что такое молодежный фестиваль и какие у него цели. Этим же летом СИМЕА — Международный комитет детских и юношеских организаций при Всемирной Федерации Демократической Молодежи — отпразднует свое пятнадцатилетие. На вечернем костре поговорите с друзьями об истории СИМЕА, о том, как он помогает ребятам всей планеты.

ЗНАЧОК ГТО ты можешь получить этим летом. Попробуй одолеть в лагере очередные ступени для десяти — тринадцатилетних ребят — «Смелые и ловкие». Для четырнадцати-пятнадцатилетних — «Спортивная смена».

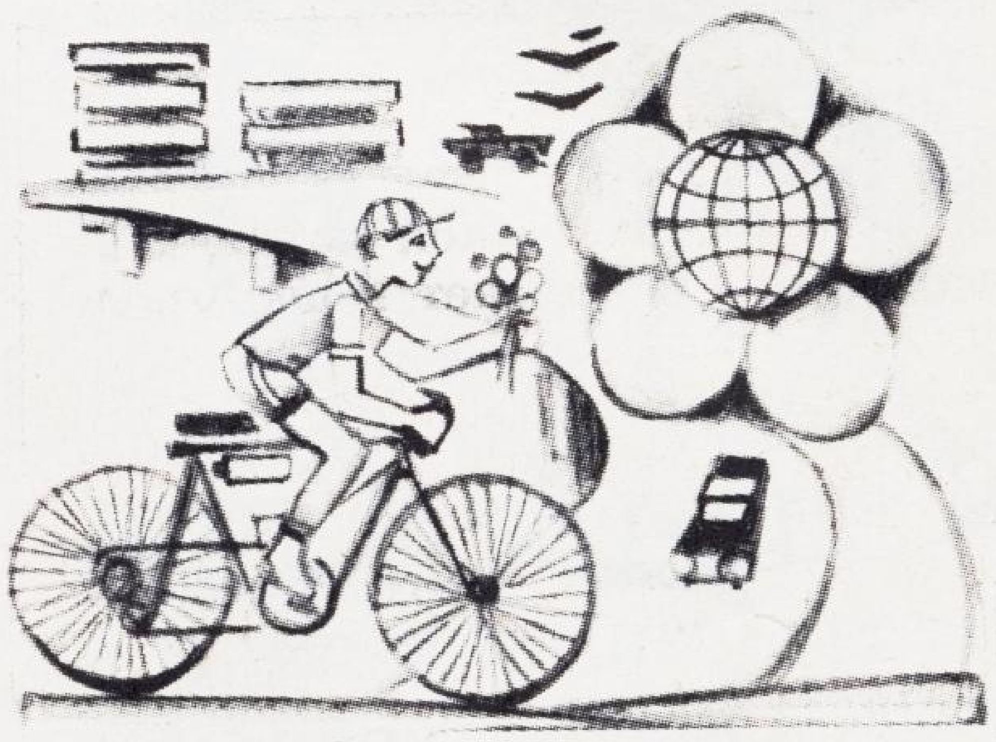
Столько будет вокруг тебя воды и солнца! Плавай, бегай, загорай. Не забудь про туристские походы и запутанные лесные тропинки. Для этого научись ходить по азимуту, быстро разводить костер, ставить палатку. Тебе наверняка захочется сразиться в увлекательных спортивных соревнованиях: «Белая ладья», «Веселые старты», «Кожаный мяч», четырехборье «Дружба». Ждет своих пловцов клуб «Нептун», по-прежнему в разгаре «Зарница».

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

ОКТЯБРЯТА в лагере живут рядом с тобой. В школе ты уже пробовал работать с ними. Продолжай эту работу в лагере. Сделай так, чтобы младшие не чувствовали себя забытыми. Разучи с ними смешную игру, прочитай книжку, последи, чтобы в игротеке не было сломанных игрушек, смастери новые. Малыши любят рисовать и лепить — организуй выставку. Расскажи октябрятам о пионерских традициях и пионерах — скоро им будут повязывать галстуки. У октябрят скоро праздник — в 1974 году исполняется пятьдесят лет со дня рождения первых октябрятских групп.

ГОРНИТЬ И БАРАБАНИТЬ, ШАГАТЬ В СТРОЮ научись в лагере. Утро начинается с пионерской линейки, куда бы ни отправился отряд, его сопровождают сигналы горна, четкая барабанная дробь, песни. Умеешь ли ты держать барабанные палочки, горнить, выносить знамя?

В ЛАГЕРЕ ТЫ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК. От того, будешь ли ты деятельным, самостоятельным, веселым, зависит вся лагерная жизнь.



№ **БОЕВОЙ ЛИСТОК** 3

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

ТИМУРОВСКИЙ ОТРЯД КАЛИНИНСКОЙ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА, ЕДИНЕЦКОГО РАЙОНА, МОЛДАВСКОЙ ССР.

Мы думаем так: тимуровцы не ждут подсказки, сами находят себе работу. В дождливую погоду трудно было пройти к Дому культуры — ребята сделали дорожки из шлака. Эти дорожки до сих пор зовут «тимуровскими». Построили мостик через ручей, хороший получился мостик — всем удобно ходить.

Привозят в школу уголь или картошку, кому разгружать? Тимуровцы тут как тут! А однажды был такой случай. Мы целый день работали в колхозе. Собирали и грузили на машины яблоки. Закончили работу и сидели очень усталые — ждали машину, чтобы ехать домой. А тут подъехал еще один грузовик, и колхозный бригадир сказал: «Ребятки! Ну-ка, погрузите еще и эту!» Никто из нас не пошевельнулся. Знаете, какие мы усталые были! Но вожатый наш говорит: «Тимуровцы!» Он так это сказал: «Тимуровцы!» И мы встали и нагрузили эту машину. Потом ребята говорили, что тогда, в последние минуты Гайдара, все тоже были усталые, а он нашел в себе силы подняться...

У каждого тимуровского звена есть карта зоны, за которую это звено отвечает. На этой карте звездочками отмечены те дома, в которых живут ветераны и инвалиды войны, пенсионеры, все, кому нужна помощь.

Рассказывать о наших делах можно много. Ну, а если в двух словах: мы помогаем своей стране и всем, кому нужна помощь.

Нашей тимуровской команде восемь лет. Самых первых тимуровцев, конечно, уже нет в школе, но мы стараемся сохранять все традиции команды.

Новеньких принимаем не сразу, а только после того, как убедимся, что это стоящий человек. 23 февраля, в день Советской Армии, на торжественной линейке новые тимуровцы дают клятву: «Вступая в ряды тимуровцев, клянемся честно жить, много трудиться, горячо любить и беречь эту огромную, счастливую землю, которая зовется Советской страной». После клятвы шефы, приехавшие к нам из воинской части, вручают новым тимуровцам красную звездочку.

ОТРЯД ИМЕНИ ГАЙДАРА школы села АЗОВО.

Мы живем на Севере, на Ямале. Нас семнадцать человек — отряд имени Гайдара. Председатель отряда в этом году Ира Маклакова. Мы стараемся помогать старшим, а говорить об этом поменьше. Наш классный руководитель и наш друг Тамара Николаевна учит нас работать не напоказ, а для блага человека. Как-то раз одна девочка в нашей школе, чтобы помочь родной бабушке, взяла с собой целое звено, а потом отчиталась, что сделала полезное дело. Дело-то полезное, только противно, что для отчета. Родная внучка и так обязана своей бабушке помогать. Если кто-нибудь в нашем отряде посмеет что-то для «галочки» сделать, то его высмеют.

Об Аркадии Петровиче Гайдаре нам много рассказывала наша первая учительница Анастасия Андреевна. И еще много интересного о Гайдаре мы узнали от Нины Носкиной, нашей вожатой.

Когда Нина окончила восемь классов, то вместе со своими одноклассниками пришла к нам на сбор. Старшие ребята подарили нам альбом о Гайдаре и завещали продолжать добрые традиции отряда.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ!

Секретариат ЦК ВЛКСМ постановил: Всесоюзный слет тимуровцев провести с 21 сентября по 20 октября в Артеке. Лучшие тимуровские отряды пошлют на слет своих делегатов.

Желаем тебе успеха!

Когда Гайдар был мальчишкой, он очень любил участвовать в домашних спектаклях. В пьесе «Среди цветов» Аркадий, которому в ту пору было двенадцать лет, исполнял роль садовника. Роль ему нравилась, особенно усы и борода, которые приходилось приклеивать. В школьной постановке «Игроки» (по пьесе Гоголя) он взялся сыграть «будущего гусарского юнкера» Глова. Роль оказалась трудной: Глов — жулик, которого обманули другие жулики.

В 1922 году Аркадий Петрович был уже боевым комсомольцем, боролся с бандитами в Сибири. Вместе со своими бойцами круглые сутки гонялся он за неуловимым и хитрым атаманом Соловьевым. Но когда комсомольцы села Форпост пожаловались, что скучновато им живется, комбат Голиков предложил создать самодеятельный театр. И стал режиссером нескольких постановок. Пригодился опыт.

А. П. ГАЙДАР СКАЗАЛ:

То, что люди поняли, осознали в детстве, прививается им на всю жизнь. Это самые прочные, самые верные навыки. Чести, смелости люди учатся с самых ранних лет. Тот, кто честен, смел и правдив с детства, будет хорошим человеком и хорошим бойцом.

Из выступления А. П. Гайдара на совещании в ЦК ВЛКСМ. Январь, 1941 г.

ХВАЛА ГИМНАСТЕРКЕ

Эдуард КОРПАЧЕВ

ПОВЕСТЬ

Хвала, хвала гимнастерке!

Не этой, моей, ушитой да укороченной, подогнанной под мой небольшой рост, а вообще солдатской гимнастерке — той, в которой боец и полз и бежал под пулями прошлой войны, той музейной гимнастерке с дырами и ржавыми пятнами, той солдатской гимнастерке, которую застегивают на все пуговки с тиснеными звездочками и плотно прижимают кожаным широким ремнем с бляхою, увенчанной тоже тисненой звездой.

Помню и никогда не забуду тот первый день в войсковой части, в нашем детском военном лагере, когда мы — уже не какие-нибудь там семиклассники, а юнармейцы — принимали воинское обмундирование: пилотку, ремень, гимнастерку с погонами, на которых была эмблема мотострелковых частей. Как меня стукнуло что-то в грудь, как у меня неладное что-то стало твориться с непослушными моими руками, когда я надевал ушитую гимнастерку и защелкивал ремень! Как мне представилось тогда же, что вот я и солдат, четырнадцатилетний солдат, и что моя гимнастерочка сродни той, солдатской, музейной, продырявленной пулями и осколками! Да, так мне и представилось, когда я надел гимнастерку и пилотку и другими, тревожными, что ли, глазами окинул моих товарищей — Леньку Фещенко, Тиму Стасюту... Передо мною стояли солдаты!..

И вот уж позади месяц службы, послезавтра военные наши учения, военная игра на прощание с армией, а я всегда все тем же необыкновенным чувством наполняюсь, когда надеваю через голову изношенную, пропотевшую свою гимнастерочку.

Я и в тот день, едва заиграла труба, второпях, волнуясь, натянул родимую гимнастерку, чуть набок посадил залоснившуюся изнутри пилотку с яркою, как будто оплавленной звездочкой. Мне предстояла дорога в наш город, предстояла поездка с командиром нашего четвертого взвода сержантом Грицевичем, и все ребята, все юнармейцы завидовали мне. Еще бы! Оказаться в нашем городке, на узких тротуарах, осененных липами, повстречаться, быть может, с кем-нибудь из учителей...

И когда мы все повалили из столовой, ожидая очередного зова воинской трубы, ко мне подошел мой лучший приятель Ленька Фещенко, узкоплечий и слегка сутуловатый, с горячими, черными, как у горца, очами и обратился по-уставному:

— Товарищ старший юнармеец!

Он обратился ко мне так потому, что я был командиром четвертого отделения самых младших по возрасту юнармейцев. Но я, оглянувшись, махнул рукой, чтобы Ленька был со мною прежним: я в город ехал, и у Леньки могла быть какая-нибудь просьба. Может, он яблок из своего дремучего сада попросит привезти!

Ах, эта наша с ним мечта посвятить себя армии, стать после школы курсантами, потом разъехаться, служить где-нибудь в ракетных частях, потом однажды встретиться в нашем городке — уже совсем иными, неузнаваемыми людьми, офицерами!

И все-таки я видел, что Ленька Фещенко стесняется поделиться со мною чем-то или попросить о чем-то, и я, нетерпеливо оглянувшись на казарменный домик для командиров, повторил в раздражении:

— Да говори же! Сейчас сержант позовет!..

Тогда Ленька, отстегнув пуговку нагрудного кармана, вытащил целую колоду глянцевых фотографий.

— Может, покажешь там, Миш? Может, время будет?

Быстро перетасовал я эти скользящие под пальцами снимки, на мгновение задерживая взгляд на каком-нибудь из них и не веря, что это мы с Ленькой в обнимку стоим, в гимнастерках да в пилотках, как боевые друзья, как фронтовики, и что это я, такой незнакомый самому себе — круглолицый, счастливый, с блаженной и очень довольной улыб-

— Мам, ну чего ты, мам?..
— Эх, сынок!

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

кой. Мы втроем — Ленька Фещенко, Тима Стасюта и я — по очереди фотографировали друг дружку: вместе, вдвоем, порознь. И так нравилось мне, помнится, замирать перед линзою аппарата, стараться выглядеть взрослее, строже. И, однако же, не мог удержаться и расплывался в улыбке.

И нисколько не тщеславным было желание моего дружка поскорее предстать перед родными, перед знакомыми в таком боевом виде. Ну кто из нас, честно говоря, не жаждал ошеломить своих родных или знакомых хлопцев воинским обмундированием, гимнастеркой да пилоткой?

— Коженец! — вдруг донеслось от казарменного домика, и я тут же бросился на зов сержанта Грицевича — протянул Леньке руку для пожатия да так и не успел ее пожать.

— Слушаю, товарищ гвардии сержант! — вытянулся я перед красивым, стройным своим сержантом.

— Сейчас отправляемся,— коротко бросил сержант.

Мне даже голос сержанта нравился — звучный, чистый. Я тут же без лишних расспросов метнулся к машине с брезентовым верхом, уселся в сумрачном, с устоявшимся, банным от жары, воздухом фургоне и стал ждать.

Армия, моя армия! Как это по душе мне все: ночлег в палатках на лесной поляне, вблизи военного городка, голоса дневальных, обрывающих сны, зарядка среди деревьев, листва которых еще стеклярусно посверкивает несошедшей росою, потом строевые занятия, когда уже в гимнастерке, бодрый, пробудившийся, наконец, шагаешь в ногу с такими же нечаянными солдатами, как сам, и поешь гвардейскую песню:

Шаг богатырский, безусые лица,
Каски стальные, стальные штыки!

Моя любимая, моя строгая школа — армия! Помню эти занятия по изучению малокалиберной винтовки, помню, с каким воодушевлением повторял я: магазинная коробка, затвор, прицельный огонь... И как потом, на стрельбище, в бетонированном подземелье, ловил в прицел передвигающиеся фанерные мишени, как у меня и у Леньки Фещенко оказался, по словам сержанта, снайперский глаз.

Очень полюбил я армию, полюбил нелегкую жизнь при военном городке, всей шкурой почувствовал солдатское бытие, и грустно становится, когда подумаешь, что скоро прощание с армией, потому что уже август, за ним сентябрь — и вновь школа...

Как только остановился фургон и я выскочил из мрачной духоты в пекло нашего городского лета, как только разглядел окраину города, то и вздохнул невольно — вздохнул по всему здешнему, что мне тоже очень дорого. Ведь это мой город, тут мои родители, которые не видели меня в армейской форме и не знают, что я здесь! И еще раз потаенно вздохнув, я мысленно согласился с тем, что, возможно, и не придется повидаться с ними и что таков уж удел солдата!

Напрасно я все же огорчался.

Сержант Грицевич, этот взрослый человек, который все понимал и которому, конечно, тоже не терпелось отслужить положенный срок и обняться с родными, этот добрый человек понял мое нынешнее состояние и нарочито строго, чтобы не казаться очень добреньким, распорядился:

— Юнармеец Коженец! Отскочи до дому. Но чтоб в тринадцать ноль-ноль был здесь!

Глаза у сержанта были строги.

— Так точно, товарищ гвардии сержант!

И я тут же понесся, загадывая по пути, что домой приду не сразу, а сначала побываю в доме Леньки Фещенко.

Втиснулся я в автобус единственного в нашем городе кольцевого маршрута, влюбленно стал заглядывать в потные, лоснящиеся лица людей, надеясь знакомых увидеть или хотя бы тех, кто мог узнать меня. Я даже ощутил жар в лице, едва мельком заметил бредущую по тротуару стайку девчонок из нашей школы. Девчонки дружно повернули головы и глянули на проходящий автобус, а я торжествовал!

Представьте себе только, как я полетел, покатился по тропинке над оврагом, как я стал на бегу искать в этом дремучем, густом саду за металлической сетчатой оградой кого-нибудь из Ленькиных родных, как нетерпеливо барабанил по калитке! Если Ленькины родные увидят меня, то легко представят и Леньку в армейской форме, а тут я еще дам им фотографии!

Но, видно, не было их дома. Время для родственных, домашних бесед я тратил понапрасну, но честно. Меня отпугнула лишь старуха Петрачиха, семенившая по тропе и еще издали сердобольно воскликнувшая слабым голоском:

— А не Коженец ты? Гэта малых бяруць у солдаты?

Я ждал славы, а меня жалели. И мне надо было бежать от сочувствия, бежать домой.

Вы знаете, как встречают родные солдат после долгого их отсутствия? Что и говорить! Восклицания, вздохи, восторженное и нежное бормотание, и ты вроде стесняешься обнять маму, а тебя тискают, гладят по голове, по пилотке...

Пилотку я нарочито не снимал даже и потом, когда мы с мамой успокоились и сели рядышком: так хотелось мне, чтобы мама видела перед собою солдата.

— Ну и горе мне с вами! — в сердцах выдохнула вдруг она и прикусила нижнюю, надменную, как говаривал мой папа, губу.

— Какое горе? — весело запротестовал я, сдвигая пилотку набекрень, чтоб выглядеть лихим солдатиком.

— Одна я тут! Скучаю, солдат,— чистосердечно и с такою грустью произнесла моя ма-

ма, что и мне самому стало невероятно грустно.

— Ну, чего ты, мама? Папа-то дома. Только дядя Леша и я. А папа ведь дома.

— Если бы дома! Он тоже в армии. Вдруг повестка. Скажу тебе точно, Михасик, неделю назад. Повестка из военкомата. И на два месяца — в армию. На командирские курсы...

— Значит, и папа в армии! — обрадовался я и зашагал по комнате, очень довольный таким совпадением, очень довольный тем, что мы, трое мужчин, трое из одного дома, вдруг стали как бы равными, взрослыми, при армейской форме.

Но уже через мгновение, перехватив укоризненный мамин взгляд, уловив, как она вновь прикусила надменную, хотя и вовсе не надменную, а просто припухлую губу, я опомнился, подумал тут же, что вот она и солдатка, одинокая солдатка. Надо сказать ей слова поддержки и ободрения.

— Да что ты, мама! Теперь же совсем другое время... Хотя ты того времени и не помнишь!..

— Нет, помню,— испуганно прервала мама, и я тут же будто услышал ее воспоминания со слов старших, со слов моей бабки, воспоминания о том времени, когда чужеземцы, эти страшилища, эти враги наши, расхаживали по нашему городу, вздергивали на виселицы подпольщиков и партизан, устраивали облавы. Они однажды ворвались и в этот дом, где я теперь с мамой разговариваю, где в погребе укрывался раненый красноармеец. Они бы, наверное, все вверх дном перевернули, они бы и в погреб, конечно, полезли, если бы не вышло им навстречу беловолосое дитя и не замахнулось на фашистов игрушечной своей рукой. И враги не проникли в дом, не стали рыскать. Просто расхохотались и ушли. А мне иной раз кажется: они отступили перед этой силой — перед сжатой в кулак детской рукой. То беловолосое неразумное дитя и была моя мама.

— Теперь совсем другое время. Ты не беспокойся!

— Спасибо, мой солдатик! Спасибо, защитник!

И пока она ушла варить любимое мое какао, я, все так же не снимая пилотки, принялся расхаживать по комнатам, осматриваться, к чему-то прикасаться...

Но вот мама внесла чашки с таким горячим какао, что над ним возникали как будто смерчики. И как только мы отпили немного, по глотку-другому, то и повеселели сразу. Разговор стал уже не таким тревожным. Мы вспоминали. Много прекрасных дней было у нас в прошлом. Мы с дядей Лешей и отцом уходили порой дня на два, жили вдали от дома, охотились, бродили по лесам, ночевали где придется и возвращались запущенные, отощавшие, немытые!

Мы теперь посмеивались с мамой над всем прежним, моя пилотка лежала у мамы на коленях, и мы посмеивались и завидовали тому прежнему, и я понимал только теперь, чем так влечет меня армейская жизнь: своей строгостью, лишением всяких необязательных дел, той тревожностью, которая, пожалуй, знакома лишь одним охотникам. Я даже сказал маме сейчас, какие теперь необычные, непохожие один на другой дни, и спохватился будто:

— Да, сварила бы ты мне какавки! Я бы взял с собой. Мне так пригодится! У нас такое на днях ожидается...

— Я и не спрашиваю, что там у вас ожидается! — сказала мама, досадуя, конечно, что опять вернулось к ней беспокойство, вернулась тоска по трем ее друзьям, покинувшим родной дом, вернулось одиночество.

— Мы вместе пойдем? — спросил я у мамы, когда и фляжка и всякая еда оказались в истерзанном охотничьем рюкзаке.— Мне к тринадцати ноль-ноль.

Мама взглянула на меня и взялась за лямки рюкзака.

Разве поговоришь обо всем, разве скажешь главное, когда так коротко свидание? И уже в автобусе, где люди обмахивались газетками, я подосадовал, что забыл оставить у мамы фотографии, что старался перед нею, перед мамой, выглядеть таким сдержанным. Но ведь и правда не к лицу солдату быть размазней!

Сержант Грицевич, которого я угостил яблоками и который звучно, сладостно захрупал расписною малиновкой, жестом руки поторопил меня в кузов, и через минуту мы покатили, я сидел в том же душном и темном фургоне, загроможденном всякими тюками.

В лагерь, в мотострелковую дивизию, в армию! Мне не терпелось быть среди своих. Вновь как будто возникал перед моими глазами начальник нашего лагеря гвардии капитан Чемез, другие командиры — сержанты и просто командиры отделений — такие же, как я, ребята, старшие юнармейцы. Все четыре взвода видел я памятью, и так хотелось, чтобы наш взвод ни в чем не уступил другим взводам в прощальной ответственной игре...

В лагерь мы прикатили как раз в то время, когда был час самоподготовки. Юнармейцы занимались кто чем: писали письма или дневники вели, переговаривались меж собой.

Мгновение мне пришлось привыкать к слепящему солнцу, стоять с зажмуренными глазами, а когда я наконец открыл глаза, чтобы увидеть казарменные домики, палатки, загон для автомашин, то обнаружил, что почти все ребята моего взвода окружили меня, и каждый улыбается, каждый будто руку хочет пожать. Хотя и коротка была разлука!

Тут же мы гурьбой повалили в палатку, уселись на койках, тут же как бы сам собою раскрылся посередке мой рюкзак, тут же пошла по кругу фляжка. Я рассказывал им, какая там жара, какое неудобство ехать в печ-

Нет мочи дышать, сердце стучит, стучит.

ном угаре автобуса, как на Почтовой улице я увидел девчонок из нашей школы и девчонки не узнали меня. Я их узнал, а они меня не узнали!

— Это потому, что ты в гимнастерке. Пилотка, нашивки...— с завистью произнес Ленька Фещенко.

— Я заходил к вам, Лень! — попытался я воодушевить приятеля, хотя голос у меня почему-то стал неискренним и виноватым, я словно оправдывался, что не дождался никого из его родных.

Он же как будто и не слушал моих оправданий, подмигнул мне, чтобы мы незаметно покинули сборище, и мы вскоре вышли из палатки, оставив ребят опустошать рюкзак.

— Это верно, что тебя не узнали? Верно, Миш? Ты ехал, а они шли и за военного тебя приняли, да? Верно? — допытывался вполголоса Ленька Фещенко: он отчаянно завидовал.

Знал я своего приятеля, знал его горячность, а иной раз и опрометчивость поступков. Но в эту минуту, когда он все допытывался, я и представить не мог, чем кончится для Леньки мой рассказ о побывке в городе.

— Ну, айда к хлопцам,— вдруг как-то сразу оборвал Ленька свои расспросы и первый легкой походкой вошел в палатку.

Я пытался заговорить с Ленькой о хорошем, о том нашем будущем, которое так завидно рисовалось в воображении, но Ленька сидел завороженный, и лишь после я понял, что он уже находился в плену своего дерзкого плана. Если бы я мог сейчас предугадать его план, то уж наверняка сделал бы все, лишь бы не попал приятель в беду...

Труба оповестила, что нам всем пора на плац. Какао допито, рюкзак пуст — айда, солдатики!

На плацу каждый взвод получил задание, и когда я услышал, что нашему предстоит практиковаться в борьбе с оружием массового поражения — напяливать химхалаты, то попробовал попросить сержанта Грицевича отменить это нелегкое задание.

— И так деться некуда, товарищ сержант. Дышать нечем. А здесь еще халаты... Хотя бы на вечер перенести...

— Послезавтра будет такое же пекло,— непреклонно отвечал сержант.— Во сто крат будет жарче. Стыдись, командир отделения!

Хорошо ему рассуждать, думал я, возвращаясь к своим подчиненным ребятам и распоряжаясь облачиться в халаты. Сам-то он привык к службе, к тяготам, к жаре, сам-то он не напялит этот мешок на себя!

Но уже через несколько минут мне и впрямь пришлось краснеть, потому что и сержант появился перед нами в химхалате.

Однажды мы уже проводили такие занятия, натерпелись немало в этих стягивающих тело халатах и теперь знали, куда идти и что делать, и двинулись строем в глубь леса — странные, забавно одетые фигуры.

Тиме Стасюте был подан знак отойти подальше от нас, скрыться из виду, сделать дымовую завесу, пустить дым в нашу сторону, по легкому, вовсе не ощутимому ветерку, и спрятать в темно-сером, как дождевая туча, дыму, на затемненной земле портсигар сержанта Грицевича.

Через некоторое время отовсюду повалил на нас этот плотный, все окутывающий во мрак дым, и юнармейцы рассыпались, со всех сторон полезли в темный, непривычный туман, в необъятные облака дымовой завесы, намереваясь как можно быстрее найти портсигар сержанта.

Я тоже нырнул в темень, удивляясь мысленно тому, что Ленька Фещенко, всегда такой увлекающийся, готовый отличиться в каждом деле и действительно удачливый, теперь поотстал от всех и, похоже, безо всякого интереса побрел на поиски сокровища.

О, это блуждание в дыму, в островке сутеми среди празднующего лето солнечного дня, эта боязнь натолкнуться на пенек, оступиться в поросшую папоротником яму! И все же оступаешься, все же натыкаешься на кусты, встречаешь на этом бездорожье фантастические, призрачные столбы, а сокровища все нет и нет средь почерневшей травы... Да и не сокровище это, не портсигар вовсе, а нечто иное, более ценное, необходимое для спасения людей.

Так и бродишь, различая мелькающие в потемках фигурки в химхалатах, так и разочаровываешься в своем успехе, так и надеешься услышать выстрел — условный сигнал отбоя. Нет мочи дышать, сердце стучит, стучит, и ты лишь теперь, в четырнадцать лет, обнаруживаешь, что есть у тебя сердце, которое сильно бьется, если не хватает воздуха.

Постепенно проясняется, ты выходишь из зоны дымового затемнения, потом возвращаешься в приземлившееся облако, тебя уже пошатывает от изнурения, от непереносимой жары...

И каким же беспомощным выразить восторг оказываешься ты, когда гром выстрела сотрясает приземлившееся облако, когда поблескивающий портсигар наконец найден!..

Ну, конечно, ни по пути в лагерь, ни в лагере никто из моего отделения и не думал жаловаться на нелегкую ношу армейских будней, каждый бахвалился, что он смог бы продержаться в химхалате хоть до самого вечера, и только Ленька Фещенко загадочно и необычно вел себя.

Но вскоре мне пришлось кое-что узнать, вскоре натерпелся я волнений. Беспокойная выдалась ночка!

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Разлейся, песня-молния

В. КАТАНЯН

Маяковский читает стихи школьникам на Празднике леса в 1925 году.

У меня сохранился билет на закрытие Первого Всесоюзного пионерского слета...

25 августа 1929 года. Стадион «Динамо»... Новенький. Москва только осваивала его в ту пору...

Вспоминаю: в тот день утром телефонный звонок. Маяковский. Он недавно вернулся из Крыма.

— Как жизнь? Какие новости?

Новости были, и я их выложил.

— Пионерский слет сегодня закрывается в шесть часов. Поедем! Вы стадион видели?

— Нет, не видел. Приезжайте тогда ко мне пораньше. Я вас покормлю, и поедем.

Владимир Владимирович один в квартире. Все в разъезде. Мы сидим в крошечной столовой. Окна раскрыты. Обед на столе. Маяковский без пиджака, в рубашке с расстегнутым воротом.

Что-то он невеселый... Литературные разговоры, которыми я пытаюсь его развлечь, только углубляют и без того плохое настроение.

Вконец рассердила его статья, которую он только что прочел в «Литературной газете»,— хвастливый и пустой отчет о поездке бригады писателей на Урал.

У ворот гудит заказанное такси. Пора ехать. Владимир Владимирович повязывает галстук и надевает пиджак. Жарко и душно. Владимир Владимирович все еще глухо сердит. По дороге на стадион он не произносит ни слова. На Ленинградском шоссе мы обогнали извозчика, на котором ехали полузнакомые литераторы, среди них один, вернувшийся с Урала. Они замахали руками, но Владимир Владимирович даже не обернулся.

Но вот мы на стадионе. И сразу все изменилось! Пораженный замечательным зрелищем верстовых амфитеатров, красных косынок, веселых лиц, зеленого овала лужайки, он как-то сразу обмяк и стал восторженно-добрый.

— Что делается! Ведь это уже социализм! Чтобы пятьдесят тысяч человек приходили смотреть детей...

Он обошел весь стадион, шагая через барьеры, с трибуны на трибуну. Останавливающим его милиционерам он вытаскивал все

свои удостоверения и корреспондентские билеты:

— Я писатель, газетчик, я должен все видеть...

И милиционеры его пропускали.

Тем временем я забрался на самый верх, чтобы взглянуть из последнего ряда на это для всех удивительное зрелище.

И сверху я увидел, как какие-то совсем отсюда маленькие люди повели большого человека к центру поля. Я узнал Маяковского: он вызвался прочесть с трибуны стихи, напечатанные в этот день в «Пионерской правде».

Трибуна оказалась обыкновенной стеклянной будкой, торчавшей посреди поля, только вместо телефона-автомата там был подвешен микрофон.

И вот загремела в десятках рупоров «Песня-молния»:

За море синеволное,
за сто земель
    и вод
разлейся, песня-молния,
про пионерский слет.

И, когда он вылез на свободу из тесной клетки, он сказал:

— Написать замечательную поэму, прочесть ее здесь — и потом можно умереть...

В. МАЯКОВСКИЙ

ПЕСНЯ-МОЛНИЯ

За море синеволное,
за сто земель
    и вод
разлейся, песня-молния,
про пионерский слет.
Идите,
    слов не тратя,
на красный
    наш костер!
Сюда,
    миллионы братьев!
Сюда,
    миллион сестер!
Китайские акулы,
умерьте
    вашу прыть,—
мы
  с китайчонком-кули
пойдем
    акулу крыть.
Веди
    светло и прямо
к работе
    и к боям,
моя
   большая мама —
республика моя.
Растем от года к году мы,
смотри,
    земля-старик,—
садами
    и заводами
сменили пустыри.
Везде
    родные наши,
куда ни бросишь глаз.
У нас большой папаша —
стальной рабочий класс.
Иди
   учиться рядышком,
безграмотная старь.
Пора,
    товарищ бабушка,
садиться за букварь.
Вперед,
    отряды сжатые,
по ленинской тропе!
У нас
    один вожатый —
товарищ ВКП.

1929 г.

«В лагере мы хотим провести свой фестивальный праздник, но не знаем, как лучше его организовать».

Разноцветные галстуки

«В Берлине соберется молодежь разных стран мира, а пионеры примут участие в фестивале?»

X Всемирный фестиваль молодежи и студентов будет проходить в Берлине с 28 июля по 5 августа. Готовься к фестивалю!

Множество писем с множеством вопросов о фестивале идут в Международный пионерский клуб «Товарищ».

На вопросы ребят отвечает ответственный секретарь Комитета молодежных организаций СССР Маргарита Федоровна ЗАБЕЛИНА.

Город в парке

Представьте себе огромный красивый парк на окраине Берлина. В дни фестиваля в парке вырастет палаточный городок. В нем поселятся восемь тысяч пионеров-тельмановцев. И все тут будет, как в настоящем городе. В мастерских умелые мастера сделают сувениры. Научно-технический центр объединит ребят, которые занимаются научными исследованиями, изобретают. На большой эстраде выступят юные артисты. На стадионе, который здесь называется «Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас», пройдут спортивные соревнования. Будет действовать Космический центр. В Международном клубе интернациональной дружбы обменяются опытом лучшие КИДы. Международный почтамт «Дружба» получит сотни, тысячи писем и приветственных телеграмм от ребят разных стран. Пресс-центр всем расскажет о фестивале. Жители палаточного городка увидят новые фильмы, побывают в пионерском кафе, прочтут новые книги и журналы в библиотеке...

Это не обычный палаточный городок — настоящая пионерская республика! Пионеры-тельмановцы назвали ее ПИОНЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ИМЕНИ ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА.

Они приедут в ГДР

Детские демократические организации более сорока стран мира пришлют в Международный пионерский лагерь ГДР ребят, которыми гордятся, на которых надеются. Из Советского Союза приедет сорок ребят из отрядов — правофланговых Марша «Всегда готов!», лучшие ученики, победители олимпиад и конкурсов, спортивных состязаний и смотров художественной самодеятельности викторины «Пионера».

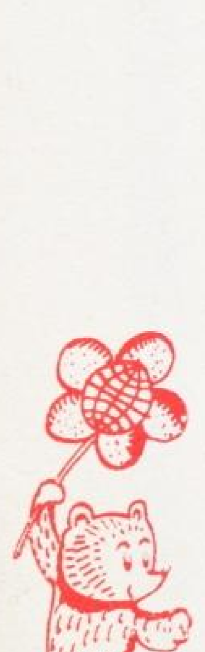
В дни фестиваля ребята расскажут друг другу, как работают их организации, о хороших традициях и добрых делах, об организациях молодежи, которые руководят детьми и участвуют в X Всемирном фестивале. В Международном пионерском лагере (Республике имени Вильгельма Пика) пройдут митинги и манифестации против насилия и произвола империализма, в защиту мира и прав детей.

Пусть всегда будет солнце!

Так будет называться детский праздник, который пионеры-тельмановцы устроят для всех ребят, приехавших в Международный пионерский лагерь. В один из фестивальных дней — в день борьбы за мир, международную безопасность и сотрудничество — пионеры соберутся на этот праздник в Пионерской республике имени Эрнста Тельмана. Они станут говорить о том, как помогают старшим в их делах, в борьбе за мир, демократию и социализм, в борьбе за свободу и независимость, за лучшее будущее своих стран. Они покажут друг другу свое искусство. Они будут состязаться в спортивном мастерстве, играть, петь и веселиться.

О тех, кто не приедет в Берлин

Во время фестиваля в Национальном музее ГДР откроется «Галерея дружбы». Детские рисунки, вышивки, чеканку, скульптуры, разные ребячьи самоделки, самые красивые, самые интересные, пришлют из всех стран в «Галерею дружбы». И хотя их авторы не приедут в Берлин, они тоже участники фестиваля.



«Наш отряд хочет помочь фестивальной работе, подскажите, что сделать?»

на фестивале!

«Будут ли на фестивале говорить о детях?»

Фотовыставка расскажет о твоей пионерской организации, о других детских и юношеских организациях, членах и друзьях СИМЕА — Международного комитета детских и юношеских организаций. Значит, и ты и все твои зарубежные друзья тоже будут присутствовать на фестивале.

На «Базаре солидарности» организуют продажу сувениров, игрушек, рисунков, самоделок, сделанных ребятами многих стран. Возможно, и твоя работа попадет на «Базар солидарности». Деньги, собранные на этом Базаре, пойдут на строительство детской больницы имени Нгуен Ван Чоя в Ханое.

Клуб «Друзья детей»

Будет создан международный клуб «Друзья детей». Он объединит всех, кто работает с ребятами и для ребят: учителей, пионервожатых, руководителей пионерских и прогрессивных детских организаций, общественных деятелей и писателей, журналистов, артистов, кинорежиссеров, композиторов, художников, создающих книги, кинофильмы, музыку, картины для детей.

В дружеских беседах и дискуссиях они расскажут друг другу о своей работе, о своих удачах и сомнениях, об опыте, который может помочь всем, о солидарности в борьбе за права детей.

Конференцию руководителей детских и юношеских организаций (она будет проходить два с половиной дня) назовут так: «В защиту прав и лучшего будущего детей».

Пресс-конференция, которая тоже состоится в клубе «Друзья детей», отметит 15-летний юбилей СИМЕА.

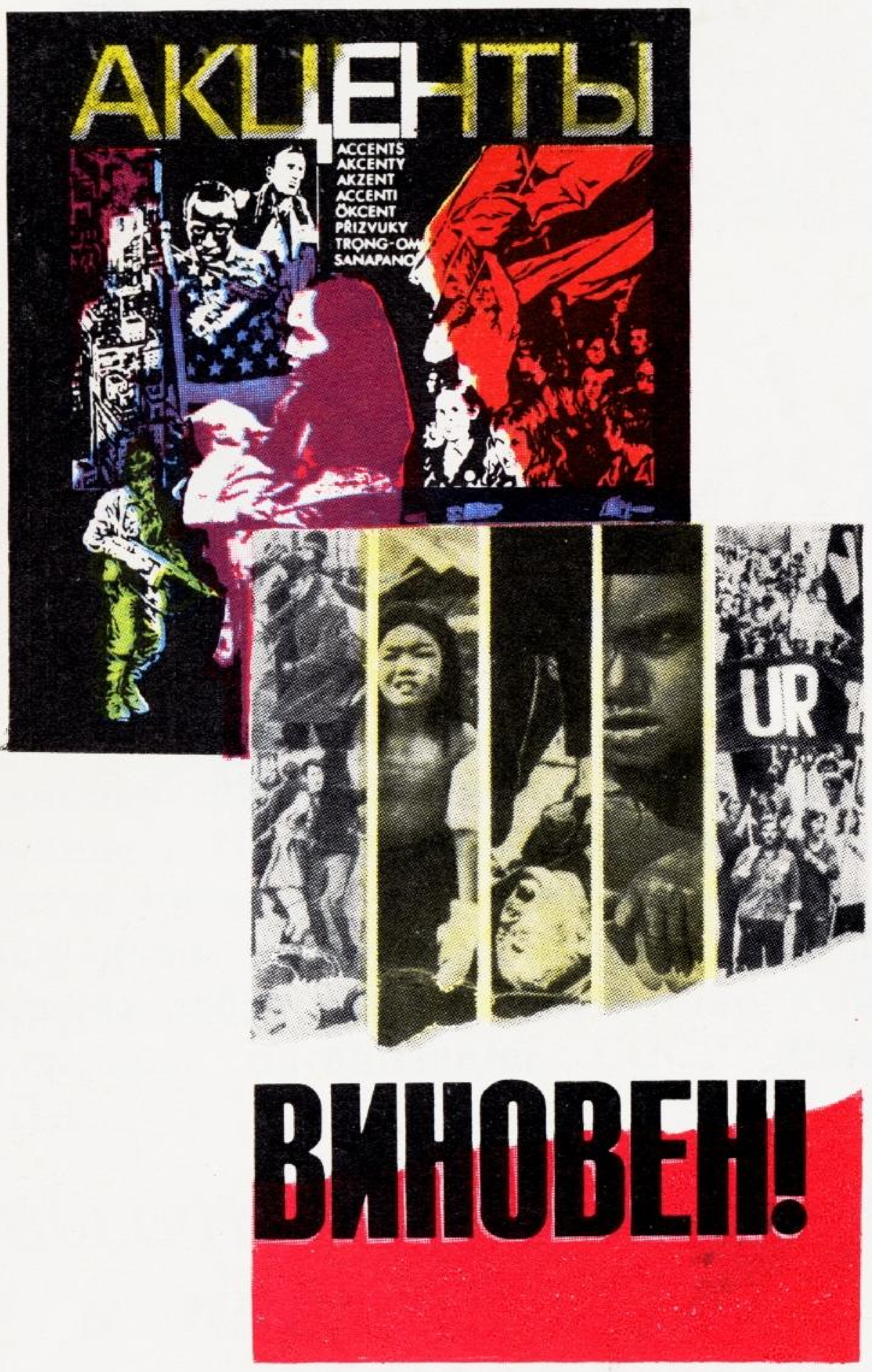
Фестивальный праздник в твоем лагере

В пионерском лагере, в городе или селе, где ты живешь, организуй вместе с друзьями музей или выставку, которые расскажут об истории и цели фестивалей, о фестивальных традициях и борьбе молодежи, о пионерских и демократических организациях разных стран. Устройте встречи с участниками международных фестивалей и Фестиваля советской молодежи. Проведите викторины и конкурсы, которые помогут ребятам побольше узнать о фестивалях, о ГДР — стране X Всемирного фестиваля, о пионерах-тельмановцах, о пионерских и демократических детских организациях всего мира.

Письмо и приветственную телеграмму в адрес фестиваля передайте в райком, горком, обком комсомола. Напишите письма своим зарубежным друзьям (кто-то из них во время фестиваля приедет в Артек в международную смену), расскажите, как участвовала ваша дружина в Фестивале советской молодежи, как вы проводите акцию «Юность обличает империализм», как действует ваш клуб интернациональной дружбы.

Пусть ваш отряд заработает и отправит деньги в фонд мира и в фонд солидарности. 20 июля начнется ударный декадник по сбору лекарственных трав. Деньги, которые вы заработаете, друзья, перечислите на счет ЦК ВЛКСМ № 70072. Активно участвуйте в операции «Лекарства лесной аптеки — детской больнице в Ханое».

В своем лагере вы можете провести такой же красивый праздник, как на фестивале в Берлине. Праздник радости и солидарности с теми, кто борется против насилия и гнета капитала, за свободу, независимость и лучшее будущее.



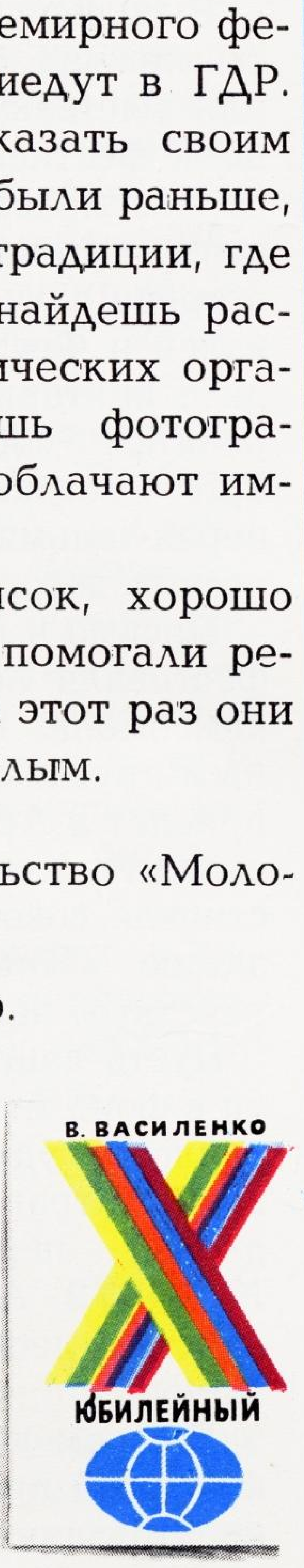
Вот книги, которые помогут провести в лагере фестивальный праздник.

Они расскажут о стране X Всемирного фестиваля и о гостях, которые приедут в ГДР. Ты сможешь прочитать и рассказать своим друзьям о фестивалях, которые были раньше, о том, какие у них были цели, традиции, где они проводились. В книгах ты найдешь рассказы о молодежных демократических организациях многих стран, увидишь фотографии и документы, которые разоблачают империализм.

Три книги, заключающие список, хорошо тебе знакомы. Они уже не раз помогали ребятам в пионерских делах. И на этот раз они помогут сделать праздник веселым.

Эти книги выпустило издательство «Молодая гвардия».

«Х юбилейный». В. Василенко.
«Виновен!»
«Акценты».
«Зарубежные молодежные организации».
«Звезды первой величины».
«Имени Тельмана».
«Будь готов!».
«Товарищ».
«Книга вожатого».



Тебе — подарок. Из Венгрии, Японии, Болгарии ребята прислали свои игры.

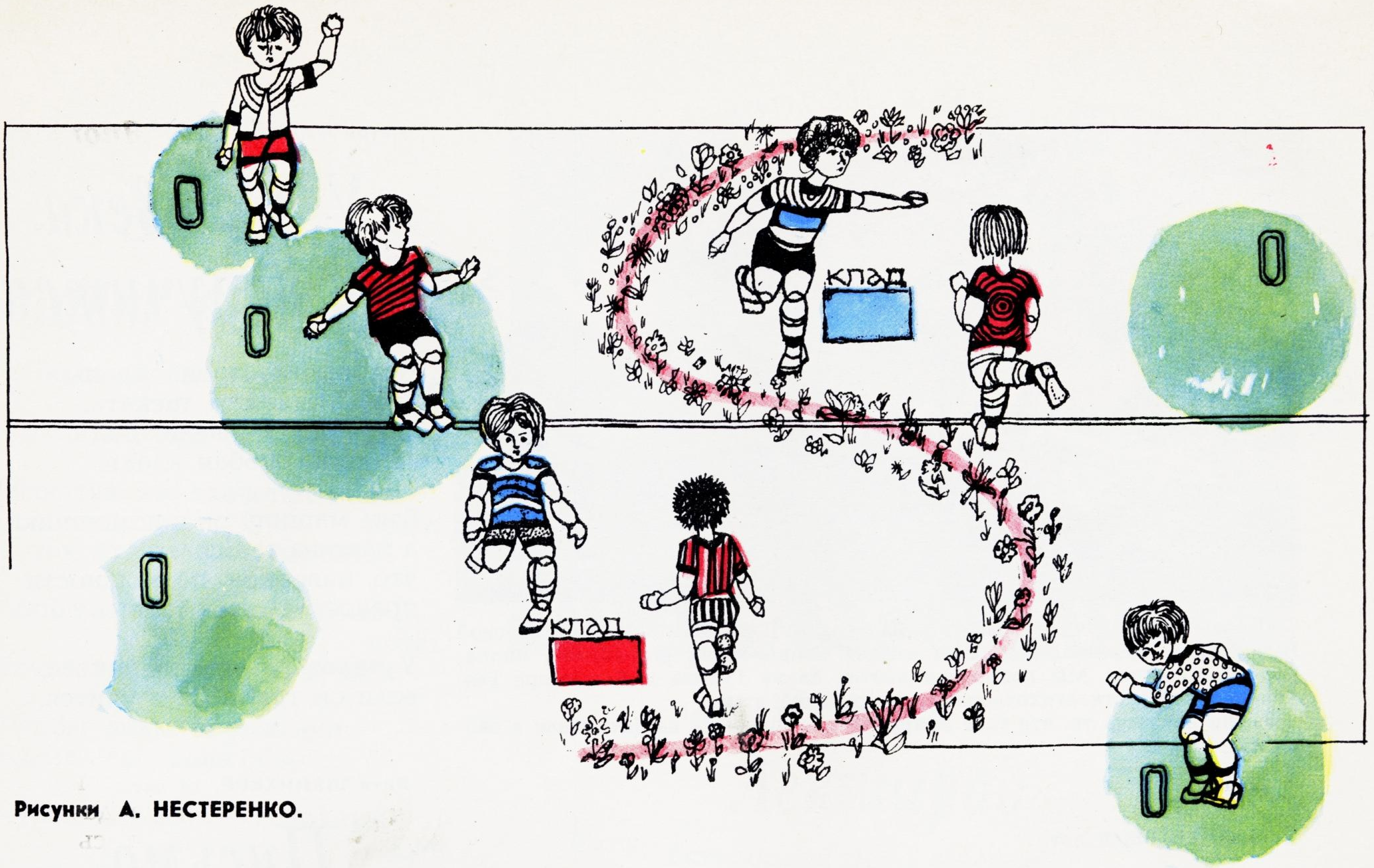
«Метание колышка»

Говорят, что и футболу и волейболу венгерские пионеры предпочитают игру... **«МЕТАНИЕ КОЛЫШКА».**

Играть в нее можно вдвоем, можно командами по четыре человека. Все, что нужно: два колышка, заточенных, как карандаш, длиной тридцать сантиметров, в диаметре — пять. Игра похожа на игру в ножички. Колышек должен воткнуться острым концом в землю, а соперник будет стараться свалить его своим колышком. У всех игроков по три попытки. За каждый неудачный бросок — штрафное очко. Договоритесь перед игрой, с какого расстояния будете бросать колышек.

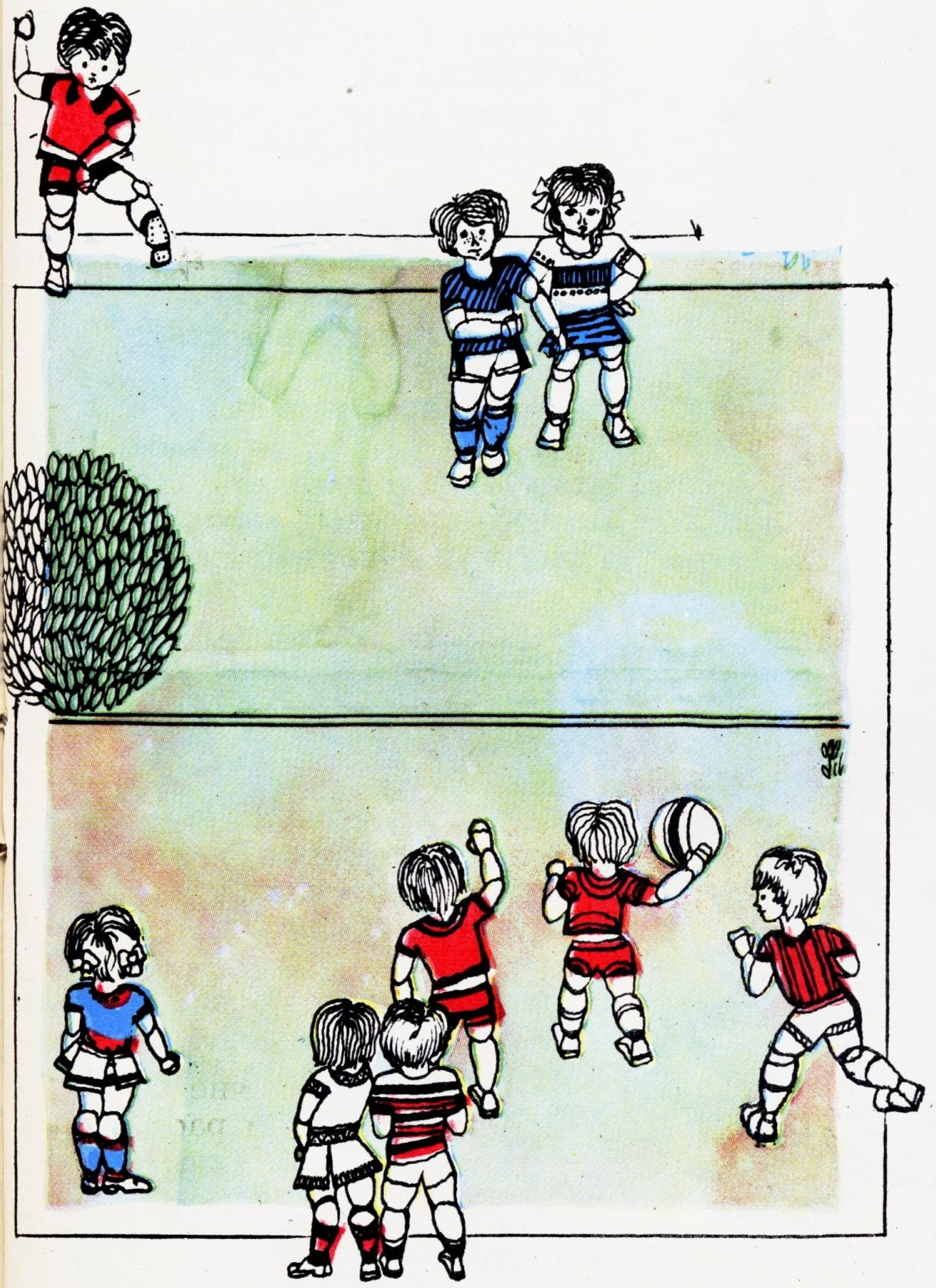
«Такаратори»

«ТАКАРАТОРИ». Это значит «охрана клада на одной ноге». Нарисуйте на земле большую латинскую букву S. В изгибах буквы положите по камню. На поляне или на площадке, где играете, на любом расстоянии от буквы и друг от друга нарисуйте несколько «островов». Букву длинной чертой разрежьте пополам, как показано на рисунке.



Рисунки А. НЕСТЕРЕНКО.

Играют две команды. В каждой по десять человек. Кто-то остается сторожить. Остальные расходятся по своей площадке, чтобы в подходящий момент пересечь черту и захватить чужой клад. Но передвигаться можно, только, прыгая на одной ноге. А отдыхать, стоя на двух ногах, разрешается только на «островах». Если, пробираясь к кладу, вы осалите игрока из другой команды, он выбывает из игры.



«Народный мяч»

Болгарская игра **«НАРОДНЫЙ МЯЧ»** называется так потому, что команды игроков по-болгарски — «народы».

Волейбольную площадку делят чертой пополам. Команды «красных» и «синих», в каждой по десять человек, занимают свои половины поля.

Игра началась. «Красные», которым по жребию выпало начинать игру, стараются мячом осалить игроков из другой команды. Игрок, которому не удалось увернуться, выходит из игры, и мяч переходит к «синим». Если «синие» ловят мяч, он тоже переходит к ним. За линией поля у «синих» стоит игрок из команды «красных». И наоборот. Как только мяч выкатывается за линию поля, игрок быстро подхватывает его и перебрасывает своей команде.

Команда, у которой на поле не осталось игроков, проиграла.

«Кораблик» получил заказную бандероль из Германской Демократической Республики. Конечно, там были стихи! Стихи твоих ровесников, пионеров-тельмановцев. Мы попросили поэтов Елену Гулыга и Владимира Резниченко перевести стихотворения на русский язык.

Выучи наизусть то, что тебе понравится, и прочитай на фестивале в своем лагере.

Петра **МАДЕР**, 10 лет.

У человека все получится

Человек построил краны,
чтобы тяжести таскать.
Эти краны — великаны,
им легка любая кладь.

Взял машину он в помощники,
а машина так сильна,
что, наверное, по мощности
превосходит и слона.

У человека все получится,
если он трудится и учится.

Эрика **МЕРТКЕ**, 9 лет.

Белый голубь — голубь мира

Всем на свете — взрослым,
детям —
хорошо знаком
белый голубь — голубь мира
в небе голубом.

Над землей быстрее ветра,
голубь, пролетай
и неси на крыльях светлых
счастье в каждый край.

Взвейся к небесам смелее,
легок и высок!
Возвращайся к нам скорее,
белый голубок!

Перевел с немецкого Вл. РЕЗНИЧЕНКО.

Рита **ШЕЙНХЕРР**, 14 лет.

Письмо от Люды

Мне пакет доставлен почтой.
Он пришел издалека —
из земли дальневосточной,
где течет Амур-река.

Пишет мне письмо оттуда
русская подруга Люда,
говорит о новостях,
просит побывать в гостях.

«Комсомольск наш очень
молод,
всюду новые дома.
До чего красивый город!
Приезжай — поймешь сама».

На листочке из тетради
много всякой всячины —
про последний сбор в отряде,
про дела девчачьи.

«Я немецкий, — пишет Люда, —
скоро знать неплохо буду —
у меня сегодня пять
по немецкому опять!»

Напишу ответ подружке
я по-русски, если так!
Хоть писать письмо по-русски
это, право, не пустяк.

Пусть летят мои приветы,
огибая полпланеты.
Если дружба у ребят,
этой дружбе нет преград.

Вальтрауд **ХАУФ**, 14 лет.

Зачем идет дождь?

Чтоб сонную землю умыть
 с утра,
Смочить сухую бороду трав.

Чтоб тех, кто скачет во всю
 прыть,
И тех, кто ползает, напоить.

Чтоб каждый поток веселее
 потёк:
Речка, канал, родник, ручеек.

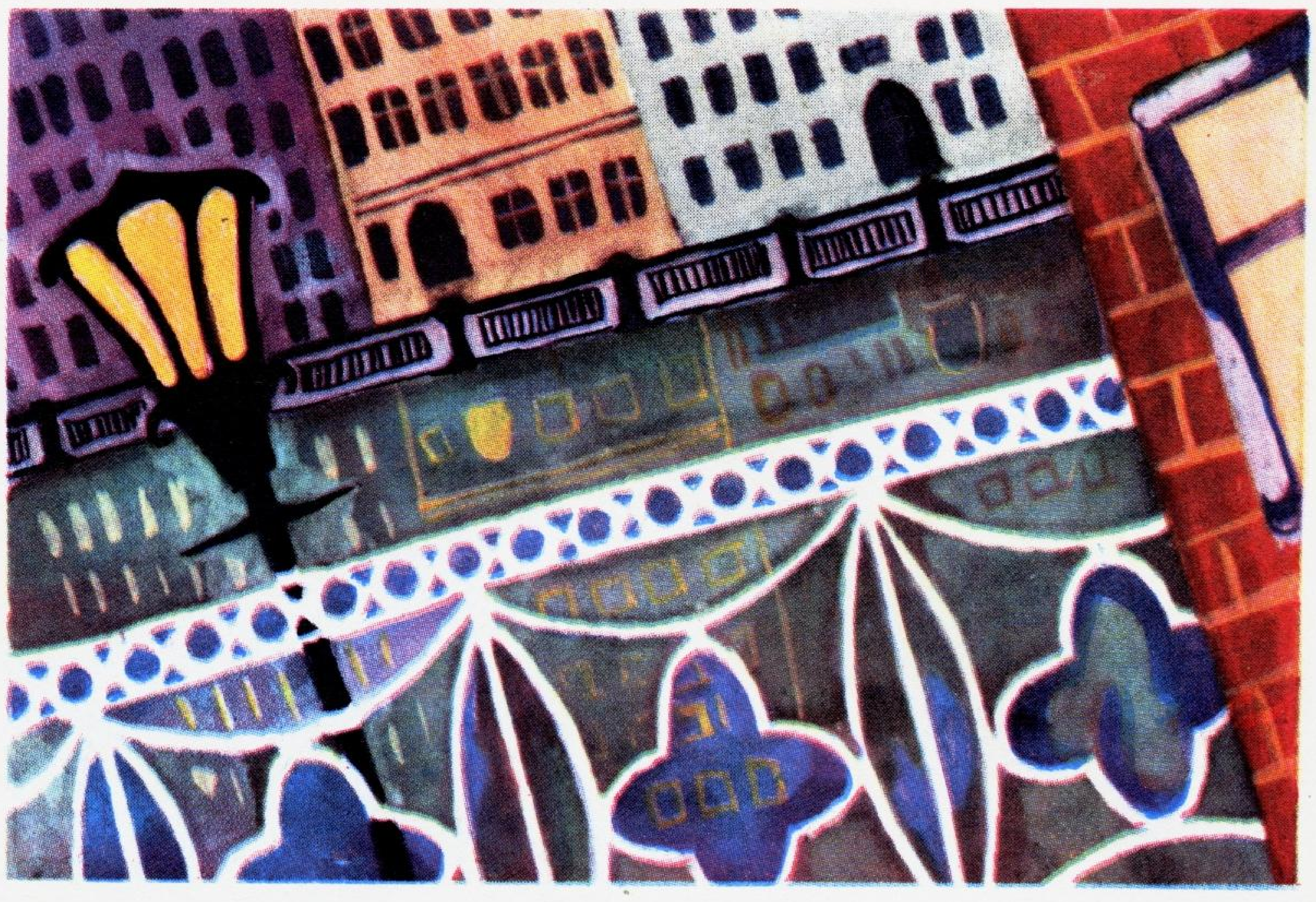
Чтобы воды круговорот
Сделал еще один оборот.

Чтобы для всех — холодный
 душ,
Чтобы было много луж.

Чтобы могли и я и ты
Показать свои зонты.

Чтобы подбодрить всю природу,
Чтобы сердиться на погоду.

Вот зачем идет дождь!



Мартина **КНОСХЕ**, 11 лет.

Ленинград

Есть гордый город вдалеке,
О нем мои мечты.
Стоит он на большой реке,
Над ней висят мосты.

Стройны, нарядны и легки
Старинные дома.
Они как будто вдоль реки
Узорная кайма.

Зимой не снять ему брони
Из снега, изо льда,
А летом ночи — будто дни,
И в нем светло всегда.

Пришли фашисты в сентябре,
И город встал горой
И встретил у своих дверей
Врага он, как герой.

Туда, на северо-восток,
Летят мои мечты.
Ах, мне б увидеть хоть разок
Те башни и мосты!

Габриэла **КРАУЗЕ** 9 лет.

Ветер, вей!

Ветер, ветер, ветер, вей, ветер, вей для всех детей,
Чтоб взлетел бумажный змей и кружился веселей.
Ветер, вей для всех детей!

Ветер, ветер, ветер, вей, ветер, вей для тополей,
Чтобы тополя качались, чтобы листья осыпались.
Ветер, вей для тополей!

Ветер, ветер, ветер, вей, ветер, вей для всех морей,
Чтобы волны забурлили, корабли по ним поплыли.
Ветер, вей для всех морей!

Перевела с немецкого Елена ГУЛЫГА.

29 июля —
День Военно-Морского Флота

На рейде — праздник. Колонну кораблей открывает «Варяг».

«ВАРЯГ» — сын «ВАРЯГА»

Владимир НАУМЕНКОВ,
капитан 2-го ранга.

Фотографии автора.

Далекие мальчишеские годы. Солнечный Севастополь впервые празднует День Военно-Морского Флота. Легкий бриз полощет гирлянды морских флагов на кораблях, подергивает полосками ряби голубое зеркало бухты. Я стою у самой кромки тротуара, прижавшись спиной к деду, и чувствую у себя на плечах его тяжелые матросские руки. Мимо нас по Нахимовскому проспекту в торжественном марше движутся колонны крепких, загорелых моряков. Сверкает золото лент, колышутся волны синих воротничков-гюйсов, гремит музыка. Вот оркестр ударил знакомую мелодию марша: «Наверх вы, товарищи! Все по местам!» Я смотрю на деда и удивляюсь: он улыбается, а по его щекам катятся слезы.

У моего деда, Захара Андрияновича, белые волосы, пышные белые усы и дубленая, коричневая кожа. Он очень похож на «старинных» солдат и матросов, изображенных на картинах в морском музее, в «Панораме обороны Севастополя». В прошлом Захар Андриянович занимал на флоте весьма скромную должность корабельного плотника, но он ходил в дальние походы-кругосветки и много-много повидал на своем веку.

Дом старого моряка, словно гнездо чайки, прилепился к обрывистому склону горы. На самом видном месте чистой, прохладной горницы, пропахшей ароматами засушенных трав, висят две пожелтевшие литографии: «Черноморская эскадра у Нового Афона» и «Бой «Варяга» с японской эскадрой». Подолгу просиживали мы с дедом у этих потускневших, вылинявших картинок. Там впервые и услышал я историю подвига варяжцев. В устах деда она звучала, словно былина.

Захар Андриянович — сверстник варяжцев. Еще в молодости глубоко взволновал его подвиг «Варяга», и он на всю жизнь сохранил благоговейное отношение к морякам русского крейсера, имя «Варяг» почитал как что-то святое, негасимое. Дед искренне верил, что «Варяг» был самым могучим крейсером, но уж слишком

неравны были силы — один против целой эскадры.

Много пришлось мне с той поры прочитать книг, документов, посмотреть фильмов, беседовать с людьми, и подвиг русских моряков все больше и больше поражал меня.

...Надвигалась русско-японская война. В то время крейсер «Варяг» нес службу в корейском порту Чемульпо.

Командир крейсера капитан 1-го ранга Всеволод Федорович Руднев хорошо понимал опасность положения. В случае нападения японцы легко могли перекрыть единственный выход в залив, и тогда Чемульпо стал бы ловушкой для русских кораблей. Поэтому он отправил в Порт-Артур крейсер «Боярин» и канонерскую лодку «Гиляк». Но без приказа покинуть Чемульпо он не мог.

Отправил он и канонерскую лодку «Кореец», но ее не выпустили японские корабли. Вслед за вернувшимся «Корейцем» в гавань вошли японские крейсеры и миноносцы. Они навели на «Варяга» орудия и торпедные аппараты. Адмирал Уриу предъявил командиру «Варяга» ультиматум: Рудневу предлагалось покинуть порт и выйти навстречу вражеской эскадре. «В противном случае я атакую Вас в порту.

Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой. С. Уриу».

Расчет японских адмиралов был предельно прост: они были уверены, что русские моряки вынуждены будут подчиниться силе и новенький, с иголочки крейсер «Варяг» станет подарком императору в день его восшествия на престол.

Командиры стоявших в порту иностранных крейсеров не поддержали Руднева. Когда они обратились к нему с вопросом о его намерениях, командир «Варяга» ответил: «Сделаю попытку прорваться. Приму бой с эскадрой японцев, как бы сильна она ни оказалась. Сражаться на нейтральном рейде не собираюсь, но о сдаче не может быть и речи. Это не в обычае русских моряков...»

«Варяг» и «Кореец», снявшись с якоря, двинулись на выход из бухты. Оркестры на соседних кораблях заиграли русский гимн, выстроенные на палубах команды горячо приветствовали русские корабли, пели русские песни. Французские, итальянские, английские и американские матросы были восхищены смелостью экипажей «Варяга» и «Корейца». Они были уверены, что русские корабли шли на верную гибель.

Против легкого крейсера «Варяг» и канонерской лодки с устаревшей артиллерией японцы выслали броненосный крейсер «Асама», пять легких крейсеров и восемь миноносцев — сто восемьдесят одно орудие и сорок два торпедных аппарата. Один «Асама» имел больше орудий, чем «Варяг» и «Кореец», вместе взятые.

Японская эскадра шла наперерез курсу «Варяга». Не дождавшись, когда наши корабли покинут нейтральные воды Кореи, адмирал Уриу поднял сигнал, предлагавший русским морякам сдаться в плен. На этот сигнал не ответили. Тогда «Асама» открыл огонь. Заговорили пушки и на других кораблях. Только через две минуты по приказу Руднева русские корабли произвели первый ответный залп.

На «Варяга» градом посыпались японские снаряды. Они рвались на палубах, сметая орудийную прислугу, взрывались во внутренних помещениях, вызывали пожары и разрушения. Среди огня и дыма стойко боролись моряки за жизнь своего корабля — заделывали пробоины, тушили пожары. Раненые моряки не покидали своих боевых постов.

В трудную минуту, когда разнесся слух о гибели командира, Руднев, без фуражки, окровавленный, выбежал на мостик и крикнул: «Братцы, я жив! Целься вернее!» И русские моряки продолжали посылать снаряд за снарядом.

Потоплен вышедший в торпедную атаку миноносец противника, ушел окутанный дымом крейсер «Чиодо», горит крейсер «Нанива», пламя окутало корму флагманского «Асамы», русские снаряды снесли на нем кормовой мостик и вывели из строя кормовую артиллерийскую башню.

Но и «Варягу» нелегко: крейсер накренился на левый борт, перестал слушаться руля. Четыре подводные пробоины, почти все орудия повреждены.

Руднев вывел «Варяга» из зоны огня и вернулся в Чемульпо. Устранить повреждения было невозможно. Несмотря на все принятые меры, корабль продолжал медленно погружаться. И тогда командир отдал приказ затопить крейсер.

Торжественное посвящение в гвардию молодых моряков.

Неистовствовали японские адмиралы: подарок микадо не состоялся, а за попытку захватить русский крейсер они заплатили дорогой ценой — потоплен миноносец, три лучших крейсера, получив серьезные повреждения, вышли из строя, а один из них, «Такачихо», затонул по пути в порт Сасебо.

*

В русском флоте была хорошая традиция — сохранять навечно в строю имена наиболее отличившихся кораблей. Так сохранялось имя «Азова» — первого русского корабля, удостоенного Георгиевского флага. Во время Наваринской битвы он под командованием Михаила Петровича Лазарева сражался одновременно с пятью турецкими кораблями.

Не померкла и память о бриге «Меркурий», не спустившем флага перед главными силами турецкого флота.

Эта традиция сохраняется и поныне в советском Военно-Морском Флоте.

На мачте, похожей на пирамиду, антенны локаторов — «радиоглаза» корабля.

Не думал я, слушая рассказы деда, что много лет спустя мне предстоит подняться на палубу сына «Варяга» — советского гвардейского ракетного крейсера...

На праздничном рейде Владивостока он выделялся своим необычным силуэтом: высокий наклонный форштевень, изящный, прогнутый, как у парусника, корпус и пирамиды мачт, увенчанные, словно парусами, гигантскими лопастями локаторов.

Я попал на крейсер к началу торжественной церемонии. Молодых матросов посвящали в гвардию. На кормовой палубе под реющим гвардейским флагом был выстроен весь экипаж. Командир вручал новичкам символы принадлежности к гвардии — черную с золотом ленту и нагрудный знак.

Стать гвардейцем не просто. Сначала надо проявить себя, показать, на что ты способен, какие у тебя знания, умения. На таком корабле, как «Варяг», матрос-гвардеец должен быть хорошим специалистом, разбираться в электронике, радиолокации, в сложнейших счетно-решающих машинах.

Во время плавания я познакомился с «асом» корабельных зенитчиков, гвардии старшиной первой статьи Борисом Молчановым. Невысокий, сдержанный, Молчанов показал мне свое заведование.

— Конечно, на первый взгляд странно, что зенитчики сидят внизу, — сказал Молчанов, — но мы видим отсюда и цели и полет ракет. Там, наверху, за нас наблюдают локаторы и сообщают вниз все необходимые сведения.

Молчанов ловко движется среди шкафов, заполненных приборами. Взгляд его быстро скользит по шкалам, руки легко касаются тумблеров-переключателей, и вот уже «думающие машины» начинают дышать теплом, зажигаются осциллографы, и бесчисленные разноцветные огоньки подмигивают Борису, как старому знакомому.

Нелегко служить на «Варяге», но интересно, почетно. Многие моряки мечтают попасть на гвардейский крейсер.

*

Солнце уходит за дальние горы. На гладкой воде отражается закатное небо, и бухта Золотой Рог кажется золотой. Корабль стремительно идет проливом. Перед нами разворачивается группа мелких островков и скал, обрамляющих остров Рикорда, — черные, коричневые, плоские, как плиты, и торчащие столбами камни. Похоже, что они движутся, меняют очертания, сталкиваются.

С моря незаметно подкрадывается узкая полоса тумана. Вот она разрезала пополам, а затем и совсем смахнула остров Карамзина, исчезли камни Верховского... Еще несколько минут, и в молочной дымке растаял весь архипелаг, будто его и не было. Ночь окружает «Варяга» плотным, сырым туманом. Не видно ни зги, только в ореоле топовых огней на мачтах мечутся крылья антенн локаторов. На экранах вспыхивают и угасают созвездия фосфорических точек — впереди по курсу обнаружена группа мелких рыбачьих суденышек.

Мы сидим в каюте командира корабля. Андрей Андреевич здесь с самой закладки крейсера, как говорят моряки, «от киля». Был старпомом, стал командиром, а теперь вот новое назначение. Как ни жаль, придется прощаться с «Варягом».

— Командуя гвардейским крейсером, я старался узнать как можно больше о командире того первого «Варяга». Руднев — человек высокой чести, беспримерной отваги, человек, горячо преданный своей Родине. Хотелось, чтобы и мы, сыновья варяжцев, были достойны оставленного нам в наследство гордого имени.

Машины девятой пятилетки

М. ГУРЕВИЧ
О. ЛИБКИН

Хлебный конвейер

С каждым годом все больше машин на полях нашей страны. Они берут на себя все многочисленные нелегкие работы — от пахоты до уборки зерна, помогают сохранить весь урожай — до единого зернышка.

А ведь это очень сложное дело — вырастить хлеб, не прикасаясь к нему рукой! Еще совсем недавно в длинной цепочке работ были слабые звенья — те участки, где приходилось работать вручную.

Сейчас этих слабых звеньев не осталось, можно сказать, что на полях действует настоящий хлебный конвейер. О нем мы тебе и расскажем.

На нашем рисунке — ранняя весна. Поля усеяны разноцветными машинами — земля готовится принять зерно. Идет пахота.

Плуг — очень древнее орудие, но нынешние плуги не чета прежним. Вот, например, новый плуг ПКС-3-35. Он может вспахать даже каменистое поле: его стальным лемехам мелкие камни нипочем, а если вдруг попадется крупный, автомат-предохранитель мгновенно остановит трактор, и

Как сметать стог

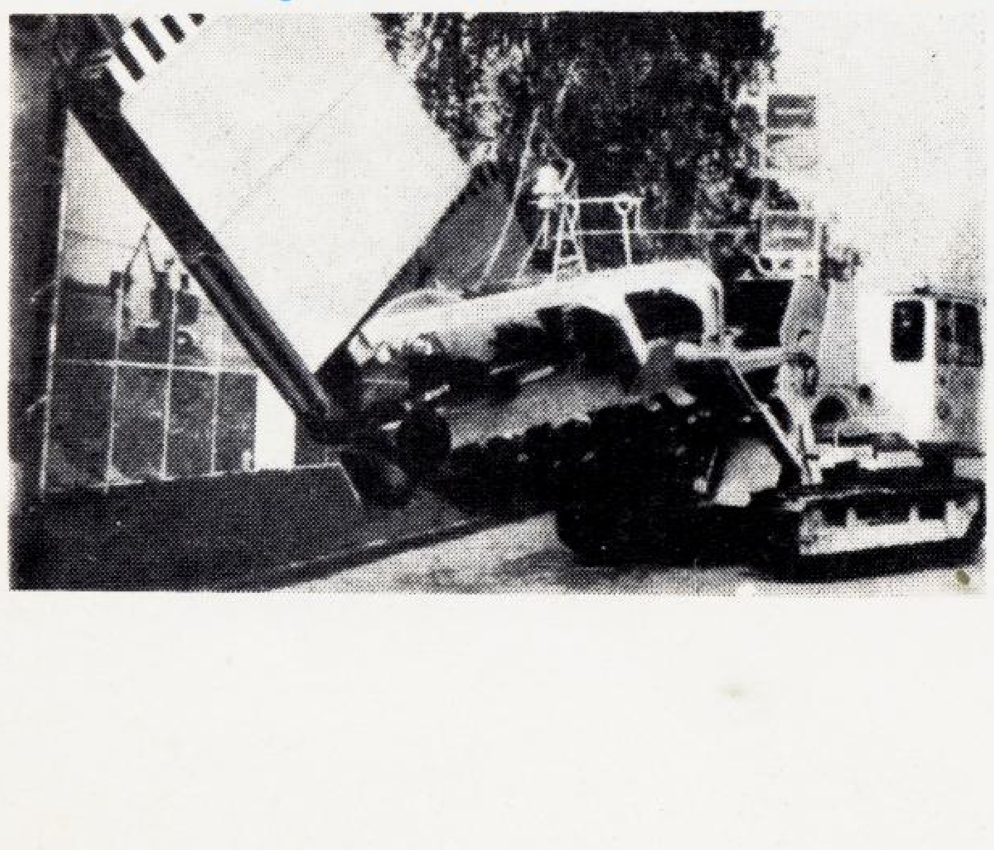
Эту машину со сложным названием — стогообразователь СПМ-200 — ты видишь на следующей странице. Что она делает? Очень быстро и аккуратно убирает с поля копны, оставленные комбайном. Посмотри, как работает стогометатель — огромная, как у подъемного крана, стрела. Она поднимает с поля копны и загружает их в ажурную камеру

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

стогообразователя. А механические руки разравнивают и уплотняют солому или сено — по 14 тонн в час!

Многорукий землекоп

За годы пятилетки предстоит прорыть 300 тысяч километров дренажа. Это значит, что огромные поля будут пронизаны сетью подземных трубок — керамических или пластмассовых с отверстиями. По таким трубам отводится лишняя вода с заболоченных земель. Конструкторы создали специальную машину — дреноукладчик ЭТЦ-202А. По сути дела, это эк-



аварии не случится. На рисунке ты видишь мощные многокорпусные плуги.

Сеялки теперь тоже непростые. Посмотри, трактор выходит на поле не с одной, а с целым букетом сеялок. Каждая не только укладывает семена в почву точно на заданную глубину, но в придачу вносит еще и удобрения.

Если нужна дополнительная подкормка, на поля выходят разбрасыватели минеральных удобрений — большие машины, похожие на цементовозы. На складе они втягивают в себя вакуумным «хоботом» питательные соли, а потом на поле аккуратно разбрасывают их. Самолеты тоже разбрасывают удобрения или вещества, которые уничтожают вредителей и спасают больные растения.

В засушливое время на полях появляются дождевальные машины. Внешне они похожи на огромные ажурные крылья. Машина движется вдоль оросительного канала, забирает оттуда воду и разбрызгивает ее из «крыльев», как из душа.

И вот наступает пора уборки урожая. На поля выходят комбайны — вот они на нашем рисунке. «Сибиряк» (он в центре), «Колос», «Нива» — машины невиданной раньше мощности и производительности. «Нива», например, за один час ссыпает в бункер до семи-восьми тонн обмолоченного зерна. Это очень удобная машина. Сиденье в кабине поднимается и опускается — кому как удобнее. Вентиляторы подают очищенный от пыли воздух, на окнах — экраны и жалюзи, чтобы глаза комбайнера не слепило яркое солнце. Этот комбайн уже делают на знаменитом «Ростсельмаше».

А дальше путь зерна лежит на колхозные элеваторы. Поток грузовиков с хлебом устремляется на специальные пункты, где зерно сушат, очищают и только после этого отправляют на государственные элеваторы. В этих гигантских промышленных предприятиях зерно хранят при стро-

го заданных температуре и влажности, хранят так, чтобы круглый год у нас на столе был свежий душистый хлеб...

Теперь еще раз посмотри на рисунок. Есть одна машина, без которой и землю не вспашешь и хлеб не соберешь. Главный работник на хлебном конвейере — конечно, трактор.

Сейчас Харьковский завод выпускает новую замечательную машину — колесный трактор Т-150 К. К нему можно навешивать или прицеплять сначала плуг, потом борону, сеялку, культиваторы, разбрасыватели удобрений — и он будет безотказно выполнять одну работу за другой.

Работает новый трактор на повышенных скоростях — 9—15 километров в час. У машины мощный двигатель — 150 лошадиных сил, хорошие пневматические колеса. Работать на нем удобно — управление не требует больших физических усилий, кабина хорошо вентилируется, а если нужно, — обогревается. Удобное мягкое сиденье смягчает толчки и тряску. Чтобы после остановки запустить двигатель, трактористу не надо теперь вылезать из кабины на дождь или ветер — двигатель здесь запускается прямо из кабины.

А ТЕПЕРЬ — ЗАДАНИЕ!

Какие новые машины работают в твоем колхозе или совхозе? Расскажи о них самое интересное.

Кто работает на новых машинах? Расскажи о механизаторах — твоих старших товарищах.

Если в кружках или на уроках труда делаете модели новых машин, напиши нам и об этом.

Лучшие рассказы, рисунки, фотографии мы опубликуем. Приглашаем фотолюбителей — читателей отдела «Один на один с фотоаппаратом».

ЖДЕМ ТВОЕГО РАССКАЗА!

скаватор, но у него не один ковш, а много. Все они скреплены одной цепью. Цепь движется, и ковши один за другим вгрызаются в землю. А когда канава вырыта, особое устройство укладывает в нее трубы.

«Дружба»

Так называется комбайн, который создали ученые и конструкторы трех социалистических стран — СССР, ГДР и Болгарии. Комбайн выполняет одну из самых трудных сельскохозяйственных работ: убирает сахарную свеклу. За одну смену — с десяти гектаров.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

На далеком острове, на Кубе...

В центре старинного города Сантьяго-де-Куба стоит большое каменное здание. На его толстых стенах следы пуль. В этом доме-крепости жили прежде солдаты кубинского диктатора Батисты, прислужника американских богачей.

Имя этого дома — казармы «Монкада» — знают теперь во всем мире. Двадцать лет назад, 26 июля 1953 года, горсточка молодых революционеров штурмовала эту твердыню. Смельчаками командовал Фидель Кастро. И хотя победить им тогда не удалось, начало было положено. Кубинская революция родилась. Через шесть лет она победила.

Теперь в этом здании — школа имени Двадцать шестого июля. Я побывал в ней. С гордостью показывали мне ребята свой школьный музей. Там я прочел призыв Фиделя: «Превратим казармы в школы!» За это сражались кубинские революционеры.

Про свободную Кубу, про ее счастливых детей я написал книгу «Хосе-весельчак». Вот несколько стихотворений из нее.

Школьное утро

Эскуэла-школа!
Школа-эскуэла!
Мчимся к ней мы,
чуть заря
в небе заалела.
В чаще леса,
в гуще мрака
луч рассветный
задрожал.
Там колибри,
искра-птаха,
словно маленький пожар.
В поле каждая
травинка
стала розовой, смотри!
Отражен в струе
фламинго,
птица утренней зари.
Снова в зареве, в огне
гор сияют пики.
В нашем классе на
стене —
океана блики.

Словно снова
все вокруг
радостно запело...
Здравствуй, солнце,
школьный друг,
школа-эскуэла!

Со́мбра и сомбре́ро

— Пальма, дай прохладу-тень
в этот яркий, жаркий день!
— Что ж, приляг тут подо
мною,
от жары тебя укрою.
— Нет, лежать мне недосуг:
сколько дел, гляди, вокруг!
Листьев кипу дай большую.
Их на солнце просушу я
и сомбреро —
лист к листу —
смастерю себе, сплету.
Ведь сомбреро лишь надень —
и с тобою сомбра — тень.
Сомбра — тень-прохлада,
мне ее и надо!

Золотой попугайчик

Старый Педро ходил по Гаване.
На плече у него попугай.
Кто нуждою измучен, изранен?
Счастье — вот, не скупись, покупай!

В шляпу кинешь ты старому грошик —
птица в клюве протянет билет:
обещание жизни хорошей
и удачи до старости лет.

Ты потешь себя сладким обманом,
ты надеждой себя подразни.
Вся бедняцкая пела Гавана
эту песенку в прежние дни:

«Попугай,
золотой попугайчик —
синий галстук,
зеленый жилет,
пожелай мне успеха-удачи,
подари мне счастливый билет!»

Годы таяли, вдаль убегая,
как туман в Мексиканский залив.
Старый Педро сказал попугаю,
под улыбкой печаль затаив:

— Горько нищему сладким обманом
убаюкивать нищий народ!
С укоризной сегодня Гавана
эту песенку, слышишь, поет:

«Попугай,
золотой попугайчик —
синий галстук,
зеленый жилет,
ты мне счастья желал и удачи,
отчего же все нет их и нет?!»

А еще он сказал попугаю:
— Видно, к счастью другие пути,
и к удаче дорога другая;
значит, надо искать и найти!

Говорят, что с отрядом Фиделя
он карабкался горной тропой,
что бойцы бородатые пели
партизанскою ночью слепой:

«Попугай,
золотой попугайчик —
синий галстук,
зеленый жилет,
пожелай мне победы-удачи
и чтоб не был я пулей задет!»

Говорят, что сумел отличиться
старый в битве у Рио-реки.
Но погиб он,
а верная птица
умерла от печали-тоски.

Так ли было все это, не знаем,
только верим: правдива молва.
Больше нет старика с попугаем.
Ну а песня?..
А песня жива:

«Попугай,
золотой попугайчик —
синий галстук,
зеленый жилет,
мы добились победы-удачи,
взяли с бою счастливый билет!

О тебе вспоминая,
не плачем,
только жаль, что тебя уже нет,
попугай,
золотой попугайчик —
синий галстук,
зеленый жилет!»

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

ПОД МУЗЫКАЛЬНЫМ ДЕРЕВОМ

4.

Аркадий КЛЕНОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

За то время, которое прошло от первой до последней нашей встречи под Музыкальным Деревом, в моей жизни произошли некоторые изменения —

Я СТАЛ КОЛЛЕКЦИОНЕРОМ.

Случилось это как-то незаметно. Сначала в поисках «музыкальных» картинок я стал рыться в старых музыкальных журналах, потом заинтересовался открытками и репродукциями, посвященными музыке. А как-то раз, рассматривая коллекцию марок моего знакомого, обратил внимание, что «спотыкаюсь» на марках, имеющих отношение к музыке.

О трех марках, которые положили начало моей коллекции, я тебе и расскажу.

Первой я заставил «говорить» вот эту марку. На ней изображена сцена из балета Б. Асафьева «Пламя Парижа». Группа людей, держащих трехцветное знамя Республики, напомнила мне

другую группу, скульптурную, которая названа ваятелем «Марсельеза».

О, дети Родины, вперед,
Настал день нашей славы.

Оказалось, что совсем не случайно вспомнились мне первые слова и мелодия «Марсельезы». Я узнал, что песню эту в балете... поют. Это редкий случай — пение в балете. Можешь себе представить, как волнует публику такая внезапность. Тем более, что

ЗВУЧИТ «МАРСЕЛЬЕЗА».

Мы во Франции. Год 1792-й.

Три года назад, когда штурмом была взята королевская тюрьма Бастилия, где томились политические заключенные, король Людовик XVI воскликнул:

— Это же бунт!

— Нет, это революция, — ответил ему один из приближенных.

Революция продолжается, и над пограничным французским городом Страсбургом развевается трехцветное знамя с надписью «Здесь начинается страна свободы».

И это знамя видно в подзорную трубу с противоположного берега Рейна, откуда пушки австрийского и прусского монархов нацелили свои жерла в сторону Франции, в сторону Свободы.

И над Республикой взвивается клич: «Отечество в опасности! К оружию, граждане!»

Нет, революционная республика не будет ждать, пока вражеские полчища начнут топтать землю Франции. Революция наступает! Революция сама объявит им войну. Так решило Законодательное собрание, и 25 апреля это сообщение пришло в город Страсбург, вызвав необыкновенный патриотический подъем.

В ночь с 25 на 26 апреля молодой капитан инженерных войск Руже де Лиль не спал. Впечатления от событий волнующего дня не давали ему покоя. В голове звучат голоса, призывающие: «Вперед, сыны Отечества! К оружию!»

Эти слова сами собой выстраиваются в строчки стихов, в их интонациях слышится какая-то необычная мелодия...

Руже хватает скрипку... Только бы не упустить! Строка к строке, напев к напеву, слова к мелодии — они тянутся друг к другу, словно намагниченные.

И вот она, «Боевая песня Рейнской армии»! Батальон добровольцев из Марселя принесет ее в Париж, пройдя с ней через всю страну. И она войдет в историю как песня марсельских добровольцев, «Марсельеза». Она станет гимном Республики, и ее будет петь вся Франция. Удивительная песня, запоминающаяся с первого раза, как будто специально созданная для того, чтобы ее тут же подхватывали все присутствующие.

Что может так объединить солдат, какая команда так тесно сомкнет их ряды, как эта песня!

«Пришлите мне тысячу человек или экземпляр «Марсельезы», — пишет военному министру один из республиканских генералов в дни сражений.

Не правда ли, выразительная арифметика!

«Марсельезе» почти двести лет, но и в наши дни она заставляет сильнее биться сердца людей. Она не только гимн Франции, она гимн песне, гимн музыке.

Обо всем этом рассказала мне небольшая марка. Разумеется, не без помощи книг. И я настоятельно советую тебе раздобыть две из них: книгу Стефана Цвейга «Гений одной ночи» и увлекательную книгу очерков Л. Гингольд «Песни на камнях Бастилии». А вот

ЕЩЕ ОДНА МАРКА,

на которой изображена сцена героической гибели Ивана Сусанина, русского крестьянина, который, пообещав показать врагам дорогу на Москву, завел их в лес. Они там погибли. Сусанин тоже погиб.

Его подвиг не только страница истории борьбы с иноземными захватчиками, но и страница музыкальной истории нашей страны. И какая страница!

27 ноября 1836 года в Петербургском Большом театре давалась премьера оперы Глинки «Иван Сусанин», или, как предупредительно переименовал ее директор императорских театров Гедеонов в ожидании приезда на спектакль царского семейства, «Жизнь за царя».

А в воздухе носился дух скандала. Привыкшую к итальянским и французским мелодиям публику ожидало нечто невероятное — три часа русской музыки. Да такой, что, казалось, она списана прямо с голоса какого-нибудь крестьянина или мастерового. Мелодии были удивительно похожи на русские хороводные, протяжные бурлацкие песни...

Глинка волновался. Волновался не только за судьбу своего детища. Задача, которую он поставил перед собой, была куда сложнее, чем стяжать мимолетные лавры личной славы. Нужно было доказать всем присутствующим в зале и, может, всем любителям музыки в мире, что та музыкальная нива, с которой он собрал «урожай», неистощима. Интонации, гармонии, ритмы русских народных мелодий и богаты и своеобразны.

Глинка не случайно выбрал сюжет из народной жизни и вывел в опере такие характеры, что нельзя не проникнуться к ним любовью и уважением. Герои оперы расскажут о силе и красоте русского характера языком своих мелодий.

Но вот высшая точка оперы, самый драматический момент — сцена гибели Сусанина. Тут-то по всем «законам» сценического искусства оперный герой должен спеть нечто необыкновенно «красивое» и захватывающее. Сусанин поет

простой русский напев. И публика словно прозревает — какая глубина в русской песне, какие сильные чувства может выражать ее мелодия!..

В опере Глинки почти нет подлинных народных песен. Но он настолько проникся духом и интонациями народной музыкальной речи, что, подобно народной песне, можно сказать: это народная опера.

В тот памятный день Глинка и русская музыка одержали победу.

Вот о чем рассказала марка, на которой изображены два национальных героя России — костромской крестьянин Иван Сусанин и композитор Михаил Глинка. И многое станет тебе ясным в творчестве великого русского композитора, если ты прочитаешь его автобиографические «Записки».

А портрет этого музыканта я

УВИДЕЛ ВПЕРВЫЕ

на марке. Ян Стамиц, чешский композитор, живший в XVIII веке, был одним из руководителей знаменитой в те времена Мангеймской капеллы.

Кто знает, может как раз Ян Стамиц сидел за клавесином или стоял у дирижерского пульта во время концерта, когда произошел удивительный случай, о котором до сих пор говорят музыкальные историки.

В старые времена музыка знала лишь три основных нюанса — громко, умеренно и тихо. Но вот однажды во время концерта Мангеймского оркестра по указанию дирижера музыканты, начав играть очень тихо, стали постепенно наращивать звучность. И этот такой привычный в наши дни прием вызвал совершенно неожиданную реакцию у публики. Вместе с нарастанием звука слушатели стали постепенно подниматься со своих мест и так же медленно опустились, когда звучание, достигнув предела, пошло на убыль.

Почему так неожиданно прореагировали слушатели? Как люди воспринимали музыку раньше и как воспринимают теперь? Об этом тебе расскажет очень интересная книга знаменитого дирижера Л. Стоковского «Музыка для всех нас».

Что и говорить,

ХОРОШЕЕ ДЕЛО — КОЛЛЕКЦИЯ,

если она вовлекает нас в калейдоскоп разных событий, размышлений, открытий. Мне, честно говоря, пришлось порыться в книгах, чтобы рассказать тебе, например, о Яне Стамице и Мангеймской капелле. А это далеко-далеко не все, что я узнал благодаря встрече с этими тремя миниатюрами.

Ну, а если у тебя нет коллекции марок?

Не страшно. Уверяю тебя, что даже если ты ничего никогда в жизни не собирал, ты все равно

ОБЛАДАТЕЛЬ КОЛЛЕКЦИИ.

И коллекционером тебя сделала музыка, хотя, вполне возможно, ты об этом не подозреваешь.

Попробуй проделать в течение года несложный опыт: записывай названия (настоящие или условные, если не знаешь настоящих) мелодий, которые тебе знакомы. «Взвейтесь кострами...» и марш, с которого начинаются любимые тобой футбольные матчи; песенка Знаменитых Капитанов и «Радионяня»; ария Ленского «Куда, куда, куда вы удалились...» и увертюра к опере «Руслан и Людмила»...

Сколько этих мелодий, знакомых тебе и даже любимых! Вот только вопрос, разобрался ли ты в них, как настоящий коллекционер, — кто их автор, где и при каких обстоятельствах они появились на свет, чем нравятся тебе?

Стоит задать себе эти вопросы, и выяснится, что ты не так уж плохо

РАЗБИРАЕШЬСЯ В МУЗЫКЕ.

В самом деле, ты можешь иногда не знать автора понравившейся тебе музыки и названия произведения. Но ты, несомненно, отличаешь песенную мелодию от танцевальной, джаз от симфонической музыки, а старинную музыку от современной. Зазвучал оркестр, и ты легко узнаешь голос скрипки, арфы, трубы, виолончели... А это все очень ценные и нужные тебе ориентиры в стране Музыки.

Смелее, ты уже многое знаешь. И вошло это в тебя как бы само собой. А если приложить немного старания и усилий? Представляешь, каким широким потоком начнет вливаться в тебя музыка! Иначе и быть не может. Помнишь, мы говорили с тобой, что

НЕТ НЕМУЗЫКАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.

Природа наделила каждого человека способностью чувствовать музыку и интересом к ней. Другое дело, что мы не всегда пользуемся этими способностями и развиваем их, не всегда «включаем» наш природный интерес к музыке, пропуская ее мимо ушей.

Есть у нас и еще одна природная способность, которая поможет тебе познавать музыку.

Каждый из нас способен уловить

ХАРАКТЕР МУЗЫКИ,

характер звучания.

Как-то довелось мне в один день услышать три вальса (ты тоже имеешь возможность устроить такой опыт — эти вальсы существуют в многочисленных грамзаписях): «Вальс» Штрауса из оперетты «Летучая мышь», «Вальс Наташи» из оперы Прокофьева «Война и мир» и «Вальс» Хачатуряна к драме Лермонтова «Маскарад».

С первых же звуков «Вальса» Штрауса нас охватывает «головокружение». Чуть ли не физически ощущаешь восторг, веселье, беззаботность, которые царят на маскараде, где встрети-

лись герои веселой комедии «Летучая мышь».

Совсем другой человек живет в «Вальсе Наташи». Юная Наташа, совсем еще девочка, впервые на балу и танцует первый в своей жизни вальс. Ей кажется, что все взоры устремлены на нее. И мы слышим в музыке, как робки ее шаги. Она словно приостанавливается после каждого шага и прислушивается к себе. А потом все смелее, смелее. И вот уже Наташа вся во власти музыки...

И снова маскарад. Но почему так напряженно и драматично звучит вальс? Кажется, что присутствующие здесь только надели маски веселья и беззаботности, а на самом деле в душе у них напряженное предчувствие какой-то драмы. И действительно, развязка событий, происшедших на маскараде, трагична.

Три бала, три вальса...

И хотя во время звучания этих вальсов на сцене не происходит ничего, что иллюстрировало бы их содержание, интонации, ритмы, гармонии, колорит музыки — все это дает нам почувствовать настроение и характер трех разных произведений. И ты, и я, и любой слушатель уловит характер всей этой музыки, хотя в ней

НЕТ ПРОГРАММЫ.

Еще за полвека до нашей эры древнегреческий флейтист Сакадас в сопровождении ансамбля изобразил на флейте сцену борьбы бога Аполлона с драконом Пифоном. Присутствующие могли услышать и воинственные крики победителя и стоны поверженного дракона. Все это передавалось звукоподражанием. Историки считают это исполнение первым дошедшим до нас примером так называемой «программной музыки», то есть музыки, которая строится по определенному сюжету.

Иногда композиторы предваряют программные произведения литературным описанием того, что «происходит» в музыке, а иногда ограничиваются только названием («Утро» Грига, «Буря» Чайковского). В виде «подсказок» к происходящему композиторы используют звукоподражания — раскаты грома, голос кукушки, наигрыш пастушеской свирели.

Но это не самоцель, это лишь намеки. Композиторы не фотографы. Они даже конкретные события стараются изложить особым, музыкальным языком.

За многие десятилетия в музыке выработались звуковые «формулы» волнения и покоя, энергии и печали, темноты и света... В чем-то различные у разных композиторов, они все же сходны, потому что возникли не благодаря какой-то договоренности между композиторами, а в связи с определенными законами восприятия музыки человеком.

Сегодня наука подтверждает сходство ощущений многих людей, когда они слушают ту или иную мелодию. Недавно в статье одного врача я читал о том, что, «образно говоря, человек «резонирует» на музыку подобно струне. И такой «струной» является прежде всего нервная система». А дальше совсем интересно: «спокойная, медленная музыка (например, из произведений Баха, Рахманинова, Чайковского) иногда эффективно снижает кровяное давление».

Конечно, композиторы преследуют не медицинские цели.

Много лет ведутся споры, как слушать музыку.

Одни утверждают, что очень помогает рисовать перед собой зримые картины во время звучания музыки. Ссылаются при этом на свой опыт и на Бетховена, который признавался, что, сочиняя музыку, часто создавал в своем воображении реальные картины.

Иные не настаивают на конкретных картинах и сюжетах, но утверждают, что все равно, поскольку мозг наш во время слушания музыки бодрствует, какие-то образы в нем возникают. Так желательно их направить в русло музыки. Пусть это будут или цветовые сочетания, как у Скрябина. Или фантастические образы, подобные тем, которые запечатлел на своих живописных полотнах художник и композитор Чурлёнис.

Третьи же считают «видение» музыки делом вредным и приводят тот немаловажный довод, что музыкальные звуки сами по себе могут воздействовать на нас.

Ну, а что мы решим по этому поводу под нашим Музыкальным Деревом? Честно говоря, я удивляюсь, когда дают точные рецепты, **как** слушать музыку. Все зависит от склада ума человека, его темперамента, опыта, культуры. Да и разные произведения требуют разного подхода.

И все же мне кажется, что основная масса любителей музыки пользуется всеми тремя способами сразу. И на здоровье.

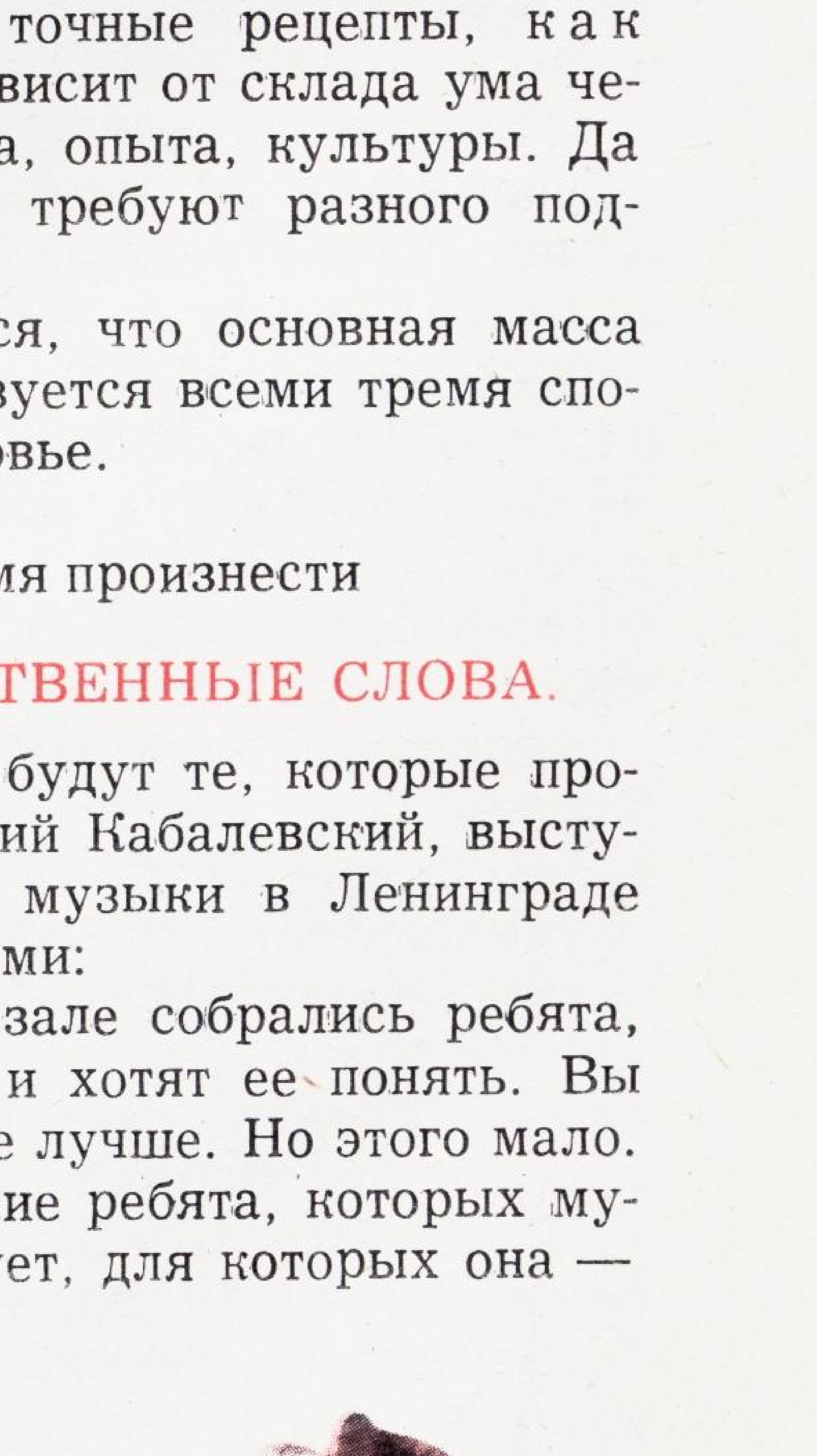
Главное — слушать.

Ну что ж, настало время произнести

ПОСЛЕДНИЕ НАПУТСТВЕННЫЕ СЛОВА.

Пусть этими словами будут те, которые произнес композитор Дмитрий Кабалевский, выступая на Неделе детской музыки в Ленинграде перед юными слушателями:

«Здесь в концертном зале собрались ребята, которые любят музыку и хотят ее понять. Вы поймете и узнаете ее еще лучше. Но этого мало. Рядом с вами живут такие ребята, которых музыка совсем не интересует, для которых она — закрытая книга. Так вот никто из вас, любителей музыки, не имеет права спать спокойно до тех пор, пока не передаст частицу своего увлечения товарищу и не введет его в прекрасный мир музыки».

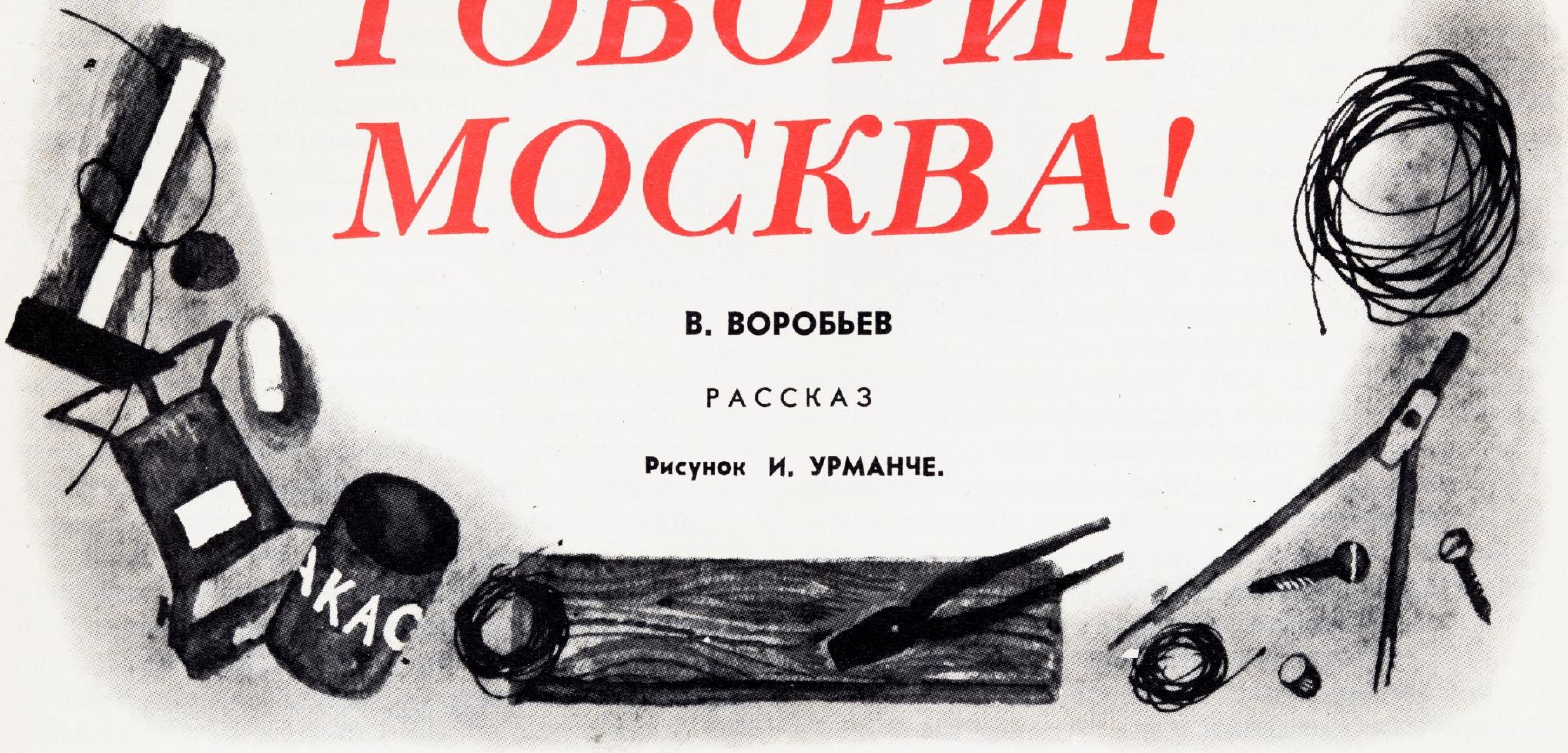


ГОВОРИТ МОСКВА!

В. ВОРОБЬЕВ

РАССКАЗ

Рисунок И. УРМАНЧЕ.



Это было давно. Иногда кажется, тысячу лет назад. В самом деле, кто теперь помнит, что такое примус? Наверное, не всякий. А в те времена штуковина эта жужжала в каждой квартире. Этакая паяльная лампа, на которой готовили еду.

А радио?!

Тогда во всем городе было лишь несколько радиоприемников. Послушать радио ходили как на экскурсию. Да нет, не просто послушать передачу, а чтобы поверить в это чудо.

Ну, не чудо ли?! Человеческий голос и музыка звучат из черной изогнутой трубы. И это вовсе не граммофон, а так просто, по воздуху, прямо из Москвы, летят сюда музыка и человеческая речь. И слышно ведь, слышно! Из Москвы! А еще говорят, чудес не бывает! Да тут раз-два, и в бога поверишь...

Но в бога никто не уверовал. Наоборот, кто и верил в него, разуверился.

Какой уж там бог?! Студент домой на каникулы приехал и сделал радиоприемник. Нате, пожалуйста, слушайте Москву! И вот случилось так, что мне и моему другу Лене Фельдшерову довелось своими глазами увидеть и даже потрогать радиоприемник. Сделал его студент, сын наших соседей. Они нас с Ленькой любили и немножко баловали.

Приемник этот был слабенький. Радиопередачу слушали, надев на голову наушники. Тогда больше именно такие делались приемники. К ним не надо было ни батарей, ни электросети.

Нас с Ленькой приняли в пионеры, рисовали мы только красноармейцев в буденовках, двукрылые, этажеркой аэропланы и космические ракеты с алым пламенем позади. Из круглых иллюминаторов ракет выглядывали человечки.

Тогда очень много писалось и говорилось о межпланетных полетах, еще жив был великий Циолковский... Нет, это удивительно! Еще не в каждом городе было электричество, еще простой приемник казался чудом, а люди уже всерьез мечтали о межпланетных путешествиях.

Мы, ребятишки, мечтали вместе со взрослыми, только смелее их. Возможно, поэтому радиоприемник студента не показался нам непостижимым чудом. Особенно после того, как мы увидели, «что там внутри».

В черном лакированном ящичке все было устроено проще простого. На картонном цилиндре плотными рядами намотана изолированная проволока. На крышке ящика, снаружи привернут рычажок, похожий на согнувшегося пополам человечка. Тонкой пружинкой он опирался на кристалл-детектор. Еще было тут два винта для антенны и заземления. И еще розетка для включения наушников. Это была единственная покупная деталь.

Под присмотром добряка студента мы с Ленькой срисовали все это устройство, наметили черточками, что с чем соединено, и побежали домой. Надо ли говорить, что мы решили ни много ни мало сделать радиоприемник.

Нам очень не терпелось. Мы не стали мастерить полированный ящичек, а взяли обрезок необструганной доски и приступили к монтажу. Но, впрочем, сначала мы сделали кристалл-детектор, как научил студент. Положили в банку свинец, серу и расплавили на примусе. Кристалл вогнали в мамин наперсток, и готово! Сломанный ученический циркуль послужил рычажком, пружинку сделали из обрывка балалаечной струны.

Цилиндр склеивать тоже было некогда. Прикинув и так и этак, взяли мы круглую

Мы услышали! Вот, честное слово, мы услышали!

пустую коробку из-под какао и намотали на нее рядами звонковый провод. Винтов для присоединения антенны и заземления мы тоже не нашли, зато отыскали два шурупа.

Потом мы стали соединять все это медными проволочками. Нет, мы не припаивали, этого делать мы еще не умели, просто прикручивали, прижимали плоскогубцами.

И вот все готово! Мы еще раз проверили, все ли нами «присобачено» как следует, а потом посмотрели друг на друга, и вроде испугались. Шутка ли? Радио сделали!

А вдруг и в самом деле заговорит? Надо пробовать. Но страшно было до невозможности.

Для начала расчистили место. Задвинули обеденный стол в угол, стулья вдоль стен поставили. Приемник наш установили посреди комнаты на полу... «А как же антенна, заземление?» — спохватились мы. Однако и с этим справились быстро. Принесли с улицы несколько витков толстой ржавой проволоки и подвесили ее под потолком, протянув через всю комнату. Кусок железной трубы, вбитый в землю во дворе за окном, послужил заземлением.

Студента дома не было, но под честное пионерское, что не испортим, нам с Ленькой выдали наушники.

Вбежали мы в комнату, плюхнулись животами на пол, головами друг к другу. Лежим, от волнения сопим и думаем:

«Радио сделали! Это же надо, радио! Сейчас заговорит!»

Но заговорит ли?!

Ведь до сих пор, пока мы все делали да «присобачивали», это мы все-таки играли в радио. Играть-то во все можно. А вот...

Я надел наушники, поставил пружинку на кристалл и... Что это?!

Ленька как лежал на животе, так — вжик! — отъехал подальше и смотрит на меня испуганно. Он говорил потом: «Страшный ты стал, глаза у тебя вытаращились, нос у тебя побелел и загнулся вбок...»

Еще бы! В наушниках громко раздалось:

— Алло! Алло! Говорит Москва. Работает радиостанция имени Коминтерна!

Ленька — вжжик — подъехал ко мне на животе и стал отнимать наушники. Один наушник я ему отдал, к другому приник сам.

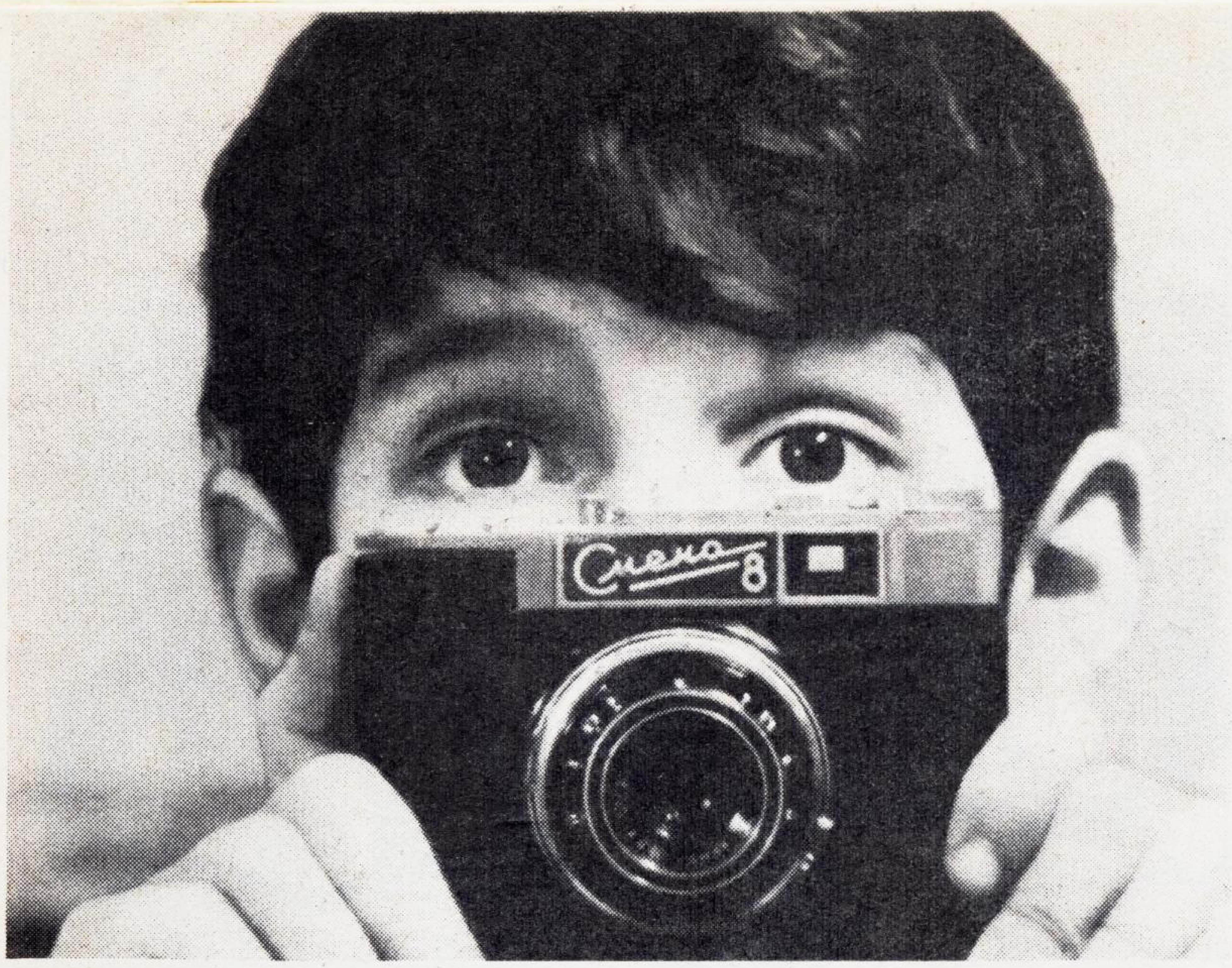
Так мы лежали с ним на прохладном полу, посредине комнаты, слушали радио и радостно взглядывали то друг на друга, то на приемничек наш. И были мы такие счастливые, такие... Потому что не обрезок доски теперь лежал перед нами, не коробка из-под какао и не сломанный циркуль с маминым наперстком, а радиоприемник! Настоящий! Он работал! Не верите?! Нате, пожалуйста! «Говорит Москва!»

Мы с Ленькой валялись на полу до самого вечера и слушали, слушали. Уже стало темно, а мы все слушали!

...Дверь открылась, в комнату вошли папа с мамой. Раздался крик ужаса. Мама упала перед нами на колени. Еще бы! Ведь она увидела пустую комнату всю в проводах и на полу два распростертых тела. Но тут она разглядела наши с Ленькой физиономии, на которых было намалевано счастье.

Еще не веря себе, мама и папа разом повалились на пол рядом с нами, выхватили у нас по наушнику, и... вот тогда я впервые увидел, какими бывают лица очень счастливых людей.

Ну тогда-то я думал, что отец с матерью радуются, что слушают радио, однако позже я понял: они радовались за нас с Ленькой, были счастливы нашим счастьем. «Вот какие теперь дети растут!» — наверное, думали они.



ОДИН НА ОДИН С ФОТОАППАРАТОМ

Ведет разговор фотокорреспондент нашего журнала Владимир ПОСТНИКОВ.

Снимок сделан в пионерской комнате, когда там шло обсуждение важного вопроса. Но, как видишь, не все участвуют в разговоре. Вот почему снимок получился не очень удачным. Так бывает, когда в объектив попадает что-то лишнее, необязательное, отвлекающее от главной темы. И все же этот снимок тоже можно сделать выразительным, если обрезать его по краям. Такой прием называется кадрированием.

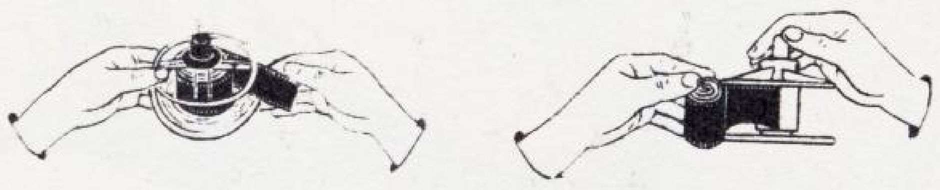
Отвечаем на ваши вопросы

Передо мной горы писем, и почти в каждом один и тот же вопрос: как проявить пленку и напечатать снимок?

Давайте попробуем вместе разобраться. Как ты поступаешь, когда тебе нужно решить трудную задачу? Наверно, составляешь план, решаешь один вопрос, второй, третий и получаешь ответ. Получение снимка — тоже цепочка последовательных действий. В этой «задаче» нужно решить два вопроса. Ответом на первый вопрос будет твой негатив, на второй — позитив.

КАК ПОЛУЧИТЬ НЕГАТИВ?

Во время съемок на пленке получается скрытое изображение — увидеть его нельзя. Чтобы оно стало видимым, фотопленку нужно проявить. Это — действие первое.



Прежде всего пленку надо зарядить в бачок (как — посмотри на рисунке). Фотопленка очень чувствительна к свету, и заряжать ее нужно в абсолютно темной комнате или в специальном рукаве. В бачке пленку обрабатываем двумя растворами: проявителем и закрепителем. Это делается при обычном свете. Мы уже писали, что пленку нужно проявлять в стандартном проявителе № 2. Время проявления — 8 минут при температуре 20°С, каждые 2—3 минуты вращать пленку против часовой стрелки. Если этого не делать, на пленке будут светлые пятна от пузырьков воздуха, попавшего в бачок вместе с раствором.

Восемь минут прошло. Сливаем проявитель, промываем пленку водой: бачок заливаем водой комнатной температуры и тут же сливаем ее. Затем заливаем закрепитель и фиксируем пленку 10—15 минут. Только после этого бачок можно вскрывать. Последняя операция: снова промываем пленку в проточной воде в течение получаса. Сушить пленку лучше в комнате, где нет пыли.

Итак, у тебя в руках проявленная пленка — негатив. Если ты внимательно посмотришь, то увидишь, что изображение получилось обратное: белое на негативе получилось черным и наоборот.

КАК ПОЛУЧИТЬ ПОЗИТИВ?

Проверь свой фотоувеличитель.

При решении второго вопроса не обойтись без фото-

увеличителя. Свет здесь направляется через негатив на фотобумагу. Так мы получаем отпечаток.

Обязательно проверь увеличитель. Главное, чтобы экран, где будет лежать фотобумага, был освещен равномерно. Это легко сделать, меняя положение лампы увеличителя. Закрепи негатив в рамочке и добейся резкого изображения на экране. Не забудь повернуть негатив к объективу матовой стороной (эмульсией). Диафрагма на объективе поможет тебе отрегулировать свет, падающий на фотобумагу. Наводку на резкость лучше делать при полностью открытой диафрагме.

Какую взять фотобумагу?

Теперь вернемся немного назад — к тому моменту, когда ты впервые взял в руки проявленную пленку. Конечно, ты сгораешь от нетерпения: очень хочется увидеть отпечаток на фотобумаге! Но не торопись печатать, сначала посмотри, какой у тебя получился негатив. Ведь если негатив не удался, отпечаток хороший не получится.

Как правило, у начинающих фотолюбителей негативы получаются не совсем удачными. Чтобы учесть недостатки негатива и по возможности сгладить их, подбирают соответствующие номера бумаги. Предлагаем тебе вот эту таблицу.

Работа при красном свете

При обычном освещении фотобумага легко засвечивается и в проявителе чернеет.

Заранее подготовь рабочее место. Разведи раствор для проявления фотобумаги и закрепитель. Залей их в ванночку, а между ними поставь еще одну ванночку — с водой. Теперь все готово для печати, осталось только выяснить, какая выдержка понадобится для засветки фотобумаги.

Выдержку удобно определять при помощи ступенчатой пробы. Это очень просто. Возьми полоску фотобумаги шириной 2—3 сантиметра и сделай пробные отпечатки с разными выдержками, меняя их через каждые две секунды. Из пробных отпечатков выбери тот, где наиболее удачная выдержка, и начинай печатать.

В проявителе фотобумага должна находиться 2—3 минуты, только после этого можно посмотреть пробный снимок. Затем отпечаток ополаскиваем в воде и погружаем на 10—15 минут в закрепитель и, наконец, в течение 30 минут промываем в проточной воде. Готовый снимок обрабатывают раствором питьевой соды (100 граммов на 1 литр воды) в течение 10—15 минут. Сушить снимки можно на чистом стекле или на оргстекле. К его гладкой поверхности отпечатки прикатываются резиновым валиком так, чтобы на стекло лег эмульсионный слой.

И вот он у тебя в руках, готовый снимок. Изображение на нем позитивное — светлые детали предмета остались светлыми, темные — темными. Мы получили позитив, или фотоотпечаток, значит, довели решение нашей задачи до конца.

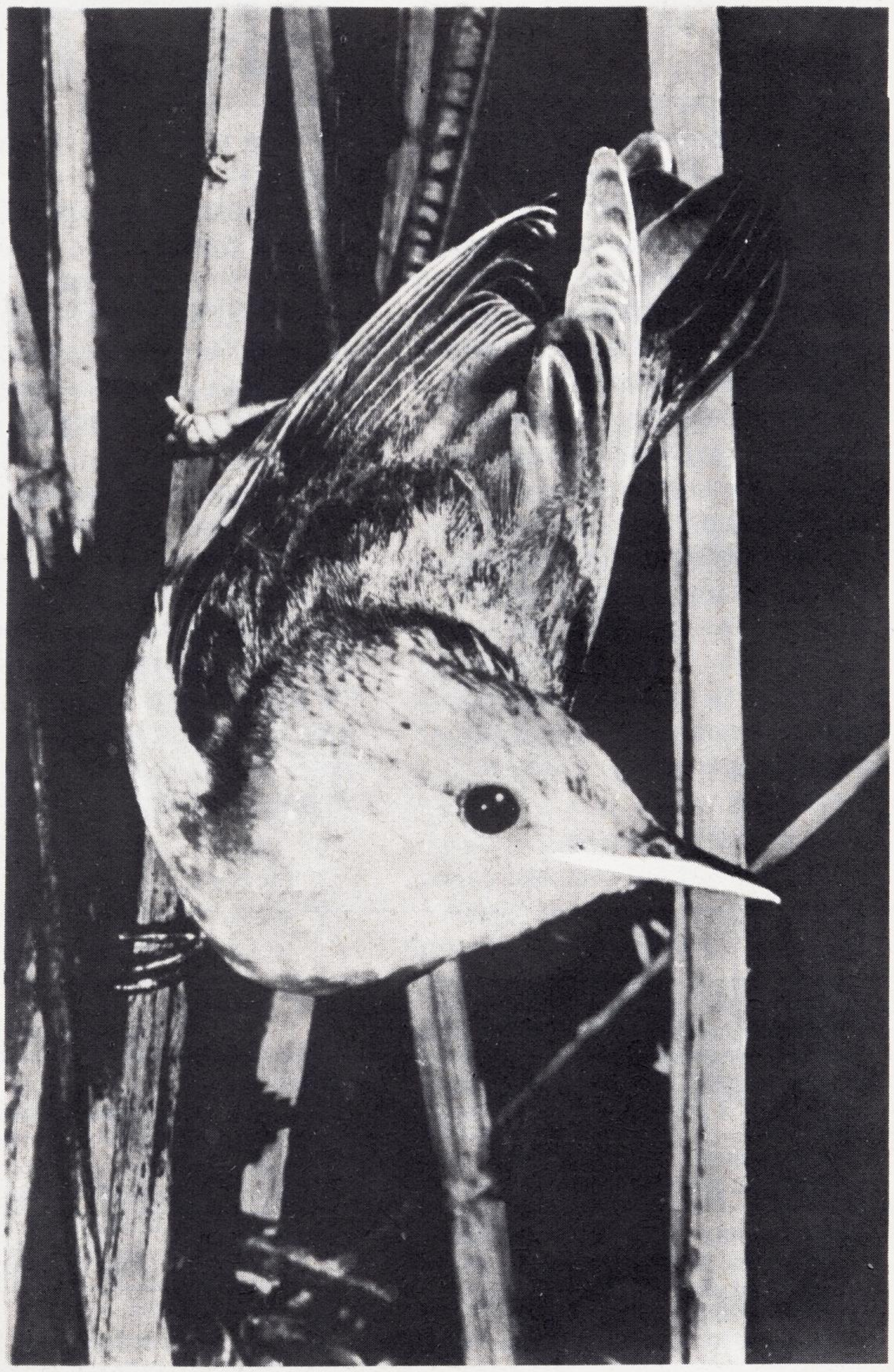
А вот этот снимок в целом смотрится хорошо. Его не нужно кадрировать. Если его обрезать (снимок внизу), он даже потеряет свою выразительность. Согласен?

Особенности негатива	Номер фотобумаги
Изображение очень контрастное, детали в тенях пропали, цвета слишком плотные	мягкая № 1
Изображение контрастное, детали хорошо различаются, негатив немного плотный	нормальная № 2
Изображение нормальное по плотности и по контрасту	нормальная № 3
Изображение мягкое с хорошо проработанными деталями, негатив немного светлый	контрастная № 4
Изображение очень мягкое, но с хорошо различимыми деталями, негатив более светлый	контрастная № 5
Изображение вялое, детали слабо различимы, негатив совсем светлый	контрастная № 6

КАМЫШЕВКА

За каждым снимком–часы наблюдений

Птиц Миша начал снимать еще школьником, в зоопарке. Но там ему скоро наскучило: особого труда нет фотографировать, если птица сидит в клетке. А Мише хотелось, чтобы его аппарат заглянул к птицам домой — в гнездо или дупло, не нарушая обычной жизни дятлов или камышевок. Этому нелегкому искусству он учится до сих пор. До сих пор каждая встреча с дрозденком, затаившимся в траве, или с отважной пеночкой-весничкой открывает ему новые удивительные подробности жизни птиц. Снимки у Миши становились все лучше, и за каждым стояли часы и дни наблюдений, а нередко и настоящие открытия. Сейчас Миша Штейнбах, студент биологического факультета МГУ. Здесь он рассказывает об одной из своих лесных экспедиций.



У лесных озер в густых прибрежных зарослях живет маленькая симпатичная птичка — кустарниковая или болотная камышевка.

Невзрачная, как соловей, птичка поражает своей ловкостью. Какие только трюки не проделывает она в густых зарослях крапивы! Ни на минуту не остается в покое, все время что-то склевывает, заглядывает под листочки, взмывает в воздух за мотыльком или мухой.

Насытившись, птичка взлетает на ветку, освещенную солнцем, блаженно вытягивает шею, крылья, распускает хвост — принимает солнечные ванны. Потом она встряхивается и начинает заниматься своим туалетом. Тут пичуга вспоминает о своих обязанностях отца семейства. В глубоком, уютном гнездышке, свитом меж стеблей крапивы, уже давно ждет не дождется мама-камышевка. Сегодня появились на свет четверо голых, слепых, темнокожих птенчиков, и заботливая мать, выбросив пестрые скорлупки, усердно греет их своим телом.

У птенцов в глубине их оранжево-желтых ртов, у основания язычка, можно было заметить два довольно крупных темных пятна. Они, вероятно, служат при кормежке ориентиром для родителей.

Отец семейства в это время усердно рыскал в поисках мелкой добычи для птенцов. Но, как назло, все мелкие букашки куда-то подевались, и отцу семейства пришлось прихватить добычу покрупнее — гусеницу-листовертку.

Самочка слетела с гнезда, а самец полетел к птенцам, раскрывшим рты, и, не раздумывая, сунул гусеницу ближайшему птенцу.

Что было дальше, трудно вообразить. Злосчастная листовертка застряла в горле птенца, и папаша принялся вытаскивать ее обратно. Не тут-то было! Несчаст-

у себя дома

ный птенец стал задыхаться. Отец изо всей силы рванул листовертку вверх и вместе с ней выхватил из гнезда птенчика. Птенец свалился обратно в гнездо, а гусеница отправилась в желудок родителя.

Скоро к птенцам вернулась самочка. Она принесла для голодных малышей несколько зеленых тлей.

...Прошла неделя. Заглянув в то же гнездо, мы не узнали бы птенцов. Глазастые, покрытые перышками, они потяжелели раз в десять.

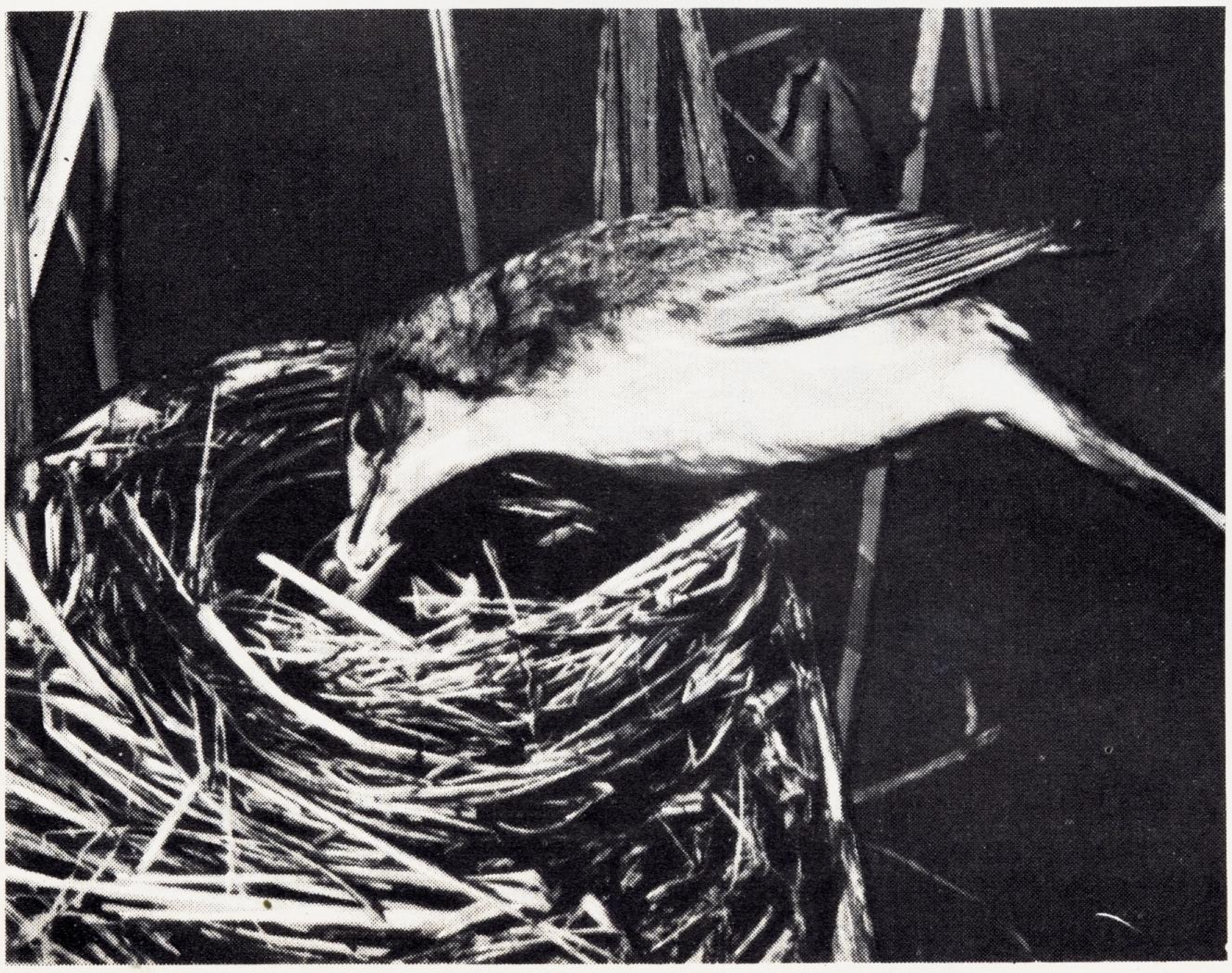
Теперь взрослые камышевки не искали только мелкой добычи. Они стремительно взмывали вверх и хватали на лету слепня или бабочку.

Как только птица подлетала к гнезду, навстречу ей распахивался «букет» ненасытных ртов, и, словно тихий перезвон серебряных колокольчиков, звучали голоса птенцов.

Покормив птенцов, родители при всей своей занятости задерживались на несколько секунд у гнезда, чтобы внимательно осмотреть его бортики. Камышевки — чистоплотные пичуги, и это был своего рода санитарный осмотр.

Время от времени один из птенцов пятился задом к бортику гнезда, чтоб оставить на нем белую фекальную капсулу. Родители уносили ее на порядочное расстояние от гнезда.

На двенадцатый день жизни молодые камышевки покинут гнездо. Уйдут в большой, любопытный и опасный мир...



Фотографии автора.

ТУБУС

А. ГУСЕВ

РАССКАЗ

«По-фа-ми-ли-и-Сте-па-нов-и-по-име-ни-Степан...» Игорь поднялся с полу, потряс отяжелевшими руками, отдышался: отжимание из упора лежа — упражнение не из легких. Следующее было приседание: «Как ныне-сбирается-вещий-Олег-отмстить - неразумным-хазарам-их-села-и-нивы-за -буйный- набег-обрек...» Уф! Игорь походил вразвалочку по комнате, сердце билось громко и ритмично, выглянул на балкон. Ветер легонько лизнул его по щеке, по голому плечу. Игорь вернулся в комнату, остались еще прыжки: «Робин-бо-бин-бо-ро-бек-ску-шал-со-рок - че-ло-век-и-ко-ро-ву-и-бы-ка-и-кри-во-го-мяс - ни - ка...» Группа, шагом марш! Левой, левой, раз-два-три! Игорь промаршировал вокруг стола... Группа, стой, раз-два!

После этого он отправился в душ, включил почти холодную воду, постоял минутки две, потом насухо вытерся жестким полотенцем и стал бодр, как рекордсмен мира.

Он был в квартире один. Один в самом начале лета, на краю синих и счастливых трех месяцев!

Пока закипал чайник, Игорь открыл на кухне окно и стал глядеть во двор. Двор был огромный, расчерченный на зеленые квадраты и треугольники жирными полосками асфальтовых дорожек. Посреди двора здоровенной рыжей кляксой лежала волейбольная площадка, дальше — продолговатая хоккейная коробка, а чуть в сторону — поляна, где девчонки играли в круговую лапту и штандер. Но эти отличные места сейчас пустовали, потому что буквально все разъехались: кто в лагерь, кто в Москву, кто в деревню, кто на юг!..

Игорь остался в городе по чистой случайности. Он в лагерь хотел! Родители его на недельку в дом отдыха звали вместе с собой. Однако он отказался, чтобы не терять ни одного дня, чтобы поскорей махнуть в «Веселый» — такой родной за три года, знакомый до последней березы. Там и ребята были все свои, там и в футбол... Но почему-то больше всего ему вспоминался тот пригорочек у речки. Наверно, чище его нету на всей земле. Там какая-то трава растет особенная, упругая, как батут. И ты бежишь по этому пригорку, а потом с маленького обрыва — оппа! — и вниз головой в реку. А там ничего нет: ни банок, ни склянок, ни коряг. Только песочек и глубина... И надо же было, чтоб в таком лагере сломался водопровод! Игорь каждый день ходил на батину баянную фабрику, в профком, но все время ему говорили: «Пока не готово».

Однако унывай не унывай, а делать нечего. Когда точно выяснилось, что с отъездом в «Веселый» будет волынка, Игорь твердо решил готовиться к лагерю. Во-первых, надо было войти в форму. Человек, как известно, к весне теряет работоспособность, становится квелым, словно вареная рыба. Это лучше всего по футболистам заметно: в апреле — мае телевизор лучше не включай. Так они бегают, будто на поле вместо травы клей налит. От этой немочи есть одно только средство: упорные физические упражнения. Вот как раз этим-то Игорь и занимается каждое утро по полчаса.

— Игорь! И-и-горь! Лебедев!

Вот с кем приходится иной раз дружить человеку, перешедшему в седьмой класс,— с третьеклашками!

— Игорь Лебедев! Выйдешь?

А что делать? Как тут не выйти?! Как охранить свое достоинство взрослого, коли единственным мальчишкой из всего двора остался этот Витька Зимин. Он, между прочим, тоже «Веселого» ждет.

Игорь вышел из подъезда. Витька сейчас же поднялся с лавочки и смущенно крикнул:

— Привет, Лебедь!

Игорь смерил его спокойным взглядом: что, мол, Лебедь, да не для тебя.

— А куда мы? А то я маму... — Тут Витька испуганно осекся.— А то по телику сегодня... это...— И пошел-поехал разговаривать. Игорь понимает: это от смущения. То среди своей малышни на вторых ролях, а то вдруг с настоящим шестиклассником судьба свела.

Они шли не спеша по улице своего родного города... На свете разные бывают города — старые и помоложе. А есть совсем новенькие, вот как их город: посреди леса, прямо среди полей начали ставить дома, не один, не два, не пять — целые десятки, а потом и сотни! Вчерашние проселочные дороги стали городскими улицами. Лежат теперь под асфальтом, вспоминают, как на них цветы росли. А березовую рощу, что испокон веку зеленела и белела вон на том холме, огородили бетонным забором, проложили дорожки, написали: «По газонам не ходить». Но и теперь еще горожане таскают из своего парка культуры целые лукошки грибов.

— Ну, понял теперь, куда мы идем?
— Конечно!

А чуть поодаль, в стороне от города, пыхтел и тяжело ворочался завод, словно гигантский медлительный зверь. По утрам пригородное шоссе, будто конвейер, несло на себе автобусы один за одним. На заводе работало, наверное, полгорода. Город для того здесь и вырос, чтобы дать жизнь заводу.

Игорь и Витька подходили к парку культуры. И чем ближе, тем больше людей двигалось вместе с ними. Наконец они, словно две маленькие лодочки, поплыли по широкой и мощной людской реке.

— А чего такое? — удивлялся Витька.— Игорь! А чего такое?!

— Газеты надо читать!

Витьке не пришлось долго ломать голову над непонятным Игоревым ответом, потому что уже через десяток шагов видны стали аршинные буквы желто-красной праздничной афиши: «Новые аттракционы». Об этом и газета писала и радио говорило. И Витька, конечно, про это знал. Только забыл, что сегодня!.. Новые аттракционы — это ж событие! Это ж отличная вещь! Это ж радости!..

Субботний праздник бушевал что было сил. На всех лавочках плотно сидели люди, перед каждым ларьком мороженого стоял хвост, тут же продавали мячики на резинке, и разные «уйди-уйди», и конфеты «петушки». Витька у первого же ларька просто в землю врос.

— У тебя деньги есть? — шепотом спросил он.— У меня — во! — Он разжал кулак, и прямо в глаза Игорю сверкнул круглый целенький полтинник.

Игорь спокойно выдержал паузу, потом вынул из «пистончика»... трешку!

— Ого! — закричал радостно Витька.— Живем!

Словно это была его трешка. Игорю сначала даже неприятно стало. А потом он подумал: ну что ж, раз они вместе, то и трешка общая. Тем более Витька младший!

Денег мама оставила ему целую пятерку!

Они отхватили по «эскимо»...

Но за три дня одинокой жизни Игорь живенько потратил два рубля, хотя холодильник просто ломился от всякой снеди (мама, наверное, чуяла, что он здесь может застрять). Теперь еда в холодильнике повывелась. Но разве охота об этом думать, когда кругом столько всего! Они отхватили по «эскимо» и зашагали вверх по главной аллее.

Аттракционы располагались на самой вершине холма, среди редких старых берез. Наверное, корявые и могучие березы эти дали жизнь всей роще. Они сами когда-то были рощей. А теперь их осталось здесь десяток или полтора. Так что образовалась как бы поляна. На ней-то, на огромной этой проплешине, и появились аттракционы. Говорят, они точно такие же, как в Москве, в знаменитом парке Горького!

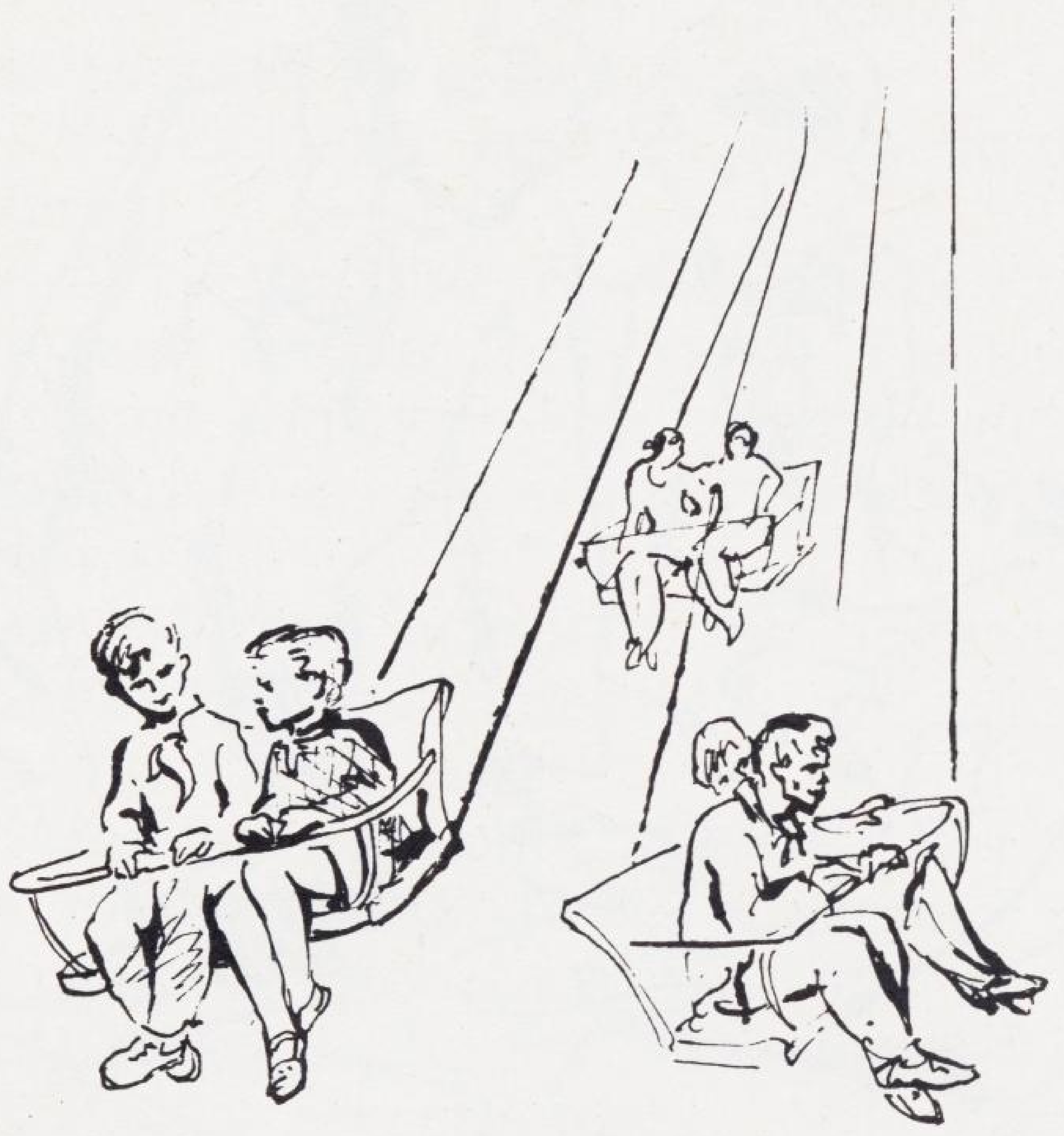
Громкие крики репродукторов долетали сюда снизу раскатом эха. Здесь жила своя музыка, особая, аттракционная. В ней было что-то необычное. А может, и не в музыке дело? Может, в чертовом колесе, которое так высоко тебя поднимает, что можно разом охватить все улицы с машинами, людьми и домами и даже увидеть дальние поля, которые обнимают город со всех сторон, словно озеро остров. А может, все дело в русских горах, когда летишь на сумасшедшей тележке то вниз, то вверх. И душа уже давным-давно у тебя сидит в пятках. А может быть, весь фокус в колесе смеха, с которого люди сыплются, словно яблоки из худого мешка.

Очереди вокруг аттракционов были немалые. Но то были совсем не скучные, а, наоборот, интересные очереди: пока стоишь, можно вдоволь наглядеться на все чудеса. И сто раз мысленно пролететь по всем кругам веселья. А это, между прочим, едва ли не интересней настоящего полета!

Но даже когда они на всем покатались, у них не было сил уйти. Они выбрали себе лавочку поуютней, чтобы виден был весь городок аттракционов — смеющийся, вертящийся, перевязанный змеями нескучных очередей. Витька не болтал от смущения, а Игорь чувствовал себя не очень старшим. Они устали, в животе мяукало от многих мороженых, газировки и «петушков». Но все равно было хорошо!

Солнце между тем уже село. В нижней части парка, в березняке, стали несмело загораться первые фонарики. Они сейчас и не освещали ничего, а просто пугали дневной свет. И он действительно тускнел и тускнел прямо на глазах!.. Вот и в городке аттракционов стало чуть серее, туманнее. Тогда загорелись разноцветные лампочки — на каждом аттракционе свои! Игорь и Витька порадовались, что не ушли отсюда слишком рано.

И народ кругом потихоньку менялся. Все заметней стали молодые девушки и парни с пиджаками, накинутыми на плечи. Они сиде-



На каруселях летишь, как на настоящем самолете!

ли на лавочках или бродили по аллеям. То там, то здесь слышалась гитара. Волшебные аттракционы сверкали и вращались полупустыми. А зато веселой толкучки кругом прибавилось... То ли туман невидимо приполз снизу, то ли еще какая тайная причина, но странное волнение охватило Игоря... Нет, девушки его не интересовали. Если уж на то пошло, у них в классе нашлись бы получше. Но вот ребята взрослые — другое дело!

— У тебя есть брат? — спросил вдруг Игорь.

— Не-а,— ответил Витька и придвинулся поближе. Добавил почти шепотом: — Пойдем домой, а?

Теперь в парке, наверное, совсем таких не осталось, как они с Витькой.

— Погоди! — Игорь и сам не знал, чего ждет, сидя здесь и глядя на взрослых ребят, которые могли бы быть его старшими братьями. Пора было уходить. Да и прохладно становилось.

И вдруг это произошло. Перед ним стояло четверо парней и девушка.

— Здорово, братва! — сказал тот, что был посередине, рядом с девушкой. Девушка, улыбаясь, поглядывала на него снизу вверх.

Сердце у Игоря забилось громко-громко-громко! Он поднялся им навстречу. И теперь уже мог как следует понять, какие они все крепкие и высокие. А Витька почему-то испугался. Он тоже встал, прижался к Игорю. А голову старался хоть малость отодвинуть за Игорево плечо.

— Просьбу нашу выполнить можете? — опять сказал тот же парень.

— Можем! — быстро и хрипло ответил Игорь.

Парень улыбнулся. Под белой водолазкой угадывались шары боксерских мышц. Этот бы мог запросто взять Игоря под локти и выжать его как штангу. Раньше батя так делал, до инфаркта...

— Возьмите вот это,— сказал парень,— и подождите нас минут десять.— То был круглый дерматиновый чехол с ручкой. В такие обычно кладут чертежи. Игорь, не размышляя, взял эту вещь, а Витька тихо спросил:

— Зачем?

— Что зачем? — не поняла девушка.

— Отдаете зачем?

— Это очень секретная тайна! — зашептал Боксер. Было понятно, что он шутит.

— Пароль «Тубус»! — сказал тот, что стоял с ним рядом.— Отзыв «Гуммиарабик»!

— Кончайте, Слава! — сказала девушка.— Зачем ребяток пугать!

— Никого вы не пугаете! — сказал Игорь.— Идите, мы здесь будем.

— Там у колеса смеха объявление висит,— сказала девушка.

И вся компания ушла.

— Какое объявление висит, а, Игорь? — спросил Витька.

Игорь пожал плечами. Крутились аттракционы, играла музыка, мигали цветные огни. Но теперь их это не радовало почему-то. Минуты ползли и ползли. В душе у Игоря стала копошиться всякая ерунда.

— Пойдем поглядим,— сказал Витька,— что там за объявление.

— Ну пойдем, пойдем! — Игорь резко встал.— Если уж тебе так хочется!..

Они протолкались к колесу смеха. И правда, там висело объявление: «Посетителей с предметами аттракцион не обслуживает». Все понятно! Если какой-нибудь предмет вырвется у тебя из рук, и полетит, как снаряд, и треснет кому-нибудь по башке...

— Айда на место, чудо гороховое! — Игорь сразу повеселел.— Как бы нам людей не прозевать!

Они пришли к себе на лавочку, подожда-

— Ну, пока, ребятки, мы скоро...

ли-подождали. Никто не приходил. Игорь беспокойно всматривался в плывущие мимо лица.

Они снова продрались сквозь поредевшую уже толпу, обежали кругом аттракциона. Нету! Вернулись к лавке — пусто! На их месте сидела парочка. Подходить было неудобно. Игорь и Витька стояли теперь посреди аттракционной поляны, на виду.

— Игорь, пойдем домой! — просил Витька.— Меня мать там обзвалась!

Было уже довольно пусто. Было поздно. А их знакомые как сквозь землю! Игорь открыл круглый чехол и увидел свернутые в трубку чертежи.

— Ух ты! — шепнул Витька.— Секретные?

— Молчи ты! — тоже шепотом прикрикнул Игорь...— А если правда секретные? Мало ли... И вдруг, будто в кино!..

— Эй, мальчики! — Их манил усатый прилизанный типчик в черном костюме.— Эй, мальчики, не бойтесь. Пойдите-ка сюда...

Игорь ничего не ответил, он схватил Витьку за руку и побежал по дорожке. Погони, кажется, не было. Лишь какие-то слова летели за ними следом. Но Игорь не расслышал их за стуком собственного сердца и топотом ног по темной аллее.

Молча, держась за руки, они быстро шли по глухим, словно незнакомым улицам опустевшего и потемневшего города. Редкие автобусы проносились мимо, как вихри. А редкие прохожие не замечали двух мальчишек, которые хоронились в тени деревьев и домов, словно контрразведчики.

— Ну чего делать будем, а, Игорь? — спросил шепотом Витька перед самым подъездом. Ясно было, что дома его ждет мать и уж, наверное, по головке она его не погладит.

Игорь положил ему руку на плечо.

— Чего-нибудь придумаем! — тихо сказал он. На душе было тревожно...

Было раннее утро. Погода за ночь подпортилась. Небо над их двором стало низким и серо-молочным. Холодный ветер бил, озлясь, по раскрытым форточкам. Московское радио объявляло что-то про циклоны и антициклоны...

Чертежей было три. Какие-то овалы, окружности, странный квадрат со множеством зубцов. По идее не должны бы они быть секретными! Разве с секретными чертежами расстаются так легко?..

Резко брякнул звонок. Игорь вздрогнул, быстро свернул чертежи... Куда девать? Открыл шкаф, растолкал пронафталиненные шубы, сунул чертежи к самой стенке... «Дзынь-дзынь!» Вздохнул глубоко, подошел к двери:

— Кто там?

— Мне Игоря Лебедева,— глухо пробубнили в ответ. Голос незнакомый.

— А кто это?

— Нуте-с, нуте-с, давай посмотрим.

— Да откройте! Я из фабкома! — Игорь открыл дверь и отступил на шаг.— Ну ты, товарищ недоверчивый,— сказал, входя, пожилой дядька лет пятидесяти.

Не торопясь и не особенно церемонясь, он прошел в комнату и сел. Был он из той породы толстых людей, которые любят посидеть. Его соломенная шляпа преспокойно улеглась на стол. Таких людей, совершенно неподозрительных и обычных, каждый день встречаешь на улице. А больше в сквериках, за домино. Однако когда в доме неизвестные чертежи, держишься настороженно! «Хоть бы Витька зашел»,— вертелось в голове.

А дядька спросил про отца с матерью: мол, нету ли открыточки. Выходит, знал, где они. Но об этом мало ли кто мог знать!.. Вдруг он хлопнул себя по мясистому розовому лбу и сказал:

— Слушай, я ж по делу! Тебе в лагерь завтра!

— Да-а?! — обрадовался Игорь.— А мне говорили, что...

— То тебе говорили, а то я говорю! —сказал дядька с важностью.— У проходной завтра, в семь сорок пять утра. Вещи собраны? — Он скользнул глазами по комнате и вдруг сказал:

— Тубус.

Нет! Он не оговорился, не сказал это слово нечаянно! Потому что тут же взял с дивана дерматиновый пенал для чертежей. И что-то еще сказал. Но Игорь не расслышал, кровь грохотала в ушах: «Тубус! Тубус!»

— Ты чего молчишь-то? — услышал он наконец голос пришельца.— Лягушку проглотил? Я говорю, кто чертит-то у вас? Отец вроде бухгалтер... Ты, что ли?

— Гуммиарабик! — твердо проговорил Игорь и впился глазами в толстое лицо.

Дядька внимательно посмотрел на Игоря. Глаза их встретились.

— Ты чего? — спросил дядька, как будто несколько даже смутясь.

— Вы сказали «тубус», а я говорю «гуммиарабик»!

— А?! — Дядька сделал такое удивленное лицо, как клоун Никулин.— Ты что несешь? Я говорю «тубус»,— он потряс пеналом для чертежей,— а ты мне зачем-то «гуммиарабик».

Вдруг Игоря осенило. Он показал пальцем на дерматиновый пенал.

— Это тубус, да?

— Тубус.— Дядька кивнул, потом поднялся и пошел потихонечку к двери.

Игорь тут же вспомнил, что из клетки со львом надо выходить тихонечко, а не убегать. Иначе лев бросится.

— Будь здоров! — Дверь захлопнулась.

Игорь ухнулся на диван, обхватил голову руками. Его смех разбирал, но было сейчас не до смеху. Если тубус — это просто название чехла для чертежей, то, выходит, весь пароль — только шутка! Но чертежи-то настоящие! Это сразу видно: они так сделаны аккуратненько!

Толстого дядьку Игорь догнал уже на улице.

— Пожалуйста! Одну минуточку!

— Что такое?! — Дядька нервно отстранился, вытянул вперед руки.— Что такое?

— Вы случайно не инженер? Я вас очень прошу, пойдемте ко мне. На минуточку! Мне нужно показать вам одну вещь, чертежи!..

Часа через полтора Игорь и Витька вылезли из автобуса на остановке «Общежитие». Это было общежитие завода... Не стоит долго рассказывать, как Игорь все же затащил к себе толстяка, а тот, поглядев чертежи, сказал, что на фабрике у них ничего такого нет. Это какой-то пресс. Значит, чертежи, должно быть, заводские... Но в воскресенье завод стоит. Единственное место, где кто-нибудь что-нибудь может знать, — это общежитие.

— Прочешем его сверху донизу — и порядок! — весело решил Игорь.

Витька согласно кивнул головой... Прочешем! Перед ними один за другим — и все дальше, дальше — высилось с десяток здоровенных одинаковых домов. Это все было общежитие. Стояли неподвижно дома, над ними плыли плоские белые облака — день разгуливался.

— Делать нечего! — сказал Игорь.— Начнем!

Витька опять согласно кивнул, но даже ему было понятно, что это все для очистки совести!..

В первые квартиры они звонили робко: «Вы чертежи не теряли?» А потом стало спокойно. Почему-то Игорь чувствовал, что ничего не выйдет. Они прошли весь первый подъезд, начали следующий: «Вы чертежи не теряли?» В дверях перед ними стоял курчавый парень в майке, в синих тренировочных штанах.

— А вы чего, ребята, такие, как в воду опущенные? Ну-ка, зайдите на минутку!

Витька стоял, опустив голову. Игорь пожал плечами.

— Вы только скажите, вы чертежи не теряли?

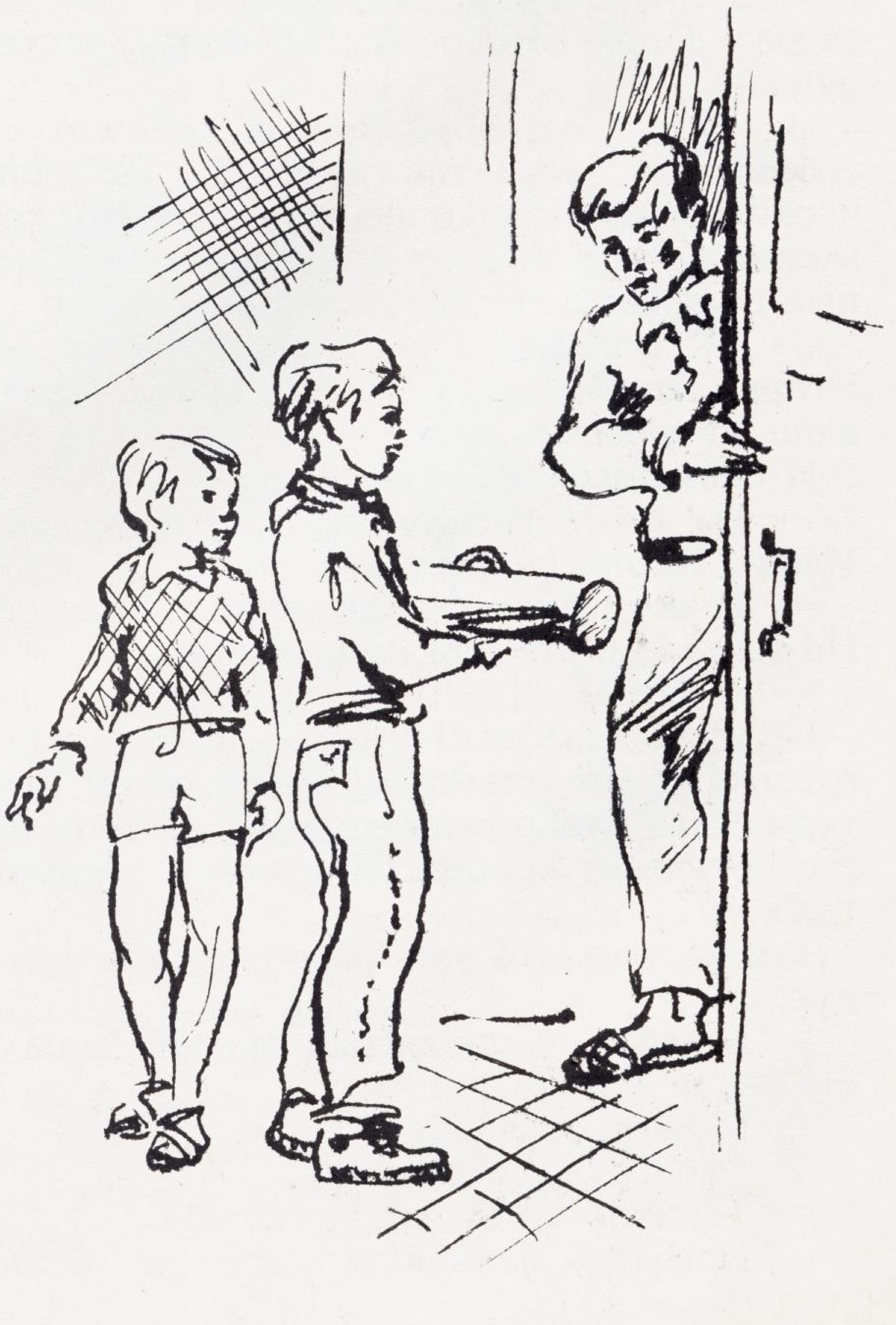
— Я лично нет. Но кто-то, видать, потерял? А вы того растяпу ищете, точно?.. А ну-ка выкладывайте живо все приметы: рост, возраст, адрес, телефон, место работы... Ну, что еще вам неизвестно?

Игорь с Витькой хмыкнули, и очень скоро Гена, так звали курчавого, знал все. Он сказал:

— Через пять минут здесь будет вся моя бригада, а еще через десять мы найдем того человека.— С этими словами он взял молоток и начал выстукивать по батарее что-то похожее на азбуку Морзе. Пояснил:— «Тимур и его команда» читали? Тот же самый принцип. Мы все в одном подъезде живем.

Хорошо жить в рабочем общежитии. Никто тебя не ругает, зачем ты стучишь по батарее. Скоро — «там-там-татам, там-там-татам» — Генина бригада была в сборе, все

— Вы чертежи не теряли?



восемь человек. И пошла работа: сразу в десяти квартирах раздался звонок, и десять человек десятью голосами задали один и тот же вопрос: «Вы чертежи не теряли?»

Хозяин тубуса пока не находился! Но искать теперь стало куда веселей.

Они обработали корпуса «А» и «Б», и здесь Коля Рыжий (один человек из бригады) сказал:

— Слушай, Генчик, времени в обрез! У нас Михасев на носу. Если мы на матч вовремя не явимся...

— Пошли к Михасеву,— сказал Гена.

Михасев жил на третьем этаже во втором подъезде корпуса «Д». Едва Гена начал ему объяснять, Михасев спокойно сказал: «Баранка». Таким железным и твердокаменным был этот Михасев!

— Вот этих видишь двух?! — Коля Рыжий схватил Игоря и Витьку и почти по воздуху подтащил их к Михасеву.— Им нужно чертежи отдать! Чертежи!.. А люди хотят им помочь.— И тут Коля Рыжий обвел глазами всю бригаду, которая столпилась на лестничной площадке.

— Ладно,— сказал Михасев.— Подождите. Не вы одни такие милые!

Через десять минут бригада Михасева тоже была в сборе. Все набились в однокомнатную михасевскую квартиру.

— Предложения? — спросил Михасев.

— Ясно, как апельсин! — сказал Коля Рыжий.— Продолжать массированный поиск.

— Я имею в виду остроумные предложения! — холодно возразил Михасев.

— Есть одно предложеньице! — смущенно сказал Гена.— Надо ж поглядеть чертежи, ребята!

И тут все заговорили, что, конечно, само собой, они тоже так думали!.. Развернули чертежи, столпились над столом. «Что же это может быть?.. А шут его знает!.. Вот смежные профессии-то назубок знать надо».

— Да погодите вы, ребята! — услышал Игорь Генин голос.— Это же пресс! Простую вещь не узнали!

И снова все кинулись к столу.

— Ты что?.. А ведь правда! Руку убери, Иван!.. Парни, не засти!

— Точно, пресс! — признался Михасев.— Но ты гляди, что они придумали!

— А чего?

— Чудак человек! Видишь, как теперь заготовка будет меняться? Соображай! Теперь туда ставь слепого и безухого, он тебе будет сто пятьдесят процентов делать с закрытыми глазами.

Теперь каждый уже разобрался, в чем фокус.

— Слушай, башковитый малый попался!.. Не иначе Хрусталев!..

— Может, Хомченко?..

— Это Славик Никитин!..

— Ты что? Он бы сразу сказал!..

— Погоди, мальчики. Это ж большой пресс! Смотри, какие отверстия! Это седьмой цех!.. Точно! Седьмой!

— Все ясно! — крикнул Михасев.— Это Штукина бригада делала! Ну, знаете, тот, ленинградец, с Кировского завода! — Михасев взял Игоря за руку.— А ну-ка пошли.

Они сбежали на первый этаж. И здесь Михасеву пришла в голову другая идея. Он набрал какой-то номер, крикнул в трубку:

— Алло! Кто там дежурный? Здорово, Леша! Это Михасев говорит... Слушай, Алексей, будь другом, зайди к Штукину... А я не знаю, какой номер... Ну узнай! Зайди и скажи...— Тут он наклонился к Игорю: — Какой там пароль?

— «Тубус» и «Гуммиарабик».

— Слышь, Алексей, зайди и скажи: «Тубус», «Гуммиарабик»! Не-не, только вот эти слова. И мой номер комнаты: сектор «Д», тридцать два.

Они ждали довольно долго. Игорь и Витька сидели на тесном диване между крепких этих ребят. И совсем не хотелось им думать, что обедать пора, что Витьку опять ожидает мать... Разговор шел серьезный: о квартальном плане, о «Спартаке», о рацпредложении штукинской бригады.

Вдруг нетерпеливо ударил звонок, дверь открылась, вошла девушка. Она увидела целых двадцать парней и растерялась, остановилась, словно перед пропастью... Никто ничего не успел еще сказать. Только Витька: «Она! Она!» — бросился к девушке, но зацепил чью-то ногу сорок шестого размера. И, наверно, крепко шлепнулся бы на пол, если б девушка не подхватила его ловкими руками. И Витька заплакал!

Девушка гладила его по голове и тут же раскрывала тубус, чтоб удостовериться, и тут же всем объясняла. Хотя толком ее мог понять один Игорь.

— Мы когда с колеса вышли, а там какие-то хулиганы. Пока с ними, пока в милицию... А наши сегодня опять в парк побежали: думали, вы там... А я, слава богу, додумалась здесь... Ой, ребятки вы мои дорогие!..

— Это вы какую бригаду имеете в виду? Нашу или Михасева? — спросил Гена.

Девушка засмеялась и замолчала.

...Они с Витькой еще долго не уходили из рабочего городка. Еще посмотрели, как Генина бригада обыграла в волейбол михасевскую. А после Коля Рыжий к такой великой радости отвез их до дому на мотоцикле, с ветерком! На прощание он сказал:

— Ну, молодцы, ребята, молодцы! Еще раз спасибо от всех. Вы на завод к нам приходите, хоть глянете, как пресс теперь работать станет.

— Мы обязательно! — сказал Игорь.

Уже опять почти наступил вечер. Пора было расставаться, пора было обедать. Но расставаться им не хотелось!

Нетерпеливо ударил звонок, дверь отворилась, вошла девушка.

— А я знаешь чего?— вдруг сказал Витька.— Я на завод пойду после школы. Вот точно тебе говорю! И в общежитии буду жить. С ними!

— При чем тут общежитие? — улыбнулся Игорь.— Дело же не в общежитии, Витюха!.. Ладно, мы еще с тобой в лагере об этом потолкуем!

Наталия ЮРКОВА

Счастливое утро

Деревья проснулись
еще до рассвета,
расправили
длинные, гибкие ветви.
На ветвях
слегка зазвенели листья.
От их перезвона
проснулись птицы
и сразу запели
четыре песни:
про солнце
и воду,
про воздух
и ветер.
От щебета птиц
проснулось солнце
и разбудило
воду в колодце.
Вода отразила
и солнце, и небо,
и птиц,
и звенящую веточку вербы.
И те,
кто проснулся
пораньше утром,
счастливы были
в эту минуту.

Альпинисты

К вершинам
С подножья
По козьим дорожкам,
По стенам отвесным
Взбираясь на скалы,
Бесстрашно
В бездонные
Глядя провалы,
Идут смельчаки,
Помогая друг другу.

По вечным снегам,
Сквозь заносы
И вьюгу,
Сквозь черные тучи,
Слои облаков
Проходит к высотам
Отряд смельчаков,
Взбирается выше
и выше,
Пока
Земли не закроют
От них облака.

Одни остаются они
В вышине
С сверкающим солнцем
Наедине!

Острова

Материк-великан
Посылает в океан
Острова
И островки,

Чтобы знали моряки,
Что без них
Грустит земля:
Горы,
Рощи
И поля...

Чтобы в море
Корабли
Не отвыкли от земли,
Вспоминали берега
Старика материка.

Эдуард БАБАЕВ

Эхо

Я в горах набрел на эхо,
А дорогу потерял.
Справа эхо,
Слева эхо...
По горам промчалось эхо
И ушло за перевал.
Закричал я:
— Где дорога?
И услышал я в ответ:
— Где дорога?
— Где дорога? —
И еще раз:
— Где дорога?
А ее как будто нет.

Только горы тихо-тихо
Расступились предо мной.
Шелестела облепиха,
По тропинке шла ежиха
И ежат вела домой.
И открылась мне дорога,
Улетая в вышину.
Только скалы
Смотрят строго:
— Что за крики —
Где дорога?
Где дорога?
Где дорога? —

Горы любят тишину.

Рисунки В. РУДЕНКО.

На поле боя — 52 команды

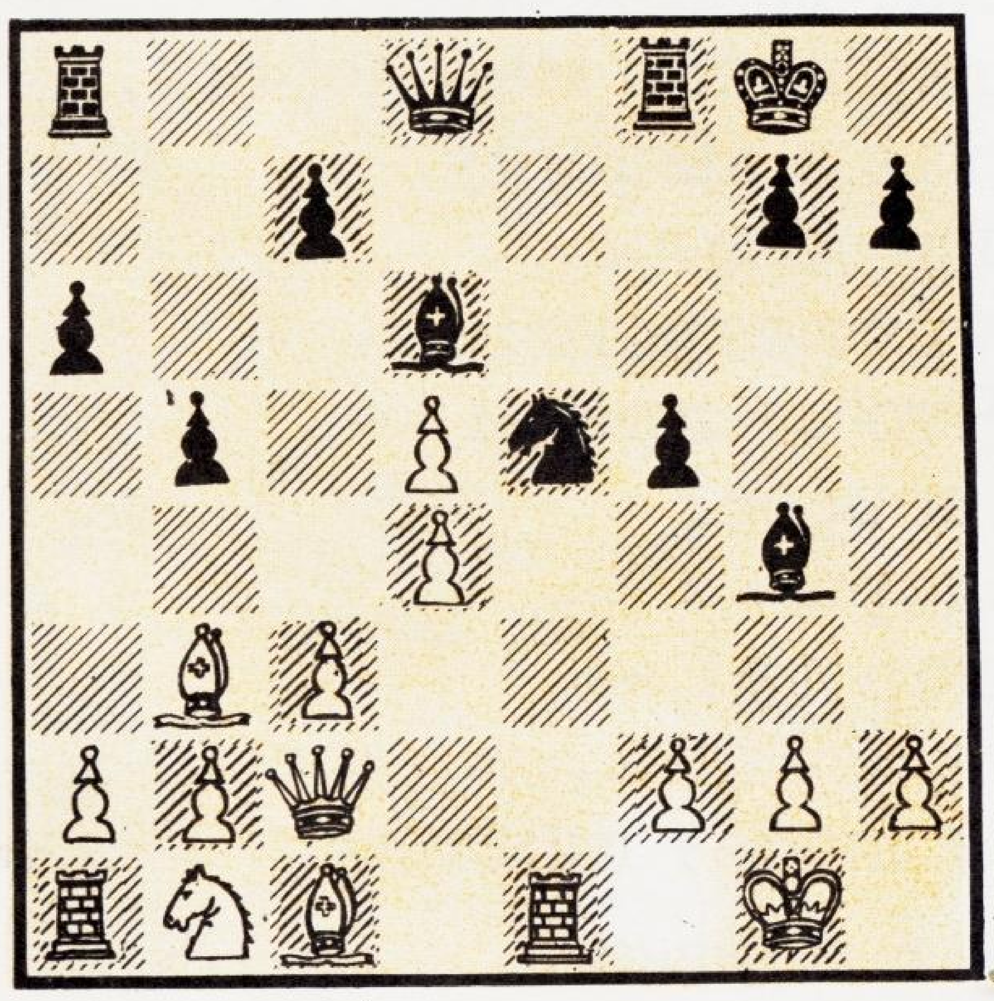
Перед самыми весенними каникулами Пешкин получил срочную телеграмму: юные шахматисты приглашали его во Владимир, на соревнования клуба «Белая ладья».

Сборы были недолги. И вот Пешкин уже во Владимире, знакомится с ребятами, приехавшими из Тулы, Элисты, Волгограда, Ставрополя, Ангарска, Горького, Ростова-на-Дону и многих других городов. Пятьдесят две команды дворцов пионеров и детских спортивных школ прибыли в полной боевой готовности. Пешкин даже не ожидал, что так много его друзей приедет сюда.

И вот начался турнир. Пешкин все время следил за сражениями на шахматной доске.

Какие интересные партии ученика пятого класса 10-й школы города Горького **Вити Купоросова!** Он научился играть в шахматы в восемь лет у своего отца, шахматиста второго разряда. Прошло всего три года, Витя сам стал перворазрядником и теперь частенько обыгрывает папу. Недавно Витя участвовал в чемпионате Горького среди взрослых. Он сыграл девять партий с кандидатами в мастера и перворазрядниками и набрал $4^1/_2$ очка.

В пятом туре соревнований внимание всех ребят привлекла сложная и острая партия **Володи Каргина** из Челябинска и **Юры Дибнера** из Воронежа. Юра смело провел атаку.



В этом положении черные пожертвовали коня и пошли на штурм укреплений белого короля. Партия продолжалась так:

15... Ke5—f3+ 16. g2:f3 Фd8—h4 17. f3:g4.

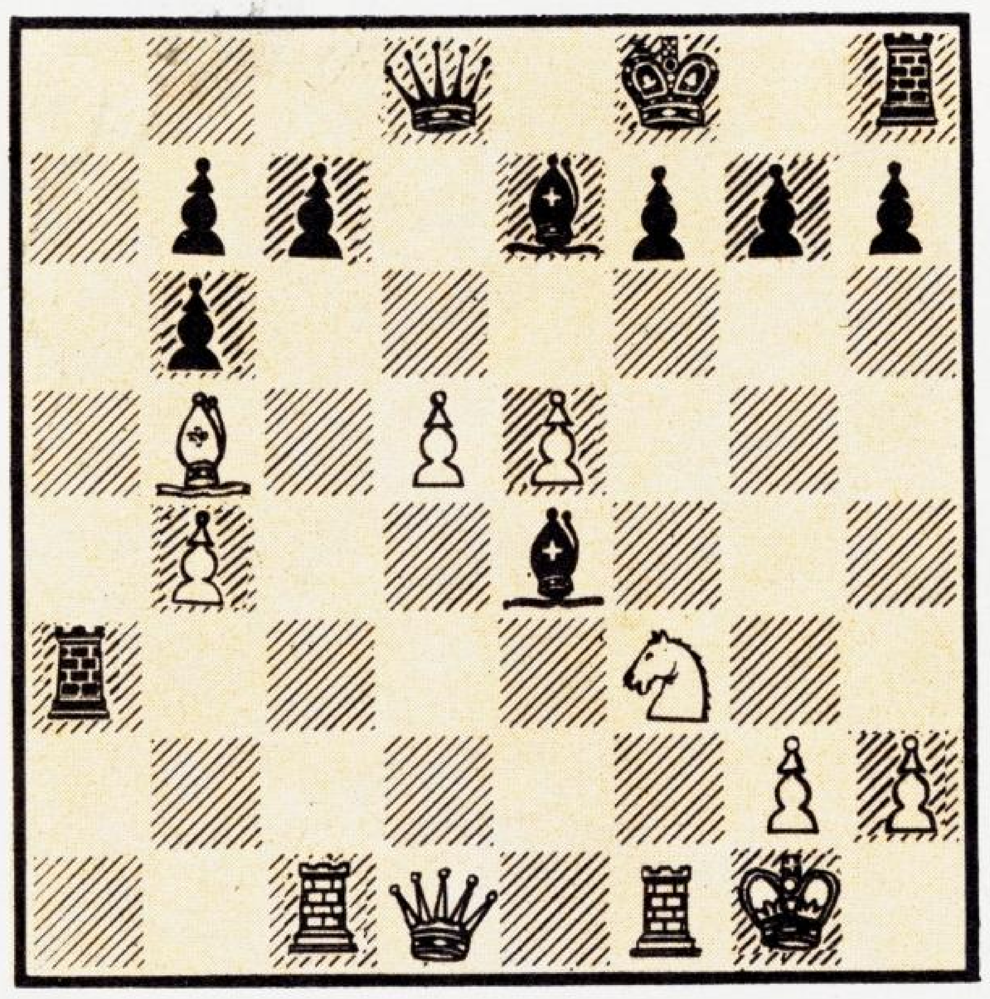
Дайте хороший совет белым, как им быть дальше? Разберите такие варианты: 17. Ле5 Ch3, или 17. f4 Cf3 и напишите Пешкину, как в этих случаях следовало вести атаку черным.

17... Фh4 : h2+ 18. Кpg1 — f1 f5:g4 19. f2—f4.

Последний шанс белых. Если черные продвинут пешку на g3, над белыми нависнет смертельная угроза.

19... Фh2—h1 + 20. Кpf1—f2 g4—g3+ (и теперь этот ход решает). 21. Кpf2—e2 Ла8—e8+ 22. Cc1—e3 Ле8 : e3+ 23. Кpe2 : e3 Cd6 : f4+ 24. Кpe3—e2 Лf8 — e8+ Белые сдались.

А это финал партии между **Сережей Пеккером** (Москва) и **Рашидом Шагивалеевым** (Казань).



Черные неудачно разыграли дебют, лишились рокировки, и их король застрял в центре. Сережа отлично использовал выгоды своей позиции. Борьба развивалась так:

19. d5—d6! (белые вскрывают линию «с» для вторжения ладьей) 19... c7 : d6 20. Kf3—d4 Кpf8—g8.

Приходится отправляться в угол, окончательно заперев ладью h8, ведь грозило 21. Ke6+.

21. Фd1—g4 (не только нападая на слона, но и угрожая ходом 22. Лc8) 21... Ce4—c6 22. Kd4—e6!

Решающий удар. Коня нельзя брать из-за угрозы мата, черным приходится расстаться с ферзем.

22... g7—g5 23. Ke6 : d8. Черные сдались.

Всего 13 ходов продолжалась партия **Марины Сабонаевой** (Тула) и **Наташи Поляковой** (Псков), игравшей черными. Найдите ошибки, которые так быстро привели к поражению черных.

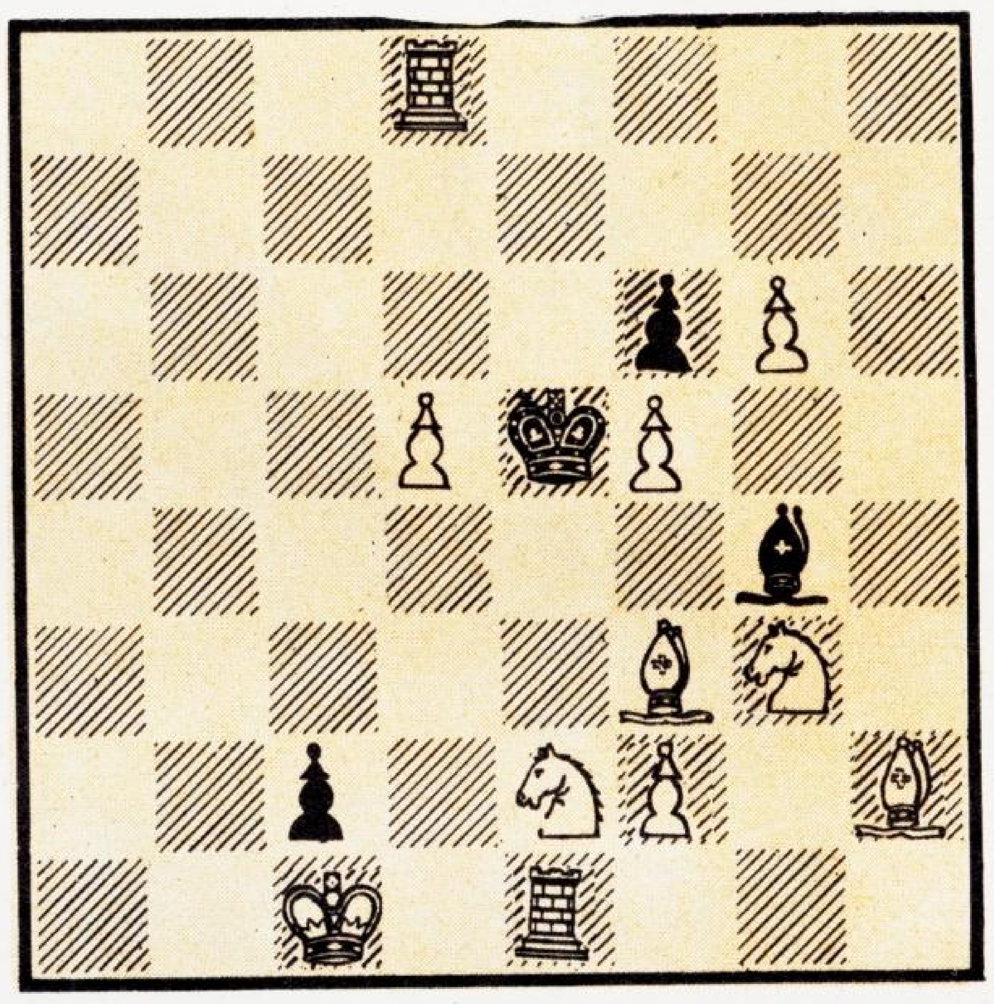
1. e2—e4 c7—c5 2. Kb1—c3 d7—d6 3. g2—g3 Kb8—c6 4. Cf1—g2 Kg8—f6 5. d2—d3 g7—g6 6. Cc1—e3 Cf8—g7 7. f2—f3 0—0 8. Фd1—d2 Cc8—d7 9. Ce3—h6 Ла8—b8 10. h2—h4 a7—a6. 11. h4—h5 Kf6 : h5 12 Лh1 : h5 g6 : h5 13. Фd2—g5. Черные сдались.

Многие ребята не только сами хорошо играют в шахматы, но и учат своих товарищей основам теории. Вот, например, **Элла Хабибулина,** ученица 97-й школы Волгограда. Она занимается с малышами, проводит турниры начинающих. Немало пионеров обучил шахматам и **Сережа Бобровников,** ученик 13-й волгоградской школы.

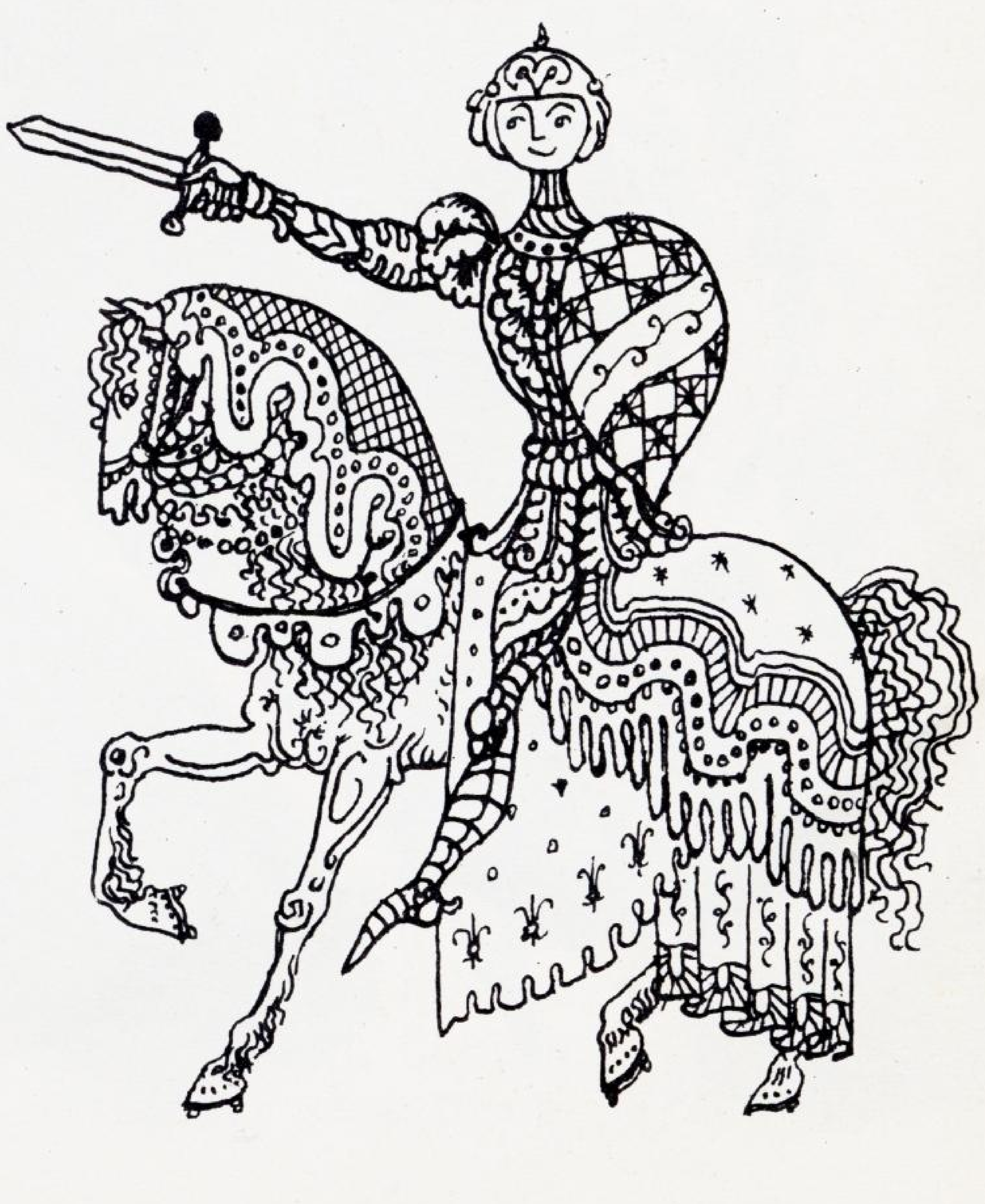
За успехи в шахматах и большую общественную работу Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи» Эллу и Сережу и многих других ребят.

Конкурс Пешкина

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.



Пешкин ждет ваших решений, ребята!



НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ КАРЛСОНА

ПОВЕСТЬ

Окончание

Астрид ЛИНДГРЕН

Рисунки П. БАГИНА.

Самый богатый в мире Карлсон

После блистательной победы над Филле и Рулле Карлсон стал самым знаменитым Карлсоном во всей их квартире. И самым любимым Карлсоном тоже! Про Малыша уж и говорить не приходится. Но даже дядя Юлиус относился теперь к Карлсону очень благосклонно (ведь это Карлсон вернул ему часы и бумажник). И даже фрекен Бок стала к нему добрее. А Карлсон преспокойно пожинал плоды своей славы в виде карамелек, какао, блинов, пирожков, копченой салаки и всего прочего, что только можно было найти на столе и в буфете.

А еще Малыш и Карлсон заметили, что дядя Юлиус и фрекен Бок как-то по-особому стали глядеть друг на друга. И стали слишком уж долго сидеть за кофе в гостиной. Однако к этому мы еще вернемся. А сейчас речь пойдет о новом удивительном и веселом событии...

Этот день Малыш никогда не забудет. Он проснулся сам, «лучший в мире Карлсон» не прилетел, чтобы его будить. «Странно»,— подумал Малыш и побежал к почтовому ящику за газетой. Он хотел успеть прочесть все те небылицы, которые там будут написаны, прежде чем газету отнимет дядя Юлиус.

Но никаких детективных серий на этот раз не было. И тут вдруг Малыш наткнулся на заголовок, который приковал его внимание: «ТАЙНА ОТКРЫТА — ЭТО НЕ СПУТНИК-ШПИОН».

Далее была помещена фотография с видом Вестерброна и летящего над ним — да, тут ошибки быть не могло,— летящего над ним Карлсона! Его портрет был тоже помещен в газете. Он с улыбкой указывал на свой пропеллер и на кнопку на животе. Малыш стал читать, а когда прочел, заплакал.

«У нас сегодня в редакции побывал странный посетитель. Этот красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, по его собственному выражению, пришел и потребовал, чтобы ему вручили обещанное нами вознаграждение в размере десяти тысяч крон. Он сам, а не кто-то другой сумел раскрыть тайну Вазистана, как он нам объяснил, но он никакой не шпион, заявил он, и у нас нет оснований ему не верить. «Я шпионю только за такими, как домомучительница и дядюшка»,— заявил он. Все это, конечно, звучит по-детски, и, насколько мы понимаем, этот «шпион» оказался обыкновенным толстым школьником — первым учеником в своем классе, как он нас заверил. Но у этого мальчика есть вещь, которую мог бы применить любой ребенок, а именно моторчик, с помощью которого можно летать, как, впрочем, это видно на картинке. Мотор этот сделан лучшим в мире изобретателем, как утверждает мальчик, однако он отказался рассказать об этом более подробно. Мы попытались объяснить ему, что этот изобретатель стал бы мультимиллионером, если бы наладил массовое производство таких моторов, на что мальчик ответил: «Нет уж, спасибо, нельзя загрязнять воздух летающими мальчиками, достаточно нас двоих — меня и Малыша».

В этом месте Малыш улыбнулся — во всяком случае, спасибо, что Карлсон хотел летать только с ним и ни с кем другим,— а потом вздохнул и стал читать дальше.

«Надо, однако, признать, что мальчик все же производит странное впечатление. Он говорит без умолку, как-то странно отвечает на наши вопросы. Он даже не пожелал назвать своей фамилии. «Моя мамочка мумия, а отец гном»,— сказал он в конце концов, но большего нам добиться не удалось. Он немного болтает по-английски, возможно, отец его англичанин, видимо, знаменитый летчик, если мы верно поняли болтовню мальчишки. Интерес к полетам явно передался сыну по наследству от отца. Мальчик утверждает, что

Малыш развернул газету. О ужас! На самом видном месте была статья про Карлсона!

имеет право на назначенное вознаграждение: «Я должен получить эти деньги, а не Филле и Рулле или какой-нибудь другой хулиган». И всю эту сумму он просит выдать ему пятиэровыми монетками, потому что только это «настоящие деньги». Он покинул нас, набив свои карманы пятиэровыми монетками. За остальными он собирается зайти, прихватив с собой тачку. Редакция заверяет, что он может получить их в любой день. Разговор с ним был весьма любопытен, хотя и не все, что он говорит, можно понять».

Прилетел Карлсон и, не здороваясь, потребовал, чтобы ему сейчас же прочли заметку. Малыш незаметно выпустил все, что могло обидеть Карлсона, а остальное он прочел от начала до конца. Карлсон был счастлив!

— Интересное знакомство, это про меня! — кричал он.— Да, в этой газете каждое слово правда.

— «Он очень привязан к своему младшему брату»,— прочел Малыш и вопрошающе поглядел на Карлсона.— Эти слова тоже правда?

Карлсон перестал летать по комнате и задумался.

— Да, вообще-то да,— сказал он неохотно.— Удивительно, что можно привязаться к такому глупому мальчишке, как ты! Это только по моей доброте, потому что я самый добрый и самый милый в мире... Ну, читай дальше!

Но Малыш не смог читать, пока не проглотил комок в горле. Значит, правда, что Карлсон привязан к нему! А все остальное... Да разве это важно?

— Хорошо, что я попросил их не называть моего имени в газете, правда? — сказал Карлсон.— Я это сделал только для тебя, ведь ты хочешь держать меня в тайне, в полной тайне.

Потом он схватил газету и долго с любовью разглядывал обе напечатанные там фотографии.

— Здесь, боюсь, не видно, до чего я красив,— сказал он.— И что я в меру упитанный, тоже не видно, гляди!

Он сунул газету Малышу под нос, но тут же рванул ее к себе и горячо поцеловал ту фотографию, где он демонстрирует пропеллер.

— Гей, гоп, когда я себя вижу, мне хочется кричать «ура!»,— сказал он.

Но Малыш отнял у него газету.

— Фрекен Бок и дядя Юлиус уж во всяком случае не должны ее видеть,— объяснил он.— Ни за что на свете!

Он сложил газету и засунул как можно дальше в ящик. Не прошло и минуты, как дядя Юлиус приоткрыл дверь его комнаты и спросил:

— Газета у тебя, Малыш?

Малыш покачал головой.

— Нет, не у меня.

Она и правда была не у него, а лежала в ящике стола — так оправдывался он потом перед Карлсоном.

Впрочем, дядя Юлиус, как это ни странно, не проявил в тот день обычного интереса к газете. Его мысли были заняты чем-то другим, должно быть, чем-то очень приятным, потому что у него был непривычно счастливый вид. И потом ему надо было идти к доктору. В последний раз. Через несколько часов он уезжает к себе домой, в Вестергетланд.

Фрекен Бок помогала ему укладывать вещи, Малыш и Карлсон слышали, как она его попутно наставляла, чтобы он не забыл застегнуть верхнюю пуговицу пальто, а то еще продует, и чтобы он осторожно переходил улицу, и чтобы не курил натощак!

— Какова домомучительница, а?— сказал Карлсон.— Ей, наверное, кажется, что она его жена!

Но этот день оказался полным сюрпризов. Не успел дядя Юлиус уйти, как фрекен Бок кинулась к телефону. Она говорила так громко, что Малыш и Карлсон невольно услышали весь ее разговор.

— Алло! Это ты, Фрида? — начала она торопливо.— Ну как поживает твой прелестный носик?.. Видишь ли, это я уже слышала, но тебе больше нечего беспокоиться о моем носе, потому что я намерена его прихватить с собой, когда уеду в Вестергетланд... Ах, да, я совсем забыла тебе сказать, что я собираюсь переехать в Вестергетланд... Нет, вовсе не в качестве экономки, а просто я выхожу замуж, хотя я и такая толстая... Ну, что ты скажешь? Да, конечно, ты имеешь полное право это узнать... За господина Юлиуса

— Гей, гоп! Когда я себя вижу, мне хочется кричать «ура!».

Иансена, именно за него... Да, это чистая правда, ты говоришь с госпожой Иансен, дорогая Фрида... Я вижу, ты растрогалась... ты плачешь... Ну, ну, Фрида, не огорчайся, ты тоже еще можешь встретить хорошего человека... Прости, но мне некогда больше с тобой говорить, мой жених сейчас придет... Я потом еще позвоню, Фридочка.

Карлсон глядел на Малыша широко раскрытыми глазами.

— Скажи, есть лекарство, которое лечит дураков? — спросил он наконец.— Если есть, то надо срочно дать его дяде Юлиусу, да еще самую большую дозу!

Но Малыш ничего не слышал про такое лекарство.

Карлсон сочувственно вздохнул, а когда дядя Юлиус пришел от доктора, он подошел к нему и молча сунул в руку пятиэровую монетку.

— Зачем ты мне ее даешь? — спросил дядя Юлиус.

— Купи себе что-нибудь приятное,— сказал Карлсон печально,— ты в этом нуждаешься.

Дядя Юлиус поблагодарил Карлсона. Однако он был так весел и счастлив, что вовсе не нуждался в пяти эре для подъема настроения. Дядя Юлиус все повторял, что он счастлив и что никогда не забудет этих дней. А кроме того, здесь ему открылся замечательный мир сказок. Правда, он испугался, когда увидел, что мимо окна пролетает ведьма, этого он отрицать не станет, но...

Все кончалось прекрасно! Малыш стоял на крыше со своим лучшим другом, и они ели свежие вкусные плюшки...

— Не просто ведьма,— уточнил Карлсон,— а самая ведьмистая ведьма на свете!

И тут Малыш покраснел.

— Но главное, я снова окунулся в мир предков! — гнул свое дядя Юлиус.— И это несказанно меня радует. Прекрасные сказочные дни прошли, но я завоевал сердце сказочной принцессы, и вот теперь у нас будет свадьба!

— Сказочная принцесса! — повторил за ним Карлсон, и глаза его заблестели. Он долго смеялся, потом поглядел на дядю Юлиуса, покачал головой и снова принялся хохотать.

Фрекен Бок хлопотала на кухне, такой веселой Малыш ее еще никогда не видел.

— Я тоже очень полюбила ведьм,— сказала она,— потому, что если бы одна ведьма не летала у наших окон и не пугала бы нас, ты, Юлиус, никогда бы, наверное, не кинулся мне на шею, и вообще ничего бы не было.

Карлсон подпрыгнул на месте с досады, а потом пожал плечами.

— Что ж, пустяки, дело житейское! — сказал он.— Хотя не думаю, чтоб у нас в Вазастане было много ведьм.

Фрекен Бок с каждой минутой выглядела все счастливей и счастливей.

— Ты, Малыш, будешь у нас на свадьбе,— сказала она.— Тебе сошьют бархатный костюм, ты будешь в нем такой красивый.

Малыш содрогнулся. Черный бархатный костюм. Да Кристер и Гунилла его просто засмеют.

Зато Карлсону было не до смеха. Он всерьез обиделся.

— Так я не играю, я тоже хочу быть на свадьбе, я тоже хочу, чтобы мне сшили черный бархатный костюм!.. Нет, так я не играю!..

Тут настала очередь фрекен Бок посмеяться вволю.

— Веселенькая же будет с тобой свадьба!

— Я тоже так думаю,— горячо подхватил Карлсон.— Я буду стоять у тебя за спиной в черном бархатном костюме и кидать все время пятиэровые монетки и стрелять из своего пистолета! Что за свадьбы без салюта!

Дядя Юлиус был так счастлив, и ему хотелось, чтобы все были счастливы, и он тут же пригласил Карлсона. Но фрекен Бок сказала, что тогда свадьба будет без нее.

И в тот день тоже настал вечер. Малыш сидел у Карлсона на крыльце домика на крыше, сгущались сумерки, и во всем Вазастане зажглись огни, и во всем Стокгольме — море огней, куда ни погляди.

Да, настал вечер, и Малыш сидел рядом с Карлсоном, и это было хорошо. Как раз сейчас в Вестергетланде на маленькой станции остановился поезд и из вагона вышел дядя Юлиус. Где-то в море плывет назад, в Стокгольм, белый пароход, а на его палубе стоят мама и папа. Фрекен Бок была у себя дома, на Фрейгатан, чтобы ободрить Фриду. Бимбо спал в своей корзинке. Но здесь, на крыше, Малыш стоял со своим лучшим другом, и они ели плюшки, вкусные, свежие плюшки фрекен Бок. Все выходило просто замечательно. И все же Малышу было тревожно. Нет тебе покоя, если ты дружишь с Карлсоном!

— Я попытался тебе объяснить, как мог,— сказал Малыш.— Я оберегал тебя, и мне это удавалось пока! Но что будет теперь, я не знаю.

Карлсон запихал в рот целую плюшку и проглотил ее.

— Какой ты глупый! Теперь они могут охотиться за мной лишь для того, чтобы получить пару пятиэровых монет. Я всему этому положил конец, пойми! Филле и Рулле теперь нечего за мной гоняться.

Малыш тоже взял плюшку и задумчиво откусил кусочек.

— Нет, это ты глупый. Теперь весь Вазастан, во всяком случае толпы дураков будут ходить за тобой по пятам, чтобы поглядеть, как ты летаешь, или чтобы украсть твой мотор.

Карлсон оживился.

— Да, друзья мои! Так мы решили,— говорил дядя Юлиус растерянно и счастливо.

— Ты думаешь? Если ты прав, то мы можем сегодня хорошо повеселиться!

Малыш не на шутку рассердился.

— Как ты справишься,— сказал он гневно,— как ты справишься, я тебя спрашиваю, с толпой народа?

Карлсон склонил голову набок и лукаво посмотрел на Малыша.

— Ты же знаешь, есть три способа: «курощение», «низведение», «дураковаляние». И я думаю, что придется применить все три сразу.

Карлсон выглядел так забавно, что Малыш невольно улыбнулся и повеселел. Карлсон сунул руки в карманы и радостно позвенел своими пятиэровыми монетками.

— Гей, гоп! Богатый, и красивый, и умный, и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил — это я, лучший в мире Карлсон, лучший во всех отношениях, ты это понимаешь?

— Да,— ответил Малыш.

Но в кармане у Карлсона были не только пятиэровые монеты, но и маленький пистолет. И прежде, чем Малыш успел остановить Карлсона, выстрел прокатился по всему Вазастану.

«Начинается»,— подумал Малыш, когда увидел, что в окрестных домах раскрываются окна, и услышал гул взволнованных голосов.

Карлсон запел свою песенку, большими пальцами он отбивал такт.

Пусть все кругом
Горит огнем,
А мы с тобой споем:
Утй, боссѐ, буссѐ, бассé,
Биссѐ и отдохнем.

Пусть тыщу булочек несут
На день рожденья к нам.
А мы с тобой устроим тут
Утй, боссé, буссѐ, капут,
Биссѐ и тарарам.

КОНЕЦ.

Перевела со шведского Л. ЛУНГИНА.

Давайте играть в городки

Часто в редакцию приходят письма, в которых ребята пишут, что очень любят спорт, а вот условий для занятий спортом во дворе нет.

Мы попросили ответить на эти письма чемпиона СССР по городкам, мастера спорта, тренера Горьковского областного совета ДСО «Урожай» **Константина Михайловича Вдовина.**

— Как-то ко мне на тренировку пришли мальчишки. У них тоже не было во дворе никаких условий,— начал разговор с нашим корреспондентом **Михаилом Чудаковым** Константин Михайлович.— Они сами расчистили во дворе площадку, смастерили биты, сделали городки и пришли ко мне за советом: «Хотим научиться играть в городки и организовать во дворе команду городошников».

Городки — прекрасная спортивная игра, в которую круглый год может играть любой человек: и сильный и слабый, и толстый и худой, и маленький и высокий. Если вы всерьез решили заняться городками, для начала не ленитесь делать по утрам зарядку, но только аккуратно, каждый день и не меньше тридцати минут. В свободное время выходите на площадку и тренируйтесь. Когда научитесь хорошо играть, можно устроить соревнования между отрядами, школами, дворами.

Городки на первый взгляд простой, но на самом деле сложный вид спорта. Как во всяком спорте, к большим успехам ведет серьезная работа, долгие тренировки. Игра в городки воспитывает в человеке хороший глазомер, точный расчет, сильную волю, выдержку, твердый характер. Все это нужно вам при сдаче норм ГТО.

Первый раз я взял в руки биту, когда еще учился в школе. Деревенские мальчишки гоняли по лужайке один городок — мы его называли «клёк». Кто дальше его угонит, тот и выиграл. С четырнадцати лет стал заниматься в сек-

ции городошников в Горьковском парке культуры. В семнадцать стал мастером спорта. А спустя еще четырнадцать лет впервые завоевал звание чемпиона страны.

В чем секреты удач городошников? Не только в упорных тренировках, но и в собранности, уверенности в своих силах. Не бойтесь сильных соперников и не успокаивайтесь, когда у вас хорошие результаты. Бывает так: по очкам ты идешь впереди соперников, до конца партии осталось немного, победа близка, и вдруг сдают нервы у лидера. Его удары становятся неточными, он теряет преимущество и уступает победу. Так было и со мной на Чемпионате страны 1971 года. После первого дня соревнований я был на первом месте, после второго — на втором. Остался еще один день. Если бы я выступил так же или даже немножко похуже, все равно стал бы чемпионом. Но не выдержали нервы, я разволновался, выступил неудачно и даже не попал в число призеров. Зато на последнем чемпионате страны взял реванш.

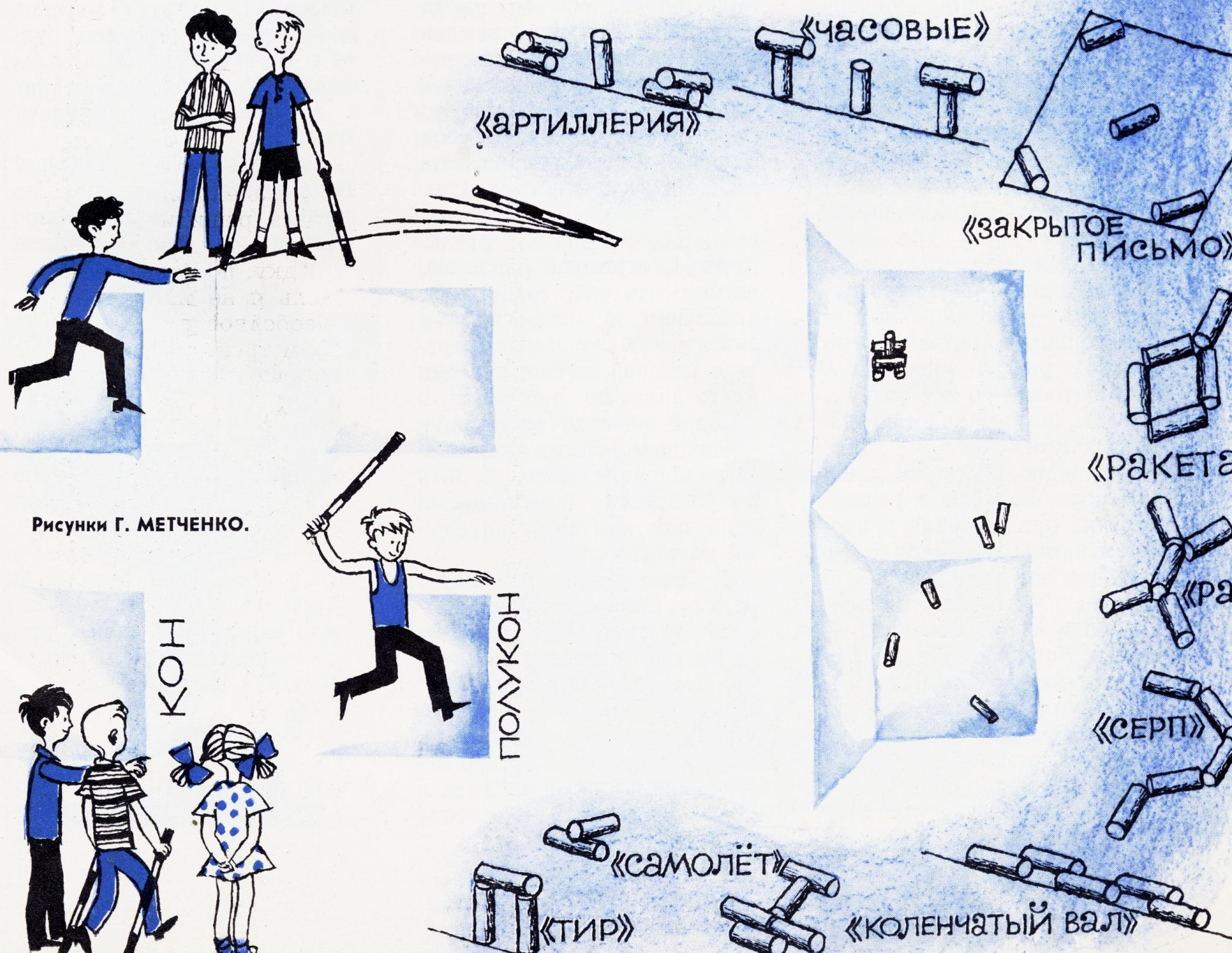
Городки — старинная русская игра. Заядлым городошником был Александр Суворов. Вот как он говорил об этой игре: «Игра в городки развивает глазомер, быстроту, натиск. Битою мѐчусь — это глазомер, битою бью — это быстрота, битою выбиваю — это натиск». Игрой в городки увлекались очень многие: Максим Горький, Федор Шаляпин, Валерий Чкалов.

Городки помогут и тебе стать сильным и здоровым. Ты все время на воздухе, много двигаешься. Все это только на пользу.

Все, что нужно для этой игры, можно сделать самим. Биты делают из сосны или березы. Длина биты — около метра. Нужно начинать тренироваться с легких бит, весом не больше 800 граммов. Высота городка — 20 сантиметров, диаметр — 45—50 миллиметров. Нужно заранее подготовить площадку. Фигуры устанавливают в квадратах 2×2 метра. В 6,5 метра от квадратов проводится черта — это полукон, а в тринадцати метрах другая черта — кон. Первый удар по фигуре наносится с кона. Если вы выбили хотя бы один городок, остальные городки этой фигуры можно выбивать с полукона.

Комбинации из городков вы видите на рисунке.

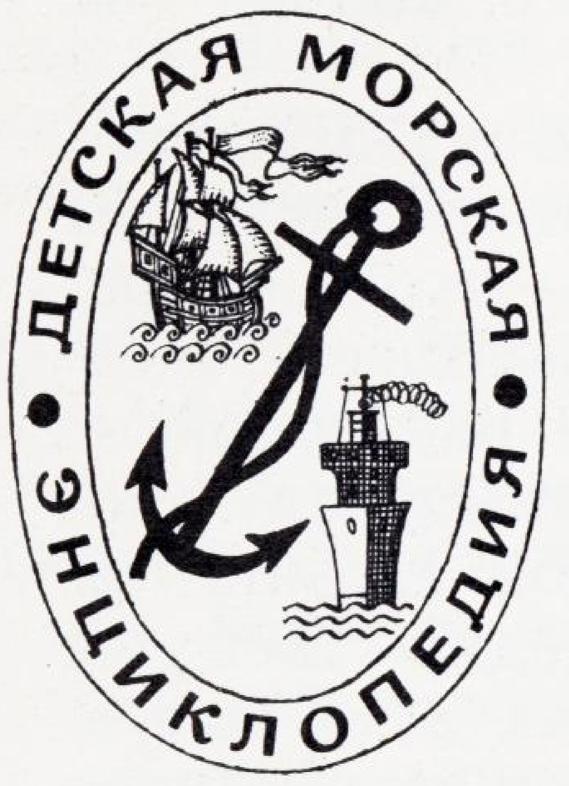
Играть можно вдвоем и двумя командами — в каждой от двух до пяти человек. Выигрывает та команда, которая меньшим числом ударов выбьет больше фигур.

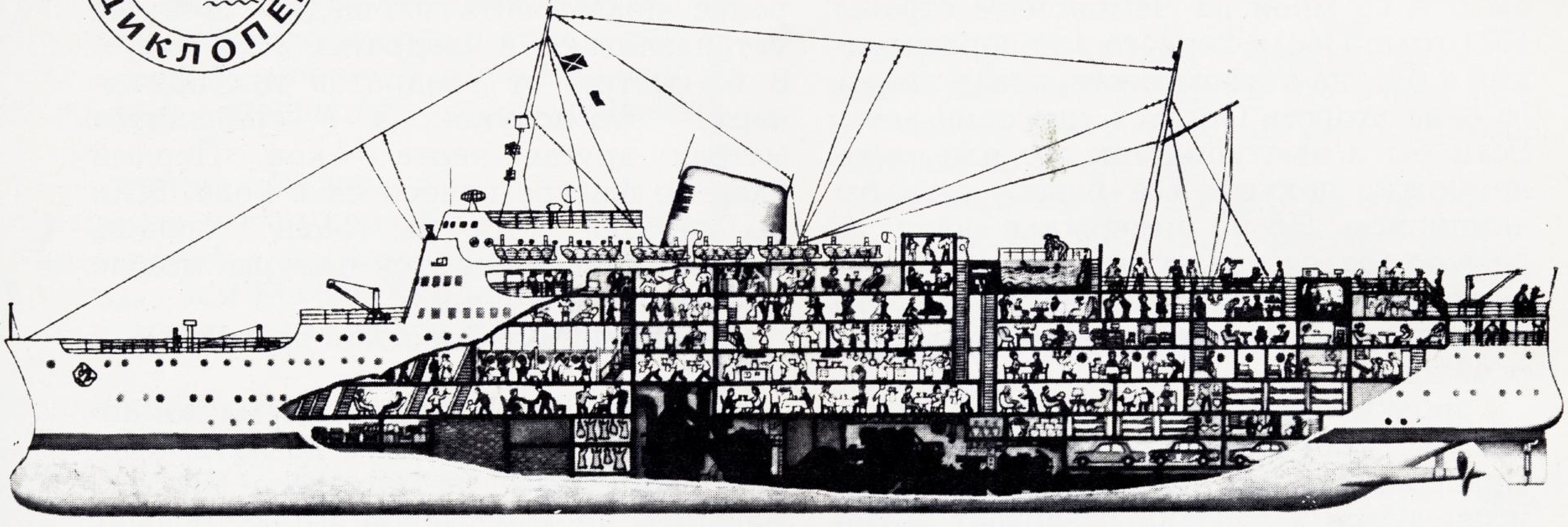


Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

Книга, о которой я мечтал в детстве...

Олег ОРЛОВ





Когда я был маленький, но уже умел читать, я очень любил книги про море и корабли. Это были разные книги, написанные разными писателями. Хорошие книги и похуже, но для меня всегда интересные. Впрочем, прочитав любую из них, я всегда сокрушался, думая: хорошо бы достать такую морскую книжку, чтобы сразу обо всем можно было прочитать. А то в одной книге — про пароход, в другой — про морские путешествия, а в третьей — про морских рыб и животных... А вот чтобы про все сразу... Нет, не было такой книги в моем детстве...

Ну, ладно. Все-таки книг про море, корабли и разные морские приключения я прочитал немало и смирился с тем, что про все сразу нельзя. Так и читал по отдельности: если о приключениях — Джека Лондона, или Станюковича, или Бориса Житкова; про пароходы — профессора Лобач-Жученко; про рыб или китов — Брэма...

Еще я очень любил читать старые лоции, доставшиеся мне от деда-моряка, и еще кое-какие специальные морские книжки.

Потом я вырос, мне и самому пришлось поплавать, или «походить», как говорят моряки, и на теплоходе — матросом и на рыболовном сейнере — рыбаком.

Книг о море я читал меньше, и нужды в той всеобщей книге о море у меня, взрослого человека, уже как-то не ощущалось. Но где-то в глубине души, в памяти жила все-таки та детская неудовлетворенность, та мечта о большой всеобщей книге о море, так сказать, о Детской Морской Энциклопедии, что ли...

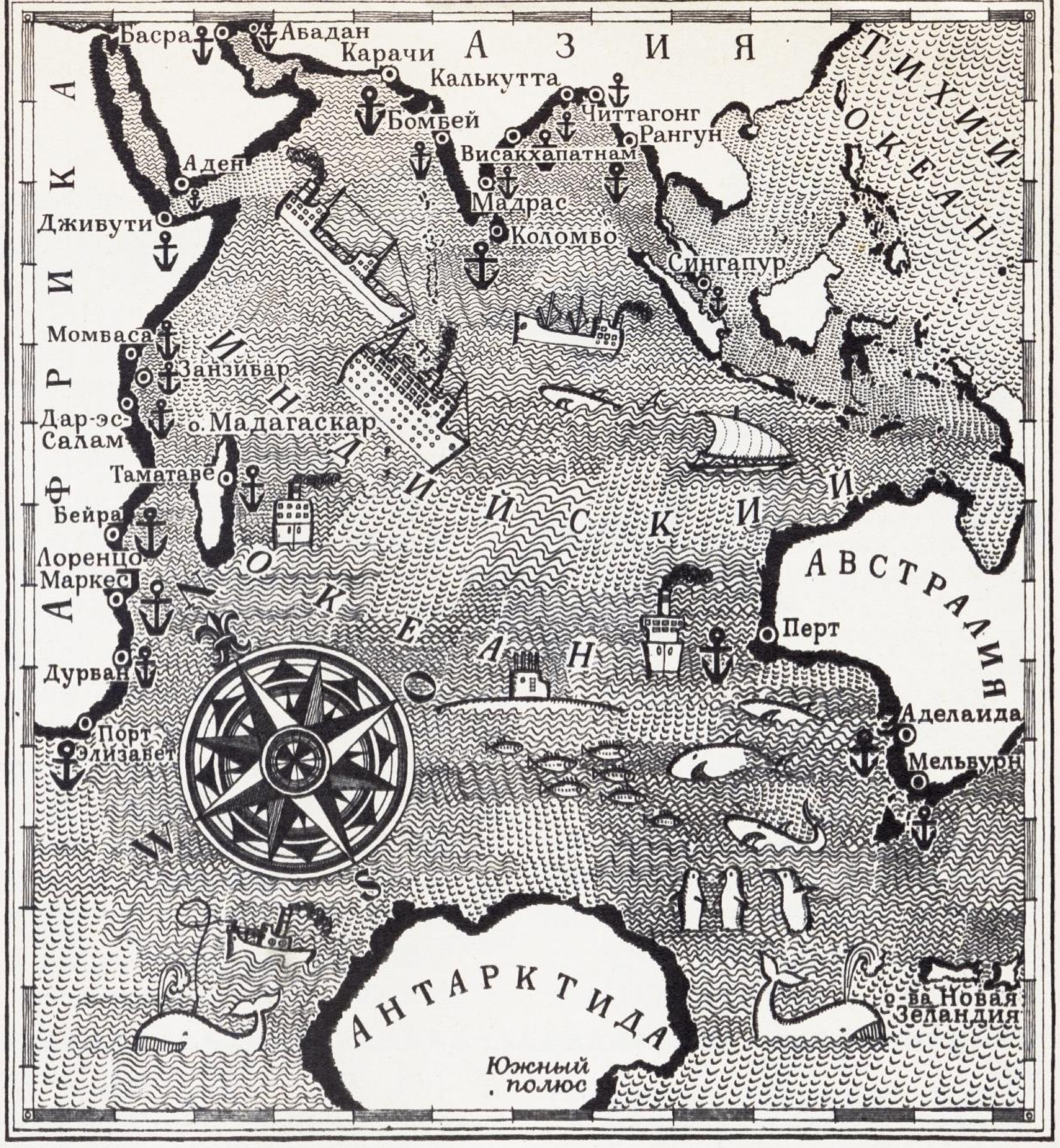
И вот, наконец, вышла книга, которую я держу в руках. Держу с огромной радостью, потому что эта толстенная, красочная и интереснейшая книга и есть та самая, о встрече с которой мечтал я в дни моего далекого детства и о которой мечтают мальчишки и девчонки, если не капитанами желающие стать, то хотя бы вторыми помощниками капитанов или хоть палубными матросами...

Да, такую книгу я держу в руках. Это настоящая Детская Морская Энциклопедия, книга про все-все-все на море. Про корабли и про китов. Про компасы и про флаги, про загадки моря и про то, как устроен пароход, про легендарного Морского Змея и про современный океанский лайнер, такой, как «Иван Франко», про корабль-революционер «Потемкин» и про крейсер «Аврора», обошедший чуть ли не весь земной шар, про знаменитых мореходов и про океанские течения и ветры... Да что там перечислять! По-моему, все, что относится к морю и представляет интерес, все можно найти в этой энциклопедии. Не верите? Тогда называйте какое хотите морское слово на какую угодно букву и загляните потом в справочный отдел энциклопедии, и вы непременно найдете ответ...

На букву «а»? Айсберг? Пожалуйста... Загляните на страницу 323... Рассказ про айсберг, да еще и загадка

про него. На букву «в»? Васко да Гама, к примеру? Страница 184 — полное описание плавания... Буква «п»? «Пинта», один из кораблей Колумба? Отправляйтесь на страницу 339, и вы найдете цветной рисунок «Пинты» и все узнаете о ней... «Р»? Роза ветров? Страница 212, снова рассказ... Нет, бесполезное дело искать что-нибудь про корабли или море, о чем бы не рассказывалось в этой книге.

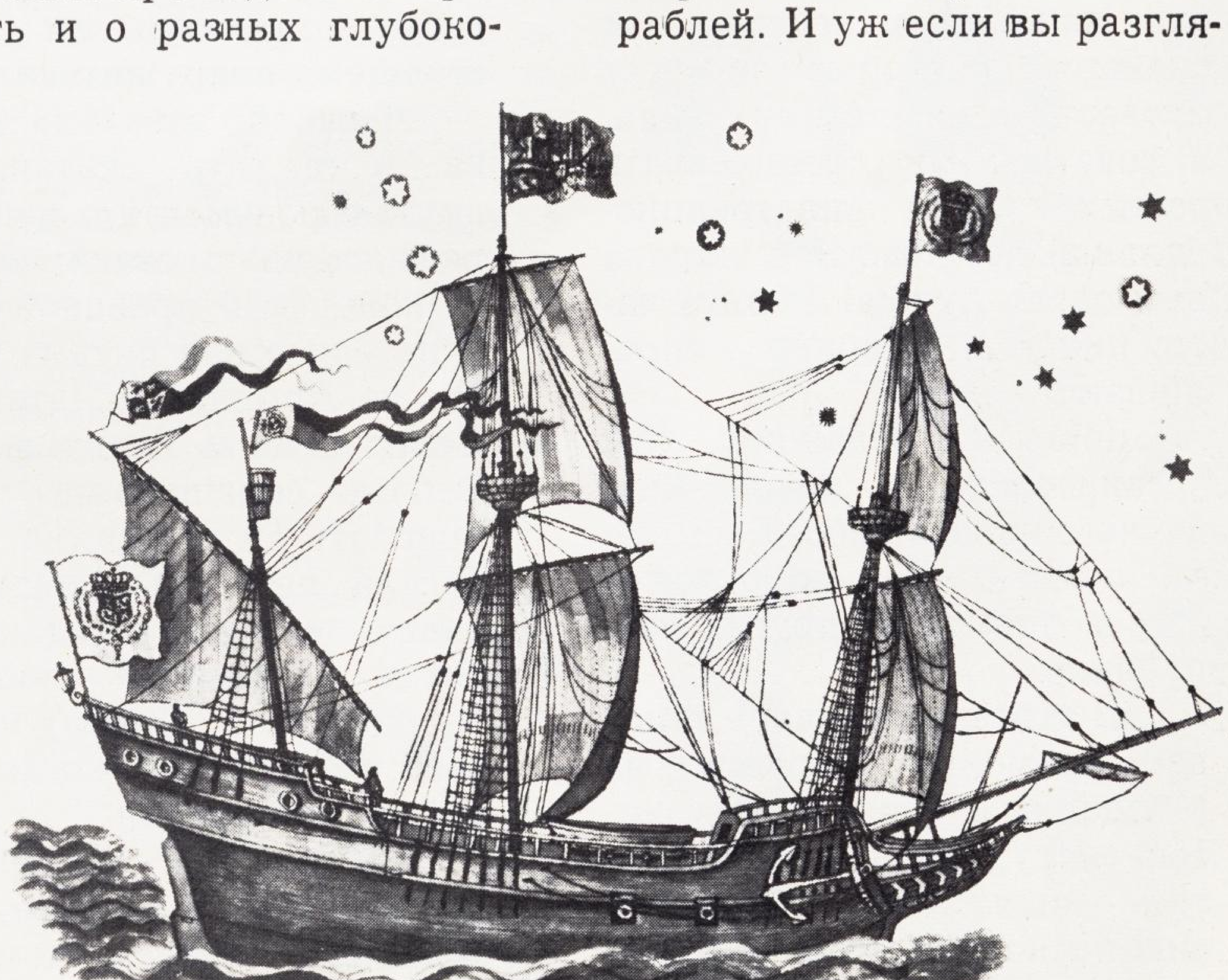
И еще самое главное: это не просто энциклопедия, не просто сухое собрание различных справок о том о сем. Нет! Это рассказы, сказки, шутки, загадки и главное — кругосветное путешествие... Недаром книга называется — **«По морям вокруг Земли»**. Потому что вся она — плавание по всем морям и океанам, вокруг света...

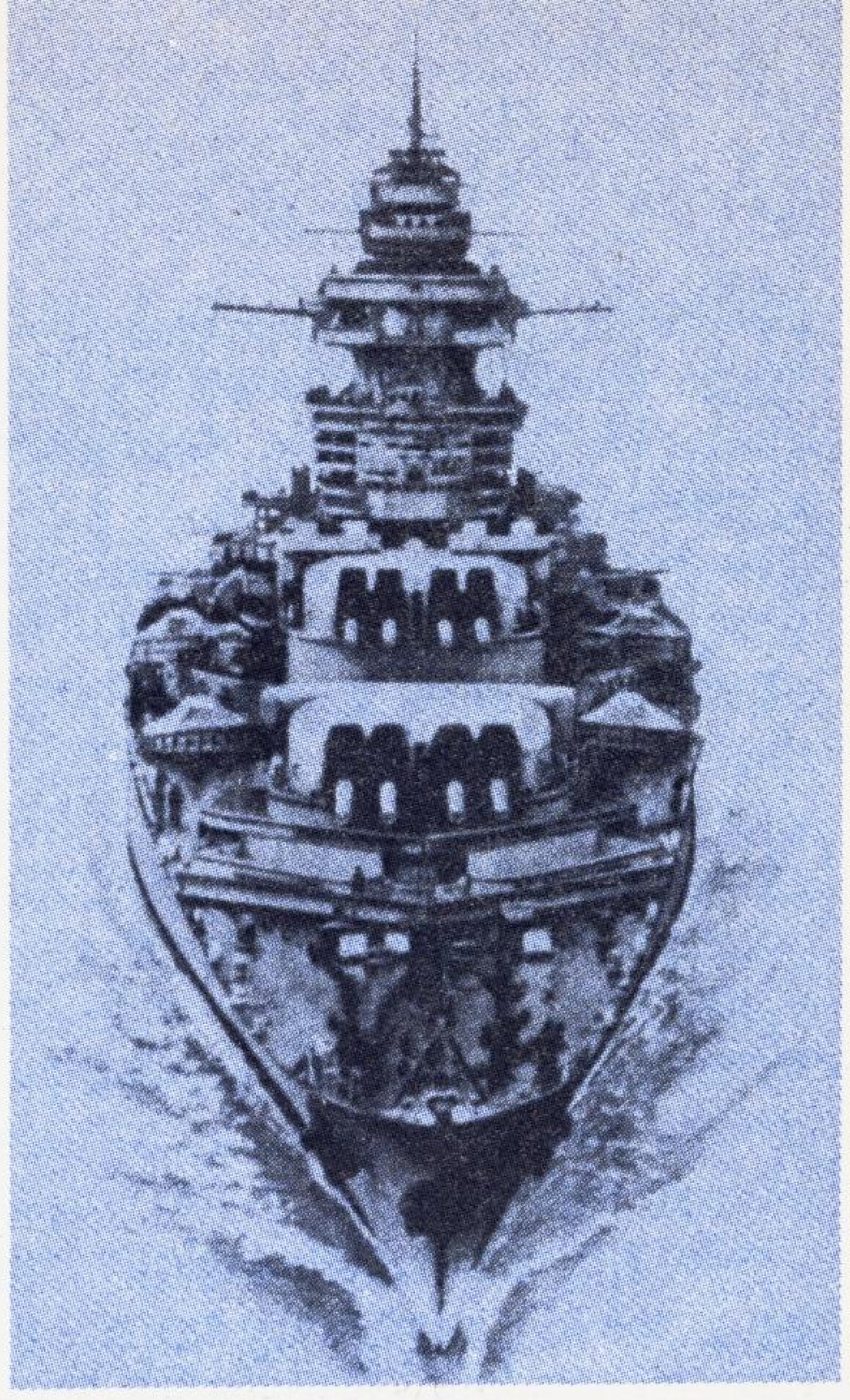


Кто же затеял это путешествие, кто написал эту самую книгу, **Детскую Морскую Энциклопедию?..** Затеял и написал **Святослав Сахарнов** — детский писатель, да еще и не просто писатель, а писатель-маринист, то есть пишущий о море. Тот самый Святослав Сахарнов, который сочинил и трилогию «Подводные приключения», и книгу «Много разных кораблей», и «Безногие головоногие», и про Гака и Буртика, и про многое-многое другое...

И вот еще чему я был несказанно рад, листая и перелистывая страницы этой книги. Нет, даже и не тому, что я снова встретился с лоциями разных морей, которые так любил читать в детстве. Лоции, само собой, в Детской Морской Энциклопедии есть. И не тому, что я узнал обо всех знаменитых кораблях-героях. И не тому, что здесь можно найти и стариннейшие карты морские и самые современные. И не тому, что все можно про водолазов прочитать и о разных глубоководных аппаратах. И не бесчисленным рассказам и сказочкам, весьма поучительным и, я бы сказал, очень человечным... Этому всему я был рад сам по себе...

Рисунки! В Детской Морской Энциклопедии все точно нарисовано. Видно, что художники Борис Кыштымов и Эрик Беньяминсон, иллюстрировавшие Детскую Морскую Энциклопедию, провели немало времени в архивах и библиотеках, размышляя над старинными чертежами кораблей. И уж если вы разгля-





дываете в энциклопедии каравеллу в разрезе, то все там видно и понятно: и где бочки с порохом хранились, а где — солонина, и где матросы жили, а где капитан обитал, и где одежду сушили, и какими снастями поднимали реи. И этому-то я был очень рад.

Но, конечно, самое-самое главное, что я почувствовал, читая книгу, — это то, что я вдруг вернулся в свое далекое детство, в те дни, когда я еще так мало знал о море и когда все для меня было радостью узнавания и моря и кораблей. И вот эта радость узнавания вернулась ко мне, ко мне, который думал, что он уже знает о море и кораблях почти все. Вернулась радость узнавания, потому что в книге и для меня было много такого, чего я не знал до сих пор. Да иначе и быть не могло: книга «По морям вокруг Земли» — двенадцать долгих лет работы автора и опыт всей его жизни, жизни моряка и писателя.

Ты мой друг и я твой друг

Н. ЕЛИСТРАТОВА

Эта книжка в веселой обложке называется **«Хоровод друзей»**. Выпустило ее издательство «Молодая гвардия».

Всегда интересно узнать, про что новая книжка. Прочитала я ее и обрадовалась: здесь есть и национальные игры, и танцы, и песни разных народов, и костюмы, и сценарии, которые помогут провести в школе фестиваль, и советы, как организовать работу клуба интернациональной дружбы. Эта книжка нам очень нужна! Ребята часто пишут в «Пионер», спрашивают:

«Дорогая редакция! Мы организовали в школе Кид, а с чего начать работу, не знаем, помогите нам подружиться с ребятами из других республик».

...В Артеке познакомились две девочки — Марианна из Молдавии и Нина из Грузии. Как же удивилась Нина, когда узнала, что Марианна знает много грузинских песен, а про Тбилиси говорит так, как будто сама живет в этом городе. Марианна рассказала подруге, что их отряд давно дружит с пионерами из Тбилиси, **а о своих друзьях всегда хочется узнать побольше.**

...В украинской деревне Сеньковка у ручья Жеведа, что значит живая вода, сошлись границы трех республик — России, Украины, Белоруссии. Посадили у ручья ребята сто пятьдесят деревьев в память о русском и украинском поэтах М. Лермонтове и Т. Шевченко и белорусском революционере-демократе Кастусе Калиновском. **Общее дело сплотило ребят и помогло им по-настоящему подружиться.**

...Тяжело заболела девочка. А те, кто считался ее друзьями, забыли о ней. Она рассказала о своей беде в «Пионерской правде». И вот полетели к ней письма от ребят из Армении и Латвии, из Белоруссии и Таджикистана. Ребята спрашивали, какие прислать ей лекарства, предлагали переписываться, приглашали в гости, когда поправится. И девочка стала выздоравливать. **Потому что ничего не страшно, когда есть настоящие друзья.**

...Далеко от Узбекистана до Чукотки. В августе в Узбекистане жара, а по Чукотскому морю еще плавают льдины. Прилетел на Чукотку самолет: своим друзьям узбекские ребята прислали в подарок румяные, пахнущие солнцем яблоки. Радуются чукотские ребята. **Хорошо, когда друзья о тебе помнят и заботятся.**

Еще самолет привозит письма с Большой Земли от далеких друзей. Старый чукотский охотник всегда просит ребят почитать письма вслух. Он внимательно слушает, кивает головой и серьезно говорит:

— Когда дети живут дружно, можно спокойно выходить в море, будет удача!

«Хоровод друзей» — книжка о настоящей, верной дружбе ребят всех республик нашей большой страны.

Академия Домашних Волшебников

Через пять дней Лёка, Марина и Алеша уезжают в пионерский лагерь. Всего пять денечков и — здравствуй-те-е-е, лес! Речка! Солнце! Облака-а-а!

Будут походы, песни у костра, разные игры, и чемпионат по баскету, и книжки, и танцы. А еще, конечно, кукольный театр и авиамодельный кружок, шумные карнавалы и долгие ряды морковных и огуречных грядок — чем лучше их прополешь, тем краснее и сочнее будет морковь и вкуснее огурцы для всего лагеря.

Лёка, Марина и Алеша едут в «Звездочку», тот самый лагерь, где они были и в прошлом и в позапрошлом году. Ребят знакомых полно — почти во всех отрядах! Договорились еще прошлым летом, никаких сложных туалетов с собой в лагерь никто не привезет.

Две пары шортиков, две-три трикотажные футболки, кофточки или ситцевые рубашки, купальники, джинсы, свитер, тапочки, кеды. Для холодных дней куртка и шерстяные носки — легко и удобно, спортивно. И еще решили чемоданов не брать, одежку, все необходимое: зубную щетку, мочалку, мыло, нитки с иголкой, носовые платки, расческу, заколки, тетрадку и ручку — сложить в рюкзак. Тоже легко, удобно, спортивно!

Ребята к лагерю стали готовиться давно. Вы думаете, это происходило так: мама после своей лаборатории, где у нее много дел и забот, бегает по магазинам в поисках шортов и маек, вечерами или даже ночью стирает, гладит, подшивает, укладывает. А Марина, Лёка и Алеша только морщатся. Это мама купила не так, а вот это сделала не эдак. Ничуть не бывало. Мама только помогла купить ткань да нитки для вязанья, а остальное было не ее забота.

Лёка с помощью Калинки связала купальники не только для себя и Марины, но и для Алеши. Да, да, превосходные синие купальные трусишки! Зато Марина и Алеша шили всем шорты. Алеше сшили две пары из хлопчатобумажной диагонали — одни синие (отстрочили их крупным стежком красными нитками), а вторые — зеленые с накладными карманами.

Девочкам сшили шорты из льна с лавсаном — красные с белой строчкой и еще пестренькие сине-зелено-красные из обыкновенного сатина, только сделали их на подкладке из полотна. Отличные получились шорты! Ноги загорят на славу и закалятся отменно. Осень и зима были долгими, чего только не напяливали на себя: и колготки, и брюки, и валенки, да еще сапоги резиновые! А тут чудо! Дышите, ножки, набирайтесь сил, крепните...

Лёка по своему обыкновению перерисовала чертежи в заветную книжицу и уложила ее в карман рюкзака. Наверняка найдется в каком-нибудь отряде нерадивая Люда или Света, которая притащит в громоздком чемоданище разные-преразные платья. Все в шортах и майках бегут играть в волейбол, а несчастная Света с утюгом носится, оборки разглаживает. Придется ей помочь — купить в колхозном магазине метр сатина да срочно сшить хорошую, удобную одежку. Вот только швейной машины в лагере нет. Да ничего! На руках сшить можно, только стежки крепче и поровнее вести.

Предполагает Лёка, что найдутся такие Люды, Светы и Сережи, которые в первый же день на речке начнут завидовать Лёкиному или Алешиному купальнику. «Пожалуйста,— скажет Лёка и откроет свою заветную тетрадку,— вот вам чертеж». Хотите купальник? Берите спицы в руки и начинайте вязать. Ну, кто скорее?

ИЗ ЛЁКИНОЙ ТЕТРАДКИ

По этим чертежам шьют шорты и девочкам и мальчикам. Любую ткань перед раскроем не забыть продекатировать — прогладить через влажную тряпку, и кроить только по долевой нити.

Синие шорты, размер 40, объем бедер — 90 сантиметров. При ширине ткани 70 и 90 сантиметров надо 80 сантиметров, при ширине 140 сантиметров — полметра. Шорты могут быть без пояса и с поясом, простроченным на корсаже шириной 4—6 сантиметров. «Молния» вшивается в боковой шов, а пояс застегивается на крючки и пуговицы. Внизу на подшивку не забыть оставить 3—4 сантиметра. На чертеже припуски на швы не указаны.

Пестрые шорты с кокеткой, 44-й размер, объем бедер — 96 сантиметров. При ширине ткани 90 сантиметров надо 130 сантиметров, при ширине 140 сантиметров — 70 сантиметров.

Припуски на швы также не указаны.

«Молния» вшивается по среднему шву, под кокеткой. Карманы накладные или прорезные. Из сатина шорты получаются легковатыми, поэтому лучше их сделать на полотняной подкладке.

КУПАЛЬНИК «БИКИНИ»

Размер 40, спицы 1,5—2 миллиметра. Все края купальника обвязываются резинкой (1x1). Нижняя резинка у лифа и верхняя у трусов вывязываются двойной, чтобы можно было в нее пропустить обыкновенную продержечную резинку. При вывязывании двойной резинки на спицы набирается не расчетное количество петель, а в два раза больше, и каждый ряд вяжется так: лицевая петля провязывается и изнаночная снимается так, чтобы нитка находилась перед изнаночной петлей.

Набирать расчетное число петель (без вытачек). Провязывать резинку (одинарную или двойную) — 1,5 сантиметра. Дальше вывязывать вытачки, прибавляя на спине в каждом пятом ряду 1 петлю в том месте, где на чертеже обозначена вытачка. Всего прибавить 4—5 петель. На передней половинке лифчика прибавлять петлю в каждом третьем ряду на уровне вытачки, всего прибавить 8 петель.

Вязанье все время прикладывать к выкройке — проверять. Две передние части лифчика вяжутся параллельно из двух мотков шерсти. Прибавлять и убавлять петли нужно одновременно.

Обвязывая середину передних половинок лифчика, на правой оставить петли для застежки.

Если вязать одинарную резинку 1x1, то снизу надо подшить обыкновенную резинку.

ПОНЧО

Шерсти нужно 700—900 граммов, в зависимости от размера. Кольцевые спицы 3—5 миллиметров.

Пончо начинают вязать сверху. Прежде всего определить, сколько набрать петель. Это зависит от толщины спиц и шерсти и от плотности вязки.

Как рассчитывать петли? Для

этого надо связать небольшой образец на 25—30 петель высотой 4—5 сантиметров и подсчитать, сколько петель приходится на 1 сантиметр. Например: в вашем образце 24 петли, ширина его — 8 сантиметров, значит, делим 24 на 8, получается на 1 сантиметр 3 петли. Цифры не округлять, чтобы избежать неточности. Надо иметь в виду, что после глажения вязка растягивается.

Обмерить окружность шеи, рассчитать и набрать нужное число петель. Провязать шесть рядов резинкой 1х1. Потом разделить по счету все петли пополам — найти центр спинки (линия прибавления петель). Каждую половину, в свою очередь, разделить пополам, добавить 2 петли в сторону центра спинки — это линия плеч. Все три точки отметить яркой ниткой.

петлю, а последнюю провязывать всегда изнаночной. Следующий ряд вязать изнаночной вязкой, ничего не прибавляя, а дальше так же, как и предыдущий,— лицевой.

Если ширина плеча 10 сантиметров, то через 10 сантиметров прибавлять на плечах петли не нужно.

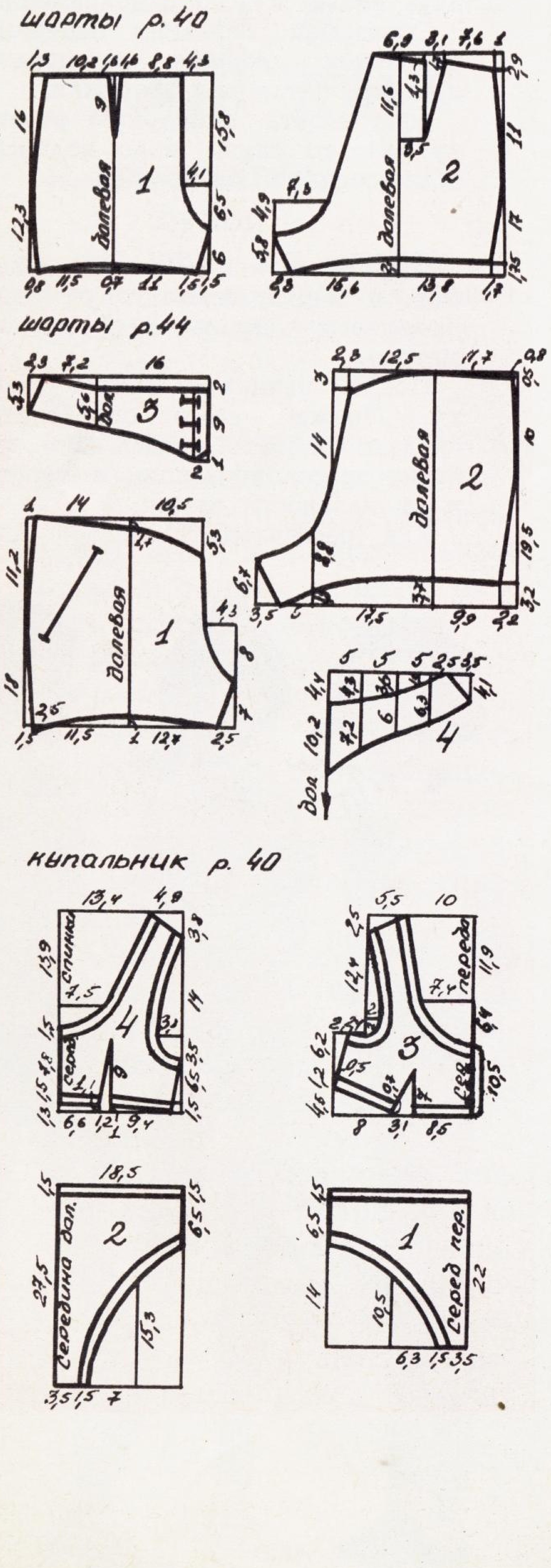
Дальше пончо вяжется на кольцевых спицах. Через ряд прибавлять по центру спинки и переда по 2 петли и оставлять дорожку в 2 петли.

Длину пончо делать по росту. Это основа. А теперь еще несколько советов.

Пончо можно вязать из шерсти двух, трех и больше цветов, вывязывая любую полоску;

вязать любой вязкой, какой умеешь, ажурной, платочной, резинкой (3х3 или 2х2) и другими,

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.



Теперь можно начинать прибавлять петли. Первые 9 сантиметров (это длина разреза у горловины) прибавлять только в лицевом ряду.

Прибавлять так:

первую петлю снять, потом провязать петлю из натянутой нитки между первой и второй петлями так, чтобы получилось отверстие. Дальше вязать чулочной вязкой до линии плеча, одну петлю прибавить, одну провязывать и еще одну прибавить (получится дорожка в одну петлю).

Потом вязать чулочной вязкой до линии центра спинки. Здесь также первую петлю прибавлять, вторую провязывать, первую прибавлять (на спинке дорожка будет в две петли).

Снова вязать чулочной вязкой до линии плеча, прибавлять, как и раньше, 2 петли, провязывать ряд почти до конца, перед последней петлей прибавить одну

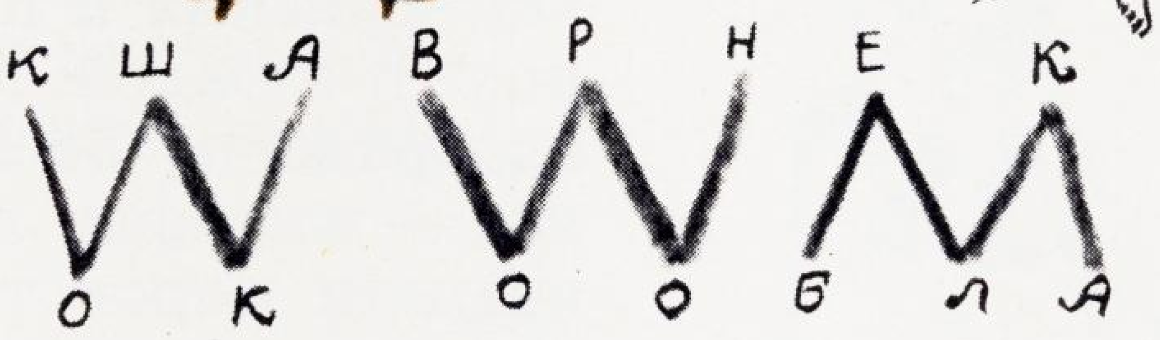
можно сочетать и комбинировать вязки;

закончить пончо можно кистями или помпонами (об этом рассказывается в № 10 «Пионера» за 1972 год);

в разрез горловины можно вставить «молнию», можно вывязать крючком петли и пришить пуговицы.

Очень удобно пончо с воротником. Для этого надо резинкой 1х1 провязать не 6 рядов, а 12 сантиметров. Дальше вязать, как мы описывали. Разрез и весь воротник обвязать крючком.

Может быть пончо с капюшоном. Капюшон вяжется отдельно. Набрать столько же петель, как и для пончо, провязать два ряда. В третьем увеличить число петель в 2 раза, прибавляя петли через одну петлю. Четвертый ряд и дальше вязать, не прибавляя. Связать 35 сантиметров, закрыть петли и сшить шов.



Ужасно хитрые зигзаги,
Я разгадал их еле-еле,
Хотя мой глаз острее шпаги,
А мысль проворнее газели!

Живживка.

Никита РАЗГОВОРОВ.
Ответственный дежурный

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

— Опять Живживка расхвастался! По-моему, распутывать зигзаги не так уж сложно. Надо только вписать буквы в свободные клетки. Слова, которые у вас получатся, подсказаны в стихах. Составятся они из букв, которые вписаны в строки: С и Л; О и Л; О и В; А и В.

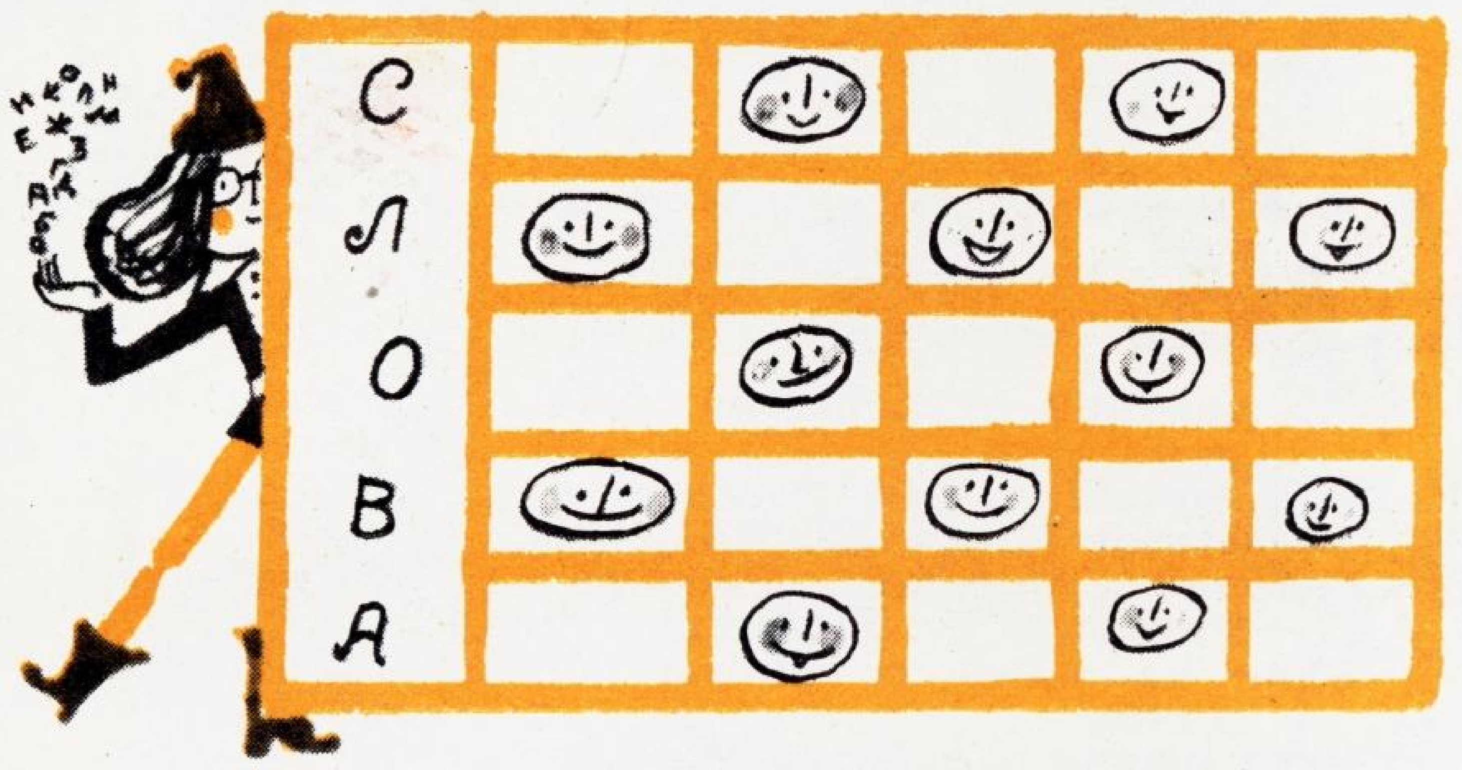
Дед Буквоед.

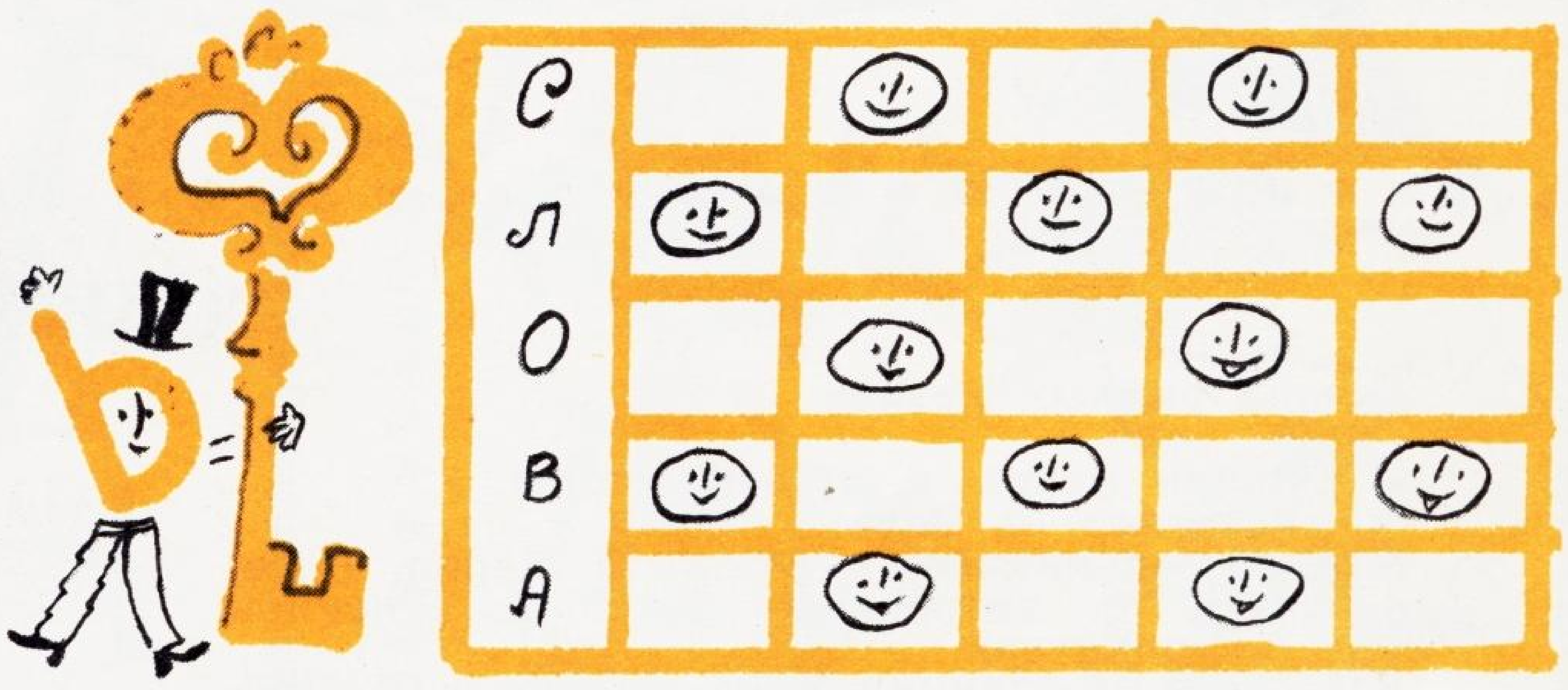
I

С Л — Во мне сплетен цветок с цветком.
О Л — А без меня не строят дом.
О В — Внутри меня таится роза.
А В — В норе я прячусь от мороза.

II

С Л — Сидит лягушка подо мной.
О Л — Я трюк, забавный и смешной.
О В — Я на окне люблю стоять.
А В — Со мною «пять» уже не «пять».





Капитан Перо-86 ищет помощника

ЗАГАДОЧНЫЙ ПАРОЛЬ

Циркуль зашел к капитану Перо и увидел на столе записку. Он прочитал ее, но ничего не понял.

— Что это за записка? — спросил он.

— Ее принесли мне резинки, просят помочь им разгадать пароль карандашей.

— Но тут же ясно сказано: девяносто четыре тысячи сто семьдесят два.

— Боюсь, что ты неправ. Видишь, слева на записке столбик слов? Думаю, каждая буква заменяет здесь какую-нибудь цифру от 1 до 9. Если подставить в число 94.172 вместо цифр эти буквы, то и получится пароль карандашей.

— Неплохо придумано! Видно, карандаши прекрасно знают арифметику. Я уже начинаю догадываться, что М равно 9, а мягкий знак не равен ни 7, ни 6.

Помогите, ребята, расшифровать капитану Перо это пятизначное число. Подсказываем: ключ к отгадке — в мягком знаке.

Игры Лупы и Пинцета

Бегемоты и жирафы

В нашей коллекции появились шесть камерунских и шесть нигерийских марок. В каждой серии на трех марках изображены бегемоты, а на трех других — жирафы. Выберите из этих двенадцати марок такие три марки, которые нужно положить рядом так, чтобы:

1. Справа от марки с бегемотом лежала одна или две марки с жирафом.
2. Слева, рядом с маркой, на которой изображен жираф, были бы марки еще с одним или двумя жирафами.
3. Слева от нигерийской марки была бы одна или две камерунских марки.
4. Справа от марок из Камеруна лежали бы одна или две камерунские марки.

СОДЕРЖАНИЕ

Школа умелых хозяев
Найди место в общем строю 1
Разговор на Совете 2
Мария Мельникайте.— Стихи С. Нерис. Перевела с литовского С. Мар. Рисунок А. Толкачева 4
Всадники на станции Роса.— Повесть В. Крапивина. Окончание. Рисунки Е. Медведева 6
Коммунисты, вперед! — Стихи А. Межирова . 14
Партийный билет.— А. Скрыпник. Фото В. Постникова 16
Плотина в горах.— В. Харченко. Фото Г. Беглова и Б. Дергача 18
Главный человек в лагере.— Г. Черный. Фото В. Постникова 20
Боевой листок № 3 23
Хвала гимнастерке.— Повесть Э. Корпачева. Рисунки С. Трофимова 24
Разлейся, песня-молния. — В. Катанян . . . 30
Международный пионерский клуб «Товарищ» 32
«Кораблик» 36
«Варяг» — сын «Варяга».— В. Науменков. Фото автора 38
Машины девятой пятилетки.— М. Гуревич, О. Либкин. Рисунки Б. Гуревича . . . 41
На далеком острове, на Кубе...— Стихи С. Погореловского. Рисунки Б. Гуревича . . 44
Под музыкальным деревом.— А. Кленов. Рисунки Н. Доброхотовой 46
Говорит Москва! — Рассказ В. Воробьева. Рисунки И. Урманче 50
Один на один с фотоаппаратом.— В. Постников 52
Камышевка у себя дома.— М. Штейнбах. Фото автора 54
Тубус.— Рассказ А. Гусева. Рисунки Б. Полянского 56
Альпинисты. Счастливое утро. Острова.— Стихи Н. Юрковой. Рисунки В. Руденко 64
Эхо.— Стихи Э. Бабаева 65
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой 66
Новые похождения Карлсона.— Повесть А. Линдгрен. Окончание. Перевела со шведского Л. Лунгина. Рисунки П. Багина 67
Давайте играть в городки. — М. Чудаков. Рисунки Г. Метченко 72
Что нам читать? 74
Академия домашних волшебников 77
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . 79
На обложке:
Хорошо летом! Рисунок П. Багина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (зам. главного редактора), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Оформление А. А. БОРИСОВА. Макет Б. А. ГУРЕВИЧА.

Сдано в набор 25/IV 1973 г. А 02602. Подписано к печати 4/VI 1973 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1408. Заказ № 665.

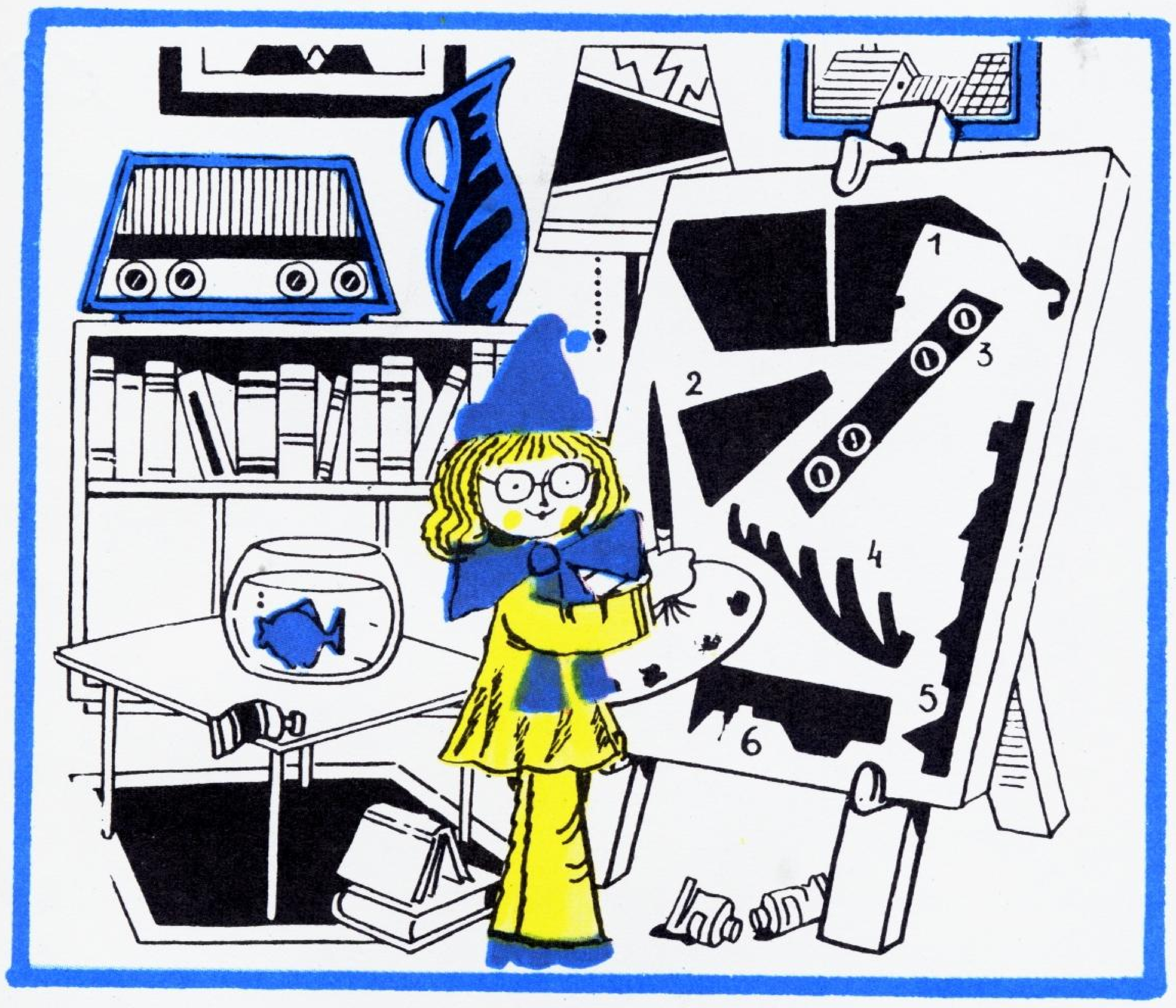
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

И рисует и поёт

Не всегда ж чертить
фигуры
Львов, бизонов и моржей,
Нарисую-ка с натуры
Вещи в комнате моей.

Такую песенку распевает Живживка, рисуя на большом листе бумаги многое из того, что можно увидеть в комнате.

Попробуйте и вы нарисовать вашу комнату и детали предметов, которые в ней находятся. У кого лучше получится: у вас или у Живживки?



Весёлый воробей

Все птицы ищут червяков,
Чтоб съесть их поскорей.
Но совершенно не таков
Проказник воробей.
Его веселый склад ума
В рисунках виден сразу.
Придумай сам (или сама)
Еще одну проказу.

Живживка.

Ответы на задачи из № 6

Игры Лупы и Пинцета

Учитесь видеть насквозь

Марки должны быть расположены так: зебра, лемур, страус, попугай, кенгуру.

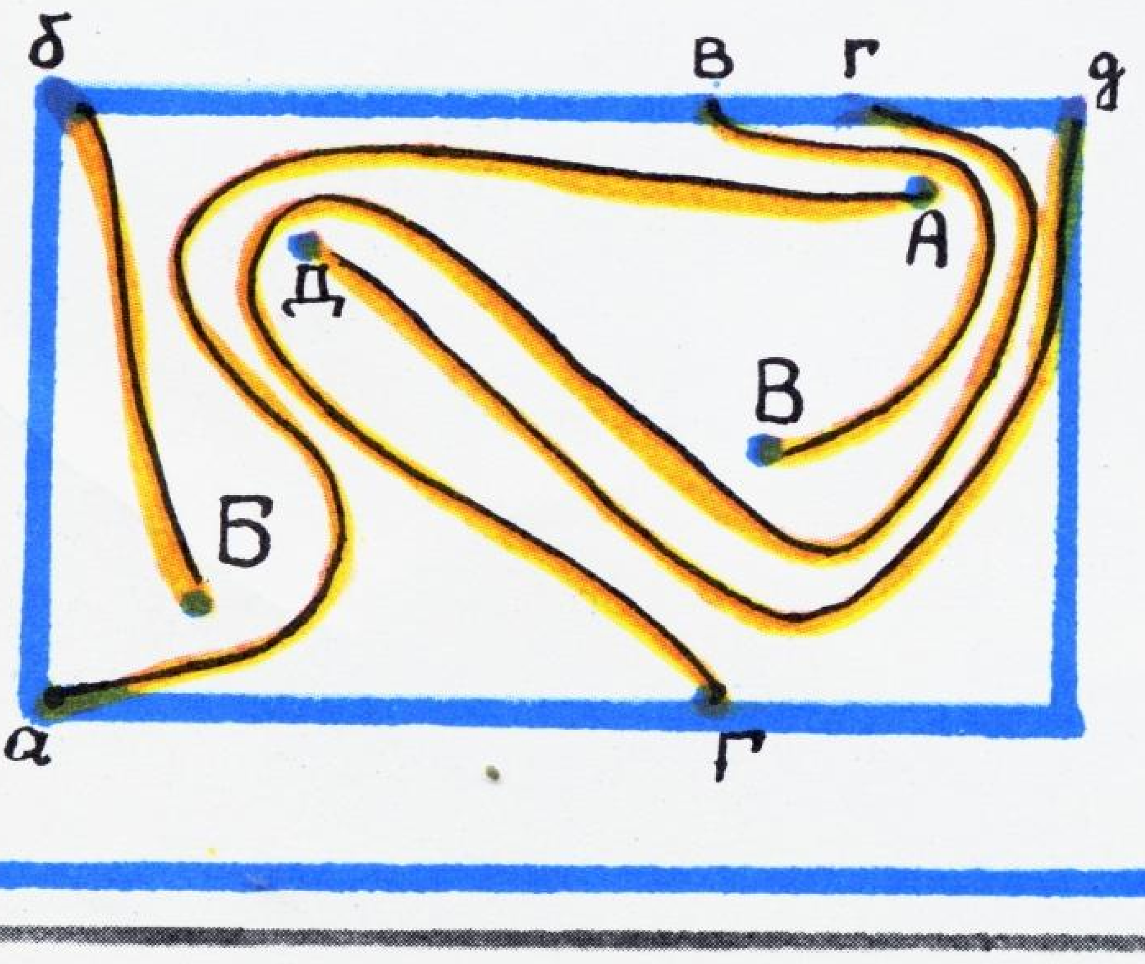
Кто это?

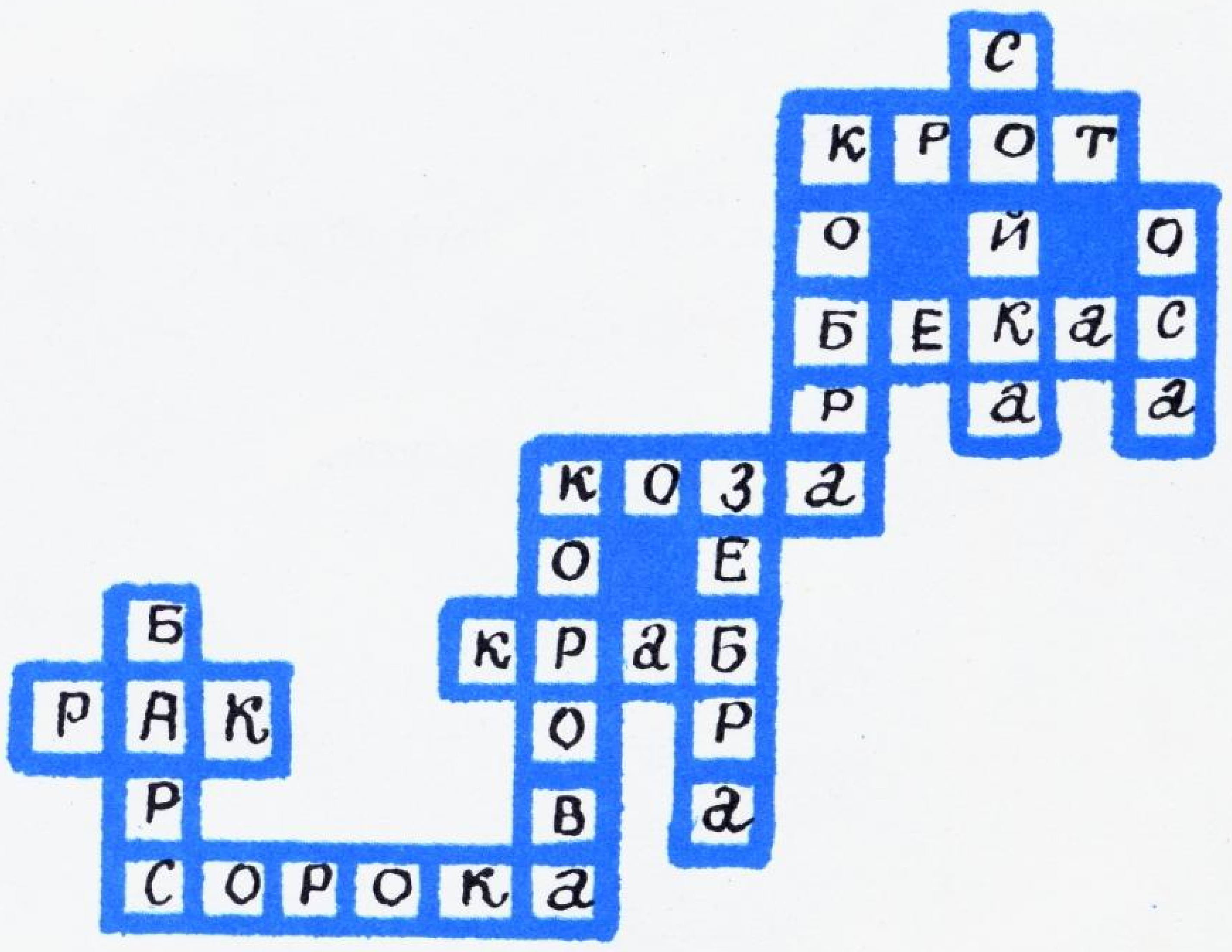
У вас должны получиться слова: колесо, рубанок, кипяток, корабль, воздух, локоть, олень, маятник, укротитель.

1 : 0 ведут «Львята»

Вот как вели мяч игроки в решающем матче.

Кроссворд «Стрекозы и воробья» все ребята решили правильно.





ОБЪЯВЛЕНИЕ

Благодарим всех ребят, принявших участие в «Схватке с роботом» («Пионер» № 2). Победила в этом конкурсе Наташа Прихотько из Амурска. Она не только правильно отгадала кроссворд, но и лучше всех оформила ответ. Лупа и Пинцет выслали ей марки с четырьмя бизонами.

№ 122

Ухожу в океан

Словно птицы, корветы
Вдаль плывут по волне.
Все мальчишки на свете
Видят море во сне.
Не страшны им туманы,
Нипочем ураган.
До свидания, мама,
Ухожу в океан.

Только сильным и смелым,
Не сыгравшим «отбой»,
Мореходное дело
Станет в жизни мечтой.
Есть на свете немало
Неизведанных стран.
До свидания, мама,
Ухожу в океан.

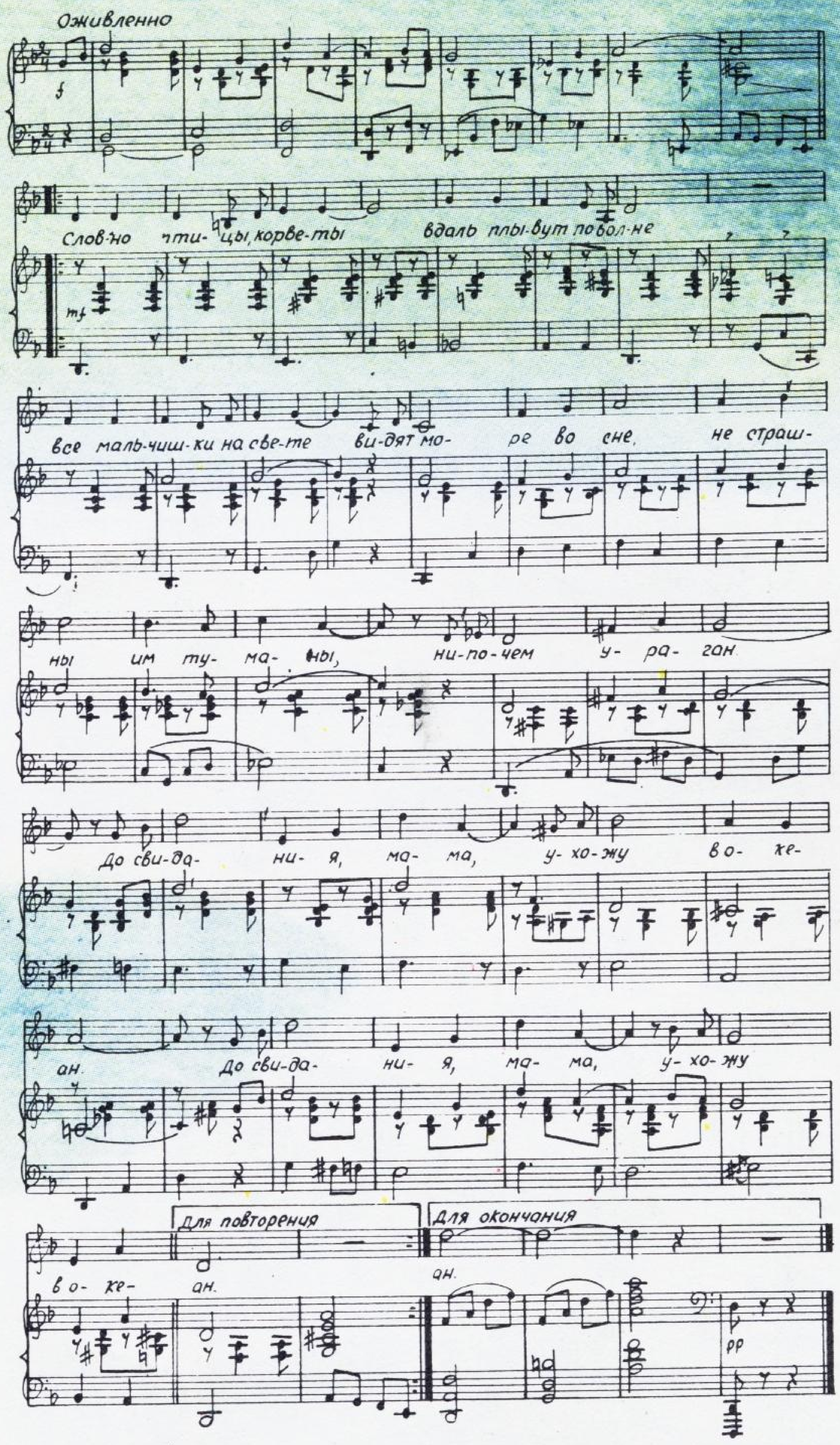
Морем пахнущий ветер
Прилетит по весне.
Все мальчишки на свете
Видят море во сне.
Снится им, как у трапа
Говорит капитан:
«До свидания, мама,
Ухожу в океан».

Музыка Вяч. **ВЕТРОВА.**
Слова М. **ЧИЛИКИНА.**

Рисунок А. БОРИСОВА.

Цена 25 коп. 20
Индекс 70694